

A portrait painting of Petr Chaadaev, a young man with a shaved head, looking slightly to the right with a thoughtful expression. He is wearing a dark coat over a white cravat and a light-colored waistcoat.

БАСМАННЫЙ ФИЛОСОФ:

как Петр Чаадаев пришел
к «отрицанию России»

с. 46

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

ГОД АЛЬТРУИСТОВ

НАСТУПИВШИЙ, 2018 ГОД УКАЗОМ ПРЕЗИДЕНТА объявлен Годом добровольца (волонтера). Даже в животном мире в каждой популяции есть так называемые «альтруисты». Некоторые биологи считают, что таких – не менее 10 процентов. Это те особи, которые, казалось бы, вопреки всем законам природы готовы в том числе пожертвовать собой ради того, чтобы помочь выжить своим сородичам. Жертвуя собой, они делают жизнь остальных лучше.

Про людей часто говорят, что они корыстны, себялюбивы, а в нынешний жесткий «рыночный век» – и подавно. Мол, человек человеку – волк. Однако вопреки этому расхожему представлению мы каждый день сталкиваемся с теми, кто готов действовать во имя того, что называется «общее благо». Альтруисты – среди нас. Только они зачастую не кричат об этом и не пиарятся.

Волонтерское движение в России растет стремительными темпами. Эти люди создают приюты для бездомных животных, помогают старикам в больницах и хосписах. Они готовы сутками искать пропавших детей и взрослых людей, борются с домашним насилием и за права всевозможных меньшинств. Они всегда за слабых, они всегда на стороне добра. Таких, постоянно занимающихся добровольческой работой, в нашей стране насчитывается, по некоторым данным, до 7 миллионов человек. Может, больше, может, меньше. Ведь эти люди, как правило, нигде не регистрируются, не отмечаются и подчас держат ответ только перед теми, кому помогают. И перед своей совестью.

По соцопросам, так у нас и во все чуть ли не половина населения готовы влиться в ряды волонтеров. Чего, конечно же, не произойдет, таких показателей нет даже близко ни в одной стране. Да и не надо тут гнаться за показателями. Но покуда – и если! – среди нас будет хотя бы 10 процентов альтруистов, есть надежда на то, что мы станем лучше и преодолеем всё. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Время инноваций
- 08** Стратегия новых знаний
- 10** Декларация есть,
с правами – туманно...
- 12** Под звуки маршей

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

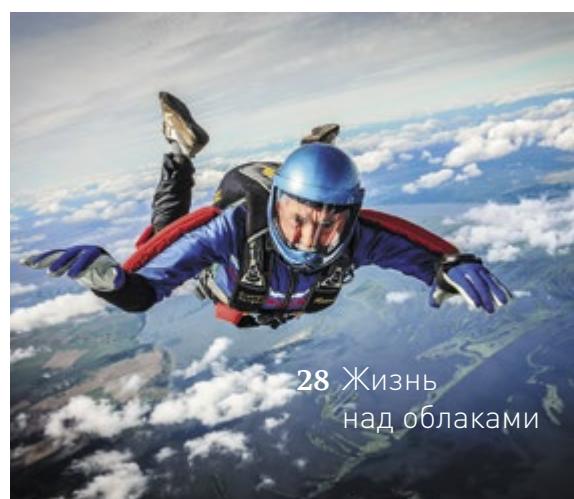

- 14** Время собирать

ИНТЕРВЬЮ

- 18** Человек в театре и театр в человеке
- 24** Сохранить прошлое

- 28** Жизнь над облаками

ИСТОРИЯ

- 36** Первый послевоенный

НАСЛЕДИЕ

- 40** Усталый брат
- 46** Петр Чаадаев: горе от ума

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- 54** Дама в красном
- 60** Офицер из трущоб

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Юлия ГОРЯЧЕВА
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Юлия СЕМЕНОВА
Михаил ТАРКОВСКИЙ
Юлия ЭГГЕР

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkimir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

66 Деревня
у мельницы

74 Михалыч
из Мариинска

ПУТЕШЕСТВИЕ

82 Терра инкогнита
в центре Европы

ГОРОДА РОССИИ

88 Предел забвения

ВРЕМЯ ИННОВАЦИЙ

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

**СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ
ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ
ДОЛЖЕН НОВЫЙ
ЗАКОН О НАУКЕ,
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ
И ИННОВАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ЕЩЕ
НЕ ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ
В ПАРЛАМЕНТ
ДОКУМЕНТ УЖЕ
НА ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ
ВЫЗВАЛ ОГРОМНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
РЕЗОНАНС. ВЕДЬ КОГДА
ЗАКОН БУДЕТ ПРИНЯТ,
ИМЕННО ОН БУДЕТ
ОПРЕДЕЛЯТЬ МЕСТО
И РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.**

В НАЧАЛЕ ДЕКАБРЯ 2017 года прошло совместное совещание комитета Госдумы по образованию и науке и Московской областной думы на тему «О совершенствовании законодательного регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности в

Российской Федерации». Речь на нем шла о подготовке нового закона о науке. В обсуждении законо-проекта приняли участие депутаты Государственной думы РФ, Мособлдумы, представители правительства, Российской академии наук, наукоградов, а также нескольких крупнейших российских предприятий, занятых разработкой и производством высокотехнологичной продукции, в том числе и оборонного назначения.

НУЖЕН НОВЫЙ ЗАКОН

«Вопрос является центральным для нашей страны, это основа ее интеллектуального потенциала, ее развития. Комитету важно знать мнение руководителей научных центров, законодательной власти различных субъектов РФ, научного сообщества», – заявил, открывая совещание, глава комитета Госдумы по образованию и науке, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов.

Планировалось, что законопроект будетнесен в парламент до конца 2017 года, но этого не было сделано, отметил он. Напомним, предварительный текст законопроекта «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» был представлен летом этого года. Документ был разработан специалистами Минобрнауки с участием депутатов профильного комитета Госдумы. В рабочую группу по подготовке концепции доку-

та вошли парламентарии, представители Минобрнауки, Минэкономразвития, Минфина, Общественной палаты, РАН, университетов и других заинтересованных структур. Речь идет о базовом законе, предусматривающем новую структуру всей административной системы научной сферы, способствующем превращению Академии наук в национальный штаб исследований, определяющем задачи научно-технологического развития страны. Документ должен заменить действующий закон 1996 года, многие положения которого давно устарели.

«Новый закон очень нужен, так как действующий был принят еще в 1996 году и сейчас напоминает триш-кин каftан, который пытались залатать с помощью разного рода поправок, чтобы приспособиться к изменяющейся ситуации. К сожалению, в действующем законодательстве о научно-технической политике слишком много риторики, но сейчас уже не те времена, когда нужно агитировать за все хорошее. Необходимо отвечать на конкретные проблемы отрасли, создавая условия для инновационного научно-технического развития, формирования «умной экономики» – тех самых факторов, от которых зависит благосостояние страны», – сказал Вячеслав Никонов.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ПОПРАВКИ

Успехи в научной и технологической сферах – один из ключевых вопросов для нашего государства, отметил Вячеслав Никонов. Они определяют лидерство, конкурентоспособность страны и отношение к ней во всем мире. В 90-х годах XX века мы потеряли целое поколение ученых, которые либо уехали за рубеж, либо занялись другими видами деятельности. Число ученых снизилось с 1,7 миллиона человек до 800 тысяч, потери не восполнены до сих пор.

Текст обсуждаемого законопроекта вызвал неоднозначную реакцию, сказал Вячеслав Никонов, добавив, что сроки подготовки документа перенесены на следующий год как раз для того, чтобы учесть возникшие в ходе общественного обсуждения вопросы и внести необходимые корректировки. Напомним, эксперты, ученые, представители общественности

подвергли критике заложенную в законопроект систему диссертационных советов, порядок присвоения и лишения ученых степеней. Вопросы вызывала и норма о личной материальной ответственности руководителей и членов коллегиальных органов управления научных организаций за несоставившиеся проекты, что создает условия для преследования ученых за ошибки при фундаментальных исследованиях.

«Либо наша страна однозначно превращается во второстепенную в технологическом плане державу и мы дальше ориентируемся на ресурсную экономику, либо мы разрабатываем новую идеологию нашего научно-технологического развития и, исходя из этого, формируем законодательство», – заявил член-корреспондент Российской академии наук, заместитель президента РАН Владимир Иванов, добавив, что фундаментальная наука в настоящее время отодвинута на второй план. По его словам, бизнес может пожинать плоды фундаментальных исследований через 20–25 лет и даже позже. Академик назвал фундаментальную науку системообразующим институтом, определяющим развитие нации.

О проблемах в законодательном регулировании прав на интеллектуальную собственность рассказал генеральный директор НПО им. Лавочкина Сергей Лемешевский. Согласно действующему законодательству, права на интеллектуальную собственность принадлежат тому, кто платит деньги, то есть заказчику. Работая над созданием спутника по заказу Минобороны, НПО им. Лавочкина оформляет патенты на обо-

ронное ведомство. А работая над следующим изделием, предприятие вынуждено на договорной основе использовать свои же изобретения, отчисляя Минобороны деньги. Регистрация патентов в таких условиях просто невыгодна, так как приводит к росту расходов. Сергей Лемешевский предложил оставлять права на интеллектуальную собственность учреждениям, в стенах которых были сделаны изобретения, даже если заказ выполнен за счет госфинансирования. Такие учреждения смогли бы получать дополнительную выгоду за счет патентных отчислений.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Совещание не случайно было проведено совместно с Мособрдумой. Московская область – регион с высокой концентрацией научных учреждений и инновационных предприятий. В Подмосковье расположено свыше 40 исследовательских и учебных институтов, 8 из 13 российских наукоградов. Регион обладает уникальным

Научную отрасль Вячеслав Никонов назвал основой интеллектуального потенциала России

Владимир Иванов считает, что необходима идеология научно-технологического развития

опытом запуска свободных экономических зон технико-внедренческого типа. В одной из таких зон, Дубне, уже работают 133 предприятия-резиденты, к концу прошлого года инвесторы вложили в них 10,6 миллиарда рублей. Вторая зона, Фрязино, только открыта, на нее возлагаются большие надежды. Работает кластер ядерных и физических наук в Дубне, а также биотехнологический кластер в Пущине. Всего в Подмосковье в научно-технической деятельности занято более 87 тысяч человек.

С предложениями о расширении полномочий регионов выступил Вячеслав Крымов, председатель комитета Мособрдумы по экономике, предпринимательству и инвестиционной политике. По его словам, сейчас регион не имеет права выделять финансы на поддержку отдельных ученых и научных организаций, если речь идет об организациях федерального подчинения. Приходится находить лазейки в законодательстве, чтобы за счет регионального бюджета оказывать такую поддержку. Еще одна проблема – недостаточно урегулирован юридический статус наукоградов, что также создает сложности в финансировании этих муниципальных образований как из регионального, так и из федерального бюджета. Пакет поправок в закон депутатами Мособрдумы подготовлен. В совещании приняли участие академик Российской академии наук, первый заместитель председателя комитета Государственной думы по образованию и науке Геннадий Онищенко, аудитор Счетной палаты Российской Федерации Владимир Катренко, заместитель министра здравоохранения Российской Федерации Сергей Краевой, директор Российского фонда фундаментальных исследований Олег Беляевский, а также другие представители научного сообщества.

«Уверен, совместными усилиями нам удастся создать закон, который пойдет на пользу нашей науке и инновационной деятельности», – подвел итоги совещания Вячеслав Никонов, отметив, что обсуждение было полезным и содержательным. Он заверил, что работа над документом будет продолжаться с учетом «болевых точек» и поднятых в ходе дискуссии острых вопросов.

Вячеслав Крымов просит для регионов больше полномочий для поддержки науки

СТРАТЕГИЯ НОВЫХ ЗНАНИЙ

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНОК ТРУДА СТРЕМИТЕЛЬНО МЕНЯЮТСЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИВОДЯТ К ПОЯВЛЕНИЮ НОВЫХ ПРОФЕССИЙ, А ЧАСТЬ СТАРЫХ МОЖЕТ ИСЧЕЗНУТЬ В БЛИЖАЙШИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ. ЧТОБЫ РОССИЯ БЫЛА ГОТОВА К ЭКОНОМИКЕ БУДУЩЕГО, ДЕЙСТВОВАТЬ НУЖНО УЖЕ СЕЙЧАС.

СТРАТЕГИЧЕСКОМ
планировании раз-
вития образования
в Российской Фе-

дерации» – такова была тема парламентских слушаний, проведенных комитетом Государственной думы по образованию и науке в ноябре 2017 года. Ведущим слушаний выступил глава комитета Госдумы по образованию и науке, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов. В дискуссии приняли участие депутаты нижней палаты парламента, члены Совета Федерации, представители Министерства образования и науки РФ, ряда других министерств и ведомств, а также педагоги и эксперты.

МАСШТАБНАЯ СИСТЕМА

Образование и наука определяют будущее любого государства, подчеркнул Вячеслав Никонов. Современный мир – это мир знаний, и он очень быстро меняется. А система образования и науки в России – одна из самых крупных. В ней заняты 35 миллионов человек, из них 30 миллионов приходят в детские сады, садятся за школьные парты, посещают студенческие аудитории, а 5 миллионов обеспечивают учебный процесс. Образование является и одной из самых крупных расходных статей государственного бюджета. Так, в 2017 году на раздел «Образование» пришлось более 3,2 триллиона рублей консолидированного бюджета РФ, к 2020 году эта сумма возрастет до 3,8 триллиона.

При этом подготовка профессионала занимает длительное вре-

мя. Так, если начинать с детского сада, то подготовка специалиста со средним специальным образованием занимает семнадцать лет, а с высшим – девятнадцать. Если сейчас провести какие-то изменения, то профессионалы, подготовленные по новым стандартам, выйдут на рынок труда только в 30-х годах XXI века.

«Каждые два года объем знаний, накопленных человечеством, удваивается, – отметил Вячеслав Никонов. – В связи с появлением новых знаний и развитием новых технологий кардинальным образом меняется ситуация на рынке труда. Мы с трудом себе представляем, как через двадцать лет будет выглядеть рынок труда, а мы должны себе это представлять, потому что уже сейчас мы должны начать готовить детей к экономике будущего».

Он привел пример: две самые массовые профессии в нашей стране – это водитель и продавец. Представители именно этих профессий рискуют потерять работу в ближайшие годы из-за автоматизации. Ведущие технологические компании активно работают над созданием беспилотных систем управления автотранспортом, а сокращение рабочих мест в торговле происходит уже сейчас. В то же время появляется потребность в специалистах по искусственному интеллекту, по 3D-печати, а этих профессионалов нужно готовить.

«Назрела пора для серьезного разговора о стратегии развития образования, стратегии развития исторической науки в нашей стране, преподавания истории и в целом всего исторического знания, – считает Вячеслав Никонов. – Это тем более актуально, поскольку принят закон о стратегическом планировании. Появляются самые разные стратегии, но стратегии развития образования у нас нет. При этом существует большое количество маленьких стратегий, охватывающих отдельные отрасли образования, но не все поле в целом. Некоторые сегменты вовсе не охвачены стратегическим планированием, например дошкольное образование, непрерывное образование, образование пожилых людей».

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ

Планирование развития системы образования неразрывно связано с экономикой, уверена президент Российской академии образования, председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая. Она считает, что повысить качество преподавания невозможно без повышения уровня оплаты труда педагогов. Людмила Вербицкая напомнила об опыте Санкт-Петербурга, где зарплата школьных учителей была доведена до уровня преподавателей высших учебных заведений. «И ни один учитель не ушел в вузы», – подчеркнула она.

Большой проблемой Людмила Вербицкая считает также тот факт, что наша страна давно перестала быть читающей. Дети смотрят в компьютеры, а не читают, и это очень грустно. Она напомнила о нехватке школ, а также о качестве преподавания национальных языков и русского языка в регионах.

Важнейшие вопросы обороны, международных отношений, финансовой политики должны решать образованные люди, иначе ошибки неизбежны, считает лидер парламентской фракции ЛДПР Владимир Жириновский. Говоря о проблемах, он отметил, что зачастую студенты или ученики не слушают преподавателя из-за неумения последнего заинтересовать их материалом или из-за того, что сам предмет неинтересен и не нужен учащемуся. Он предложил дать учебным заведениям больше свободы в формировании расписаний и курсов, избавить их от излишней бюрократической опеки. «Систему надо менять, но не революционным путем, а правильно расставляя акценты», – сказал Владимир Жириновский.

НУЖНА МОДЕРНИЗАЦИЯ

Считать образование сферой услуг отказывается первый заместитель председателя комитета Госдумы по образованию и науке Олег Смолин. По его мнению, это самое настоящее производство, причем производство главного продукта – специалистов, играющих решающую роль в экономике. Только хорошо подготовленные профессионалы смогут провести модернизацию эконо-

ники. По словам Олега Смолина, основные экономические показатели, уровень развития человеческого потенциала, масштаб инноваций и роботизации быстро снижаются. Так, экономика России уже двенадцатая в мире, и очень скоро даже эта позиция может быть потеряна. «По оценкам международных экспертов, у нас вторая армия в мире, и она защищает нас от многих угроз, но двенадцатая экономика мира и вторая армия мира существовать долго не могут, – сказал Олег Смолин. – Вывод очень простой: ослаблять армию мы не можем, значит, надо повышать уровень экономики. А для этого надо повышать ключевой фактор экономики и развития человеческого потенциала – фактор образования».

Чтобы этого добиться, необходимо справиться с несколькими проблемами. Первой из них Олег Смолин считает проблему финансирования. На образование у нас сейчас расходуется 3,6 процента от всего ВВП, но для модернизации страны эта цифра должна составлять 7 процентов, отметил Смолин. Даже по минимальным прогнозам, нужно увеличивать финансирование образования на триллион рублей в год. Вторая

проблема – низкий статус педагога в стране. Учитель, чтобы заработать приемлемую зарплату, должен работать на полторы ставки, то есть на износ. Кроме того, оплата труда преподавателя в разных регионах различается, это тоже неправильно. Третья проблема – бюрократия. Учебное заведение ежегодно отправляет 300 отчетов по 12 тысячам показателей, российского учителя можно смело назвать мировым рекордсменом по времени, которое у него уходит на бюрократические процедуры.

Олег Смолин отметил также, что мы отстаем в сфере дистанционного образования, а это напрямую связано с человеческими ресурсами. На западных онлайн-площадках проходит обучение около миллиона россиян, а все подобные сайты работают как кадровые агентства. Перспективные студенты и школьники получают приглашения на учебу за рубеж, после учебы большая часть из них в Россию не возвращается. Для противодействия утечке человеческого потенциала нам нужно создавать конкурентоспособные условия дистанционного обучения, уверен Смолин.

О проблеме старения педагогических кадров напомнил Игорь Афонин, директор брянского лицея №27. По его словам, средний возраст учителя сейчас – 47 лет, в школах работают пенсионеры, а молодых специалистов мало. Произошло это из-за резкого сокращения количества педагогических институтов и снижения престижа профессии учителя. Он добавил также, что, раздувая единичные проблемные случаи, СМИ критикуют школу. А ведь именно школа является стратегическим общественным институтом, спасением как для родителей, так и для государства.

Подводя итоги слушаний, Вячеслав Никонов напомнил: стратегия развития образования в России должна быть выработана, и большей частью силами Министерства образования и науки. Предложения будут оформлены в виде рекомендаций по решению актуальных проблем развития образования. Особенно отметил Вячеслав Никонов необходимость повышения уровня финансирования. ●

Владимир Жириновский предложил снизить уровень бюрократической опеки

ДЕКЛАРАЦИЯ ЕСТЬ, С ПРАВАМИ – ТУМАННО...

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

РОВНО ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН БЫЛ ПРИНЯТ ДОКУМЕНТ, КОТОРЫЙ МНОГИЕ С НАДЕЖДОЙ ДАВНО ЖДАЛИ – «ДЕКЛАРАЦИЯ О ПРАВАХ ЛИЦ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ИЛИ ЭТНИЧЕСКИМ, РЕЛИГИОЗНЫМ И ЯЗЫКОВЫМ МЕНЬШИНСТВАМ». Но, увы, чуда не случилось. И ДАЖЕ В ПРОСВЕЩЕННОЙ ЕВРОПЕ НАЦМЕНЬШИНСТВА ПО-ПРЕЖНЕМУ ПОДВЕРГАЮТСЯ ДИСКРИМИНАЦИИ. ОБ ЭТОМ ШЛА РЕЧЬ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В РИГЕ, ОРГАНИЗОВАННОЙ ЛАТВИЙСКИМ КОМИТЕТОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА.

ЭТА ПРАВОЗАЩИТНАЯ организация была образована русскими общественными активистами Латвии практически одновременно с принятием Декларации ООН о правах меньшинств – в декабре 1992 года. У истоков ЛКПЧ стояли юристы, преподаватели, историки – Владимир Богданов, Татьяна Жданок, Владимир Бузаев, Константин Матвеев, Геннадий Котов, ставшие известными политиками, правозащитниками, лидерами русского движения Латвии. «Двадцать пять лет назад мы выбрали правовой путь в море бесправия и хаоса беззакония. Мы мучительно искали пути защиты наших, уже утративших свои гражданские права избирателей, – напомнил участникам конференции председатель ЛКПЧ Владимир Бузаев. – Декларация о защите прав нацменьшинств подоспела как нельзя кстати»...

Помимо представителей латвийских русских общественных организаций в конференции приняли участие и зарубежные гости – специальный докладчик по вопросам меньшинств Совета по правам человека ООН доктор права Фернан де Варенн (Канада), а также правозащитники из Литвы и Эстонии, юристы, преподаватели вузов, журналисты, участники Штаба защиты русских школ, лидеры Русского союза Латвии и депутат Европарламента Татьяна Жданок.

С особым интересом собравшиеся ожидали выступления представителя ООН. Канадский профессор был довольно пессимистично настроен в своих оценках и прогнозах. Он сообщил, что к своим обязанностям приступил совсем недавно – в июне, поэтому и в Ригу прибыл исключительно для повышения собственного уровня информированности, а до этого побывал и в Литве. По его словам, правовая система ООН не очень охотно работает с коллективным

Ведущий общественный правозащитник, многолетний председатель ЛКПЧ Владимир Бузаев

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Вместе с юбилеем Декларации ООН свое 25-летие отметил и Латвийский комитет по правам человека

правом, сосредотачиваясь больше на рассмотрении индивидуальных жалоб. Право на образование нацменьшинств хотя и отражено в упомянутой Декларации ООН, но, вследствие недостаточно четкой формулировки, может трактоваться по-разному. Что сегодня, в принципе, все мы и наблюдаем. Так, в 4-й статье Декларации ООН записано: «Государства принимают соответствующие меры к тому, чтобы там, где это осуществимо, лица, принадлежащие к меньшинствам, имели надлежащие возможности для изучения своего родного языка или обучения на своем родном языке». Но там, где нацменьшинство состоит всего из нескольких сотен человек, обучение на родном языке невозможно, отметил независимый эксперт из ООН. Он напомнил, что Декларация о правах нацменьшинств – это не договор, обязательный к исполнению. В европейских законах права на образование нацменьшинств детально не прописаны, в большинстве случаев они носят общий характер. По мнению г-на Варенна, необходимы специальные документы, где были бы четко изложены стандарты этих прав и то, как они должны применяться на практике. «Думаю, наступила необходимость в разработке юридического Договора, гарантирующего права нацменьшинств», – сказал он. – Они в такой же степени являются правами человека, как и права женщин, права детей... Сейчас ситуация с нацменьшинствами в мире довольно сложная, к сожалению, в системе ООН в этой области пока не видно тенденций к изменению в лучшую сто-

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

рону. Но история никогда не стоит на месте, мир меняется. Мы должны в это верить»...

Собственно говоря, русская община, проживающая в странах Балтии, уже давно живет по старому добному принципу: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Но проблема в том, что за минувшие четверть века эти же страны демонстрируют пугающие темпы убывания собственного населения. И что немаловажно – это явление имеет ярко выраженный этнический характер, о чем и напомнил Владимир Бузаев, ссылаясь на официальную статистику. К 2017 году физическая численность нацменьшинств в Латвии уменьшилась почти вдвое... К примеру, в четырех крупнейших латвийских городах – Лиепае, Вентспилсе, Юрмале и Елгаве – русскоговорящее большинство стало меньшинством. Из трех прибалтийских стран именно Латвию правозащитник считает главным претендентом на звание лидера в этом процессе. В соседней Эстонии, например, ребенок из семьи неграждан с 2015 года автоматически считается гражданином ЭР, в Латвии аналогичную инициативу, выдвинутую летом 2017 года президентом страны, депутаты Сейма отвергли. Лидирует Латвия и в сфере уничтожения образования на родном языке – в декабре 2017 года правительство республики одобрило план полного перевода школ только на государственный язык обучения. И даже партия «Согласие», возглавляемая русским мэром Риги Нилом Ушаковым, в итоге согласилась на дискриминационное решение латвийских властей. И все это происходит на фоне протестных акций русской общины, пытающейся отстоять право на образование на родном языке... А, к примеру, Эстония в этом же году разрешила трем русским гимназиям вернуться к обучению на русском языке. Правда, с требованием сдачи экзамена по эстонскому языку на самую высшую категорию, что вряд ли будет выполнимо. Тем не менее та же Эстония не выдвигает столь высоких требований к специалистам разных профессий. В Латвии же, наоборот, в рамках новой школьной реформы собираются

так называемый «Спасательный пакет для меньшинств», связанный с защитой их культурного и языкового разнообразия. По правилам ЕС для рассмотрения инициативы нужно собрать не менее миллиона подписей граждан стран, входящих в Евросоюз, также необходимо, чтобы определенный процент граждан подписался бы как минимум в семи странах.

По данным Татьяны Жданок, сейчас наибольший процент от необходимого числа граждан (почти третья) уже набран в Румынии, где активно подписываются представители венгерского меньшинства, и в Венгрии, где голосуют из солидарности со своими соотечественниками в Румынии. Латвия вышла на третье место. Сбор подписей совершеннолетними гражданами ЕС продолжается. До 3 апреля 2018 года можно подписать в защиту прав нацменьшинств на портале Еврокомиссии – <https://ec.europa.eu/citizens-initiative/32/public>.

повысить требования к знанию государственного языка для учителей. Все прекрасно понимают, что из русских учителей только единицы смогут преодолеть новый языковой барьер...

Депутат Европарламента Татьяна Жданок рассказала, как и чем может помочь ЕС национальным меньшинствам в защите их прав. Впрочем, с этим тоже пока еще многое непонятно. В Евросоюз входит около 60 нацменьшинств, но только 23 языка признаны языками ЕС. Хотя, к примеру, на каталанском языке говорят примерно 10 миллионов человек, а не менее 3 миллионов русских граждан Европы считают своим родным языком – русский. Да, существует Рамочная конвенция по правам нацменьшинств, но некоторыми странами она была принята с рядом оговорок, так же как и Хартия фундаментальных прав. Тем не менее изменений в лучшую сторону можно добиться. Как рассказала Татьяна Жданок, Федеративный союз народов Европы начал сбор подписей под законодательной инициативой в защиту нацменьшинств. Что предлагается сделать? Разработать специальный

Депутат ЕП
Татьяна Жданок
и независимый
эксперт ООН
Фернан
де Варенн
в Риге

Сопредседатель
РСЛ Мирослав
Митрофанов

СВЕТЛАНА ХОЛЯВЧУК/ИНТЕРПРЕССТАСС

ПОД ЗВУКИ МАРШЕЙ

АВТОР

МИХАИЛ ФАДИЧЕВ

ТРАДИЦИОННАЯ ДЕКАБРЬСКАЯ «НЕДЕЛЯ ЭРМИТАЖА» В ПЕТЕРБУРГЕ ЗАВЕРШИЛАСЬ ОЧЕРДНОЙ МУЗЕЙНОЙ ПОБЕДОЙ. 13 ДЕКАБРЯ, В ДЕНЬ ЧЕСТВОВАНИЯ ПОКРОВИТЕЛЯ РОССИЙСКОЙ ГВАРДИИ СВЯТОГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО, ОТКРЫЛАСЬ ПОСТОЯННАЯ ВЫСТАВКА «МУЗЕЙ ГВАРДИИ».

ТОЧНЕЕ ГОВОРЯ, СОСТОЯЛСЯ ренессанс экспозиции, открытой в декабре 2003 года в восточном крыле Главного штаба на Дворцовой площади, переданном Государственному Эрмитажу еще в 1993-м. В 2008 году началась масштабная реконструкция здания, построенного архитектором Карлом Росси в первой трети XIX века. Экспозиция по понятным причинам была свернута. Но едва в 2013 году новая гигантская музейная площадка возобновила работу, как началась подготовка к возрождению «Музея гвардии». Единственного, надо заметить, в России. За ее пределами

ничто подобное существует только в Лондоне и Копенгагене. В канун открытия экспозиции в пресс-центре «ТАСС-Северо-Запад» состоялась пресс-конференция с участием генерального директора Эрмитажа Михаила Пиотровского, его заместителя по научной работе, председателя созданного в России в 2017 году Общества ревнителей истории русской гвардии Георгия Вилинбахова и председателя Объединения памяти лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка Владимира Грекова (Франция). Позже в Эрмитажном театре звучали старинные военные марши в исполнении Адмиралтейского оркестра военно-

На открытии постоянной выставки «Музей гвардии» в Главном штабе

в том числе Дворцовая площадь», – отметил Георгий Полтавченко.

«Память о гвардии для нас – осо-бая вещь. Мы не только музей ис-кусств, музей культуры, но мы в том числе музей государственности, русской военной славы. Наши сте-ны хранят память русской военной истории, наши экспонаты хранят эту память», – подчеркнул Михаил Пиотровский.

Александр Трубецкой среди проче-го сказал о том, что прибывшим в эти дни в Петербург представителям Общества памяти русской импера-торской гвардии выпала честь вы-полнить миссию, которую не удалось выполнить их отцам и дедам. И это были далеко не формальные сло-ва. По давней традиции 13 декабря «сбор трубили» в парижском при-городе Курбевуа, где располагается музей лейб-гвардии Казачьего пол-ка. В скромном особняке, в считанных километрах от центра французской столицы, вот уже почти девяносто лет действует единственный сохра-нившийся после перипетий 1917–1921 годов полковой музей русской гвардии. Нужна очень веская при-чина, чтобы решиться на какие-ли-бо изменения в традиционном ре-гламенте. Такая причина нашлась в 2017 году в Санкт-Петербурге, на Дворцовой площади, в Эрмитаже.

Что касается самой экспозиции, то идея организации музеиного про-странства в анфиладе из семи залов была подсказана историей русской гвардии. По словам куратора вы-ставки, заведующего сектором во-енной геральдики отдела «Арсенал» Владимира Данченко, выставка вы-строена в хронологическом поряд-ке, от момента основания Петром Великим первых гвардейских пол-ков – Преображенского и Семенов-ского – до периода Первой мировой войны. В каждом зале демонстриру-ются знамена, военная форма, ору-жие, ордена, медали, произведения батальной, жанровой, портретной живописи, прикладного искусства, относящиеся к времени того или иного царствования. В результа-те у посетителя возникает целостное представление о более чем двухсотлетней истории одно-го из главных институтов русской государственности в XVIII – начале XX века – императорской гвардии. ●

ка Александра Евгеньевича Трубец-кого. С особым почтением встретили Марию Дмитриевну Иванову, урож-денную графиню Татищеву, чей отец, Дмитрий Сергеевич, был одним из последних выпускников Пажеско-го корпуса, вышедших офицерами в лейб-гвардии Преображенский полк в 1917 году. Мария Дмитриевна выступила инициатором передачи в дар Эрмитажу святынь, десятилетиями хранившихся в семьях потомка-ми офицеров-преображенцев. Что и было сделано в 2008 году. И вот спустя девять лет многие из даров заняли особое место в экспозиции «Музей гвардии».

Встретили гостей губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко, Михаил Пиотровский, Георгий Ви-линбахов (внук офицера лейб-гвардии Павловского полка Бориса

Афанасьевича Ви-линбахова) и председатель Общества памяти русской императорской гвардии Александр Трубецкой (сын конно-гренадера Трубецкого). Речи были по-военному коротки, и в каждом приветствии звучало очевидное: императорская гвардия не только была военной силой, но также питала своими кадрами культурную, духовную, управленческую, обще-ственную жизнь державы.

«Очень важно, что гвардейцы внесли огромный вклад не только в во-инские победы – многие из них стали выдающимися государствен-ными деятелями, деятелями культу-ры и искусства. Именно благодаря гвардии у нас в городе появились многие величественные здания, замечательные гвардейские собо-ры, общественные пространства,

Вот такие они – кавалергарды!

Губернатор
Санкт-
Петербург
Георгий
Полтавченко
и генеральный
директор
Государствен-
ного Эрмитажа
Михаил
Пиотровский
(слева направо)

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«СОБИРАНИЕ НАРОДА» – НОВАЯ ПРОГРАММА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, РЕАЛИЗУЕМАЯ НА ГРАНТ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ. ОНА СТАРТУЕТ ВЕСНОЙ 2018 ГОДА.

«**С**

ОБИРАНИЕ» ЗА-
пускает «Форум
переселенческих
организаций» в
семи регионах России – на Даль-
нем Востоке (Амурская область,
Хабаровский и Приморский
край), в Воронежской, Калуж-
ской, Свердловской и Москов-
ской областях. Выбор регионов
авторы проекта аргументируют
просто: собирать народ надо

там, куда он хочет и едет, а не там, куда его безрезультатно пытаются поселить программа переселения «Соотечественники». Гражданка Великобритании, а в прошлом – Латвии Наталия Иванова с 2007 года не оставляет попыток получить гражданство России. Бывшая жительница Риги и ее сын-школьник в 2007-м хотели переехать жить к 73-летней матери Наталии в

Тверь. Однако Иванову поставили перед фактом: по программе переселения «Соотечественники» она может переехать, но не в город, а в Тверскую область, входящую в 12 регионов, на которые распространяется действие программы.

Иванова поехала посмотреть два предложенных места жительства – заброшенные села под Торжком и Ржевом. В одном из домов не было света, в другом – колодец за полкилометра, в обоих – печное отопление. И женщина послушала совета своей матери. Коль не сгодилась на родине с двумя дипломами о высшем образовании – Рижского политехнического института и диплома МВА Швейцарской высшей бизнес-школы, – Иванова поехала на заработки в Великобританию.

– Я уже шесть лет гражданка Великобритании, а маме уже 83 года, она ни в какую не соглашается переезжать в Лондон, – делится Наталия Иванова с экспертами «Форума переселенческих

организаций». – Я, в принципе, накопила на хорошую двушку в Твери, рано или поздно ее куплю, но остаюсь заложницей обстоятельств: мне до пенсии остается совсем чуть-чуть, а в Англии, как назло, постоянно повышают возраст выхода на пенсию. Если сейчас уеду – лишусь ее. Не знаете, я смогу позже включиться в проект «Собирание народа»? Мне жилье не нужно – сама куплю. Мне бы хотелось через проект найти работу себе по специальности «экономист», а сын – океанограф, и он тоже хочет жить в России. Я и сын понимаем, что в Москве или Петербурге, тем более в Твери, ему сложно трудоустроиться по специальности, да он и не стремится. А вот завербоваться на Дальний Восток, в идеале – по специальности, он бы хотел. Поможете?

В ПОМОЩЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ

– Таких просьб у нас, – делится заместитель председателя исполнкома «Форума переселенческих организаций» Галина Рагозина, – десятки тысяч. Мы для того и задумали проект «Собирание народа», чтобы помочь людям в нестандартных ситуациях. А их за годы реализации программы переселения «Соотечественники» накопилось столько, что впору говорить о систематизации ошибок. Это невозможность, годами – до пятнадцати лет – живя в России, по-

Экспертами проекта «Собирание народа» стали социологи ВЦИОМ, правозащитники СПЧ при президенте РФ, ученые Академии народного хозяйства и госслужбы при президенте РФ, демографы и экономисты

Проект «Собирание народа» стартует в семи регионах России – на Дальнем Востоке (Амурская область, Хабаровский и Приморский края), в Воронежской, Калужской, Свердловской и Московской областях

лучить гражданство страны. Это гигантские, тоже на годы, очереди в паспортных столах. Это произвол чиновников и незнание, куда обратиться переселенцам в отстаивании своих прав. Это, наконец, отставание миграционного законодательства от времени и его вызовов.

Как считают правозащитники и эксперты «Форума переселенческих организаций», главная цель «Собирания народа» – не просто переселить из-за рубежа соотечественников, а обеспечить создание простого и ясного механизма получения российского гражданства.

– У проекта задачи невероятной сложности, – отмечает инициатор и вдохновитель «Собирания народа», председатель исполнкома «Форума переселенческих организаций» Лидия Графова. – Мы пытаемся повлиять на заблудившуюся миграционную политику государства. Превратить ее из репрессивной в привлекательную для соотечественников. Пока же эта политика отбивает у соотечественников желание переселяться на родину и наносит

непоправимый вред России. По существу, «Собирание народа» противостоит репрессивному подходу миграционной политики. И это наша – «Форума переселенческих организаций» – миссия вот уже 22 года. За это время мы смогли какие-то права переселенцев в проектах «Мигрант – это слово должно звучать гордо» и «В защиту «понаехавших» худо-бедно отстоять. Например, добились продления срока действия мини-амнистии, предусмотренной главой 8.1 закона «О гражданстве РФ». Еще способствовали внесению поправок, касающихся приобретения гражданства «носителями русского языка». Поэтому мы не можем устать, остановиться, мы просто обязаны продолжать эту борьбу.

Итак, сверхзадач у «Собирания народа» две – миграционная амнистия и содействие переселению. Способы достижения целей – либерализация законодательства, экспертиза и корректировка действующих законов, изменение программы «Соотечественники» таким образом, чтобы она перестала быть похожей на банальный оргнабор рабочей силы и эволюционировала в программу депатриации.

В 2015–2016 годах авторы «Собирания» смогли добиться изменения федерального закона «О гражданстве РФ». По их инициативе в закон внесена поправка, которая позволяет получить российское гражданство тем, кто более пятнадцати лет живет в России, но его по разным причинам не обрел. Вторая подвижка: владельцам российских паспортов, полученных до июня 2002 года, но по разным причинам отобранных или признанных недействительными, теперь вернут статус гражданина России.

– Но не стоит думать, что через проект «Собирание народа» все будет делаться автоматически, – говорит начальник управления ГУВМ МВД России по вопросам гражданства Николай Евдокимов. – Когда правозащитники

Владимир Хомерики:
«Нам нужна не тактика, а стратегия родины – системный проект взаимоотношений с соотечественниками, каким, надеюсь, и станет «Собирание народа»

Николай Евдокимов:
«Закон, как бы он ни либерализовался, будет однозначен: российское гражданство еще надо заслужить»

говорят о миграционной амнистии, они должны помнить, что ее, амнистии, не будет злостным нарушителям закона. Например, мы лишали и будем лишать российского гражданства двоеженцев из стран Средней Азии, которые создают якобы семьи в России, имея порой многодетные семьи у себя на родине. Мы лишали и будем лишать российского гражданства украинских

беженцев, как бы жестко это ни звучало. В их среде много примеров, когда они оформляют гражданство России, а живут на две страны, регулярно отправляя почтовые переводы на Украину. Это, конечно, удобно – не платить за патент, дающий право на работу, но это к уважению России не имеет никакого отношения. Закон, как бы он ни либерализовался, будет однозначен: российское гражданство еще надо заслужить, а получить можно его только тогда, когда будут доказаны желание жить у нас и лояльность к российским законам.

РЕПАТРИАЦИЯ ИЛИ «ИГРА В ПРЯТКИ»

Лидия Графова такой подход исполнительной власти к переселенческой политике называет «игрой в прятки с жизнью».

– С кем играем в прятки? – возмущена она. – Да, миграционное законодательство мигранты обманывают, как и везде в мире. Но это вовсе не освобождает государственно мыслящих людей от ответственности перед соотечественниками, разбросанными по всему миру и желающими вернуться на историческую родину или просто на родину – туда, где родились. И тут, если мыслить масштабно и государственнически, надо

говорить не о переселении, а о репатриации – возвращении людей домой. И о содействии государства, а не его чиновничьем препятствии.

Примеров чиновничьих рогаток «Форум переселенческих организаций» собрал несколько томов. Одни из последних – переселение из стран Латинской Америки (Аргентина, Уругвай, Бразилия и др.) русских староверов на Дальний Восток и потом обратно – в Латинскую Америку. Причины реиммиграции – невыполнение российской стороной обещания о предоставлении « дальневосточного гектара», отказ в получении российского гражданства, отказ или обман с предоставлением жилья и т.д.

Вот проект «Собирание народа» с марта 2018 года и намерен начать работу с консультационной помощью староверам, которые, несмотря ни на что, продолжают перебираться на историческую родину. Для этого «Собирание народа» вместе с Агентством по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке разработало и представило в ГУВМ МВД России «Правила упрощенного миграционного режима для староверов-переселенцев».

Параллельно эксперты «Собирания народа» – из Совета по правам человека (СПЧ) при президенте РФ, ВЦИОМ и РАНХиГС – готовят многодневный десант в Амурскую область, Хабаровский и Приморский края, Воронежскую, Калужскую, Свердловскую

Лидия Графова:
«Если мыслить масштабно, надо говорить не о переселении, а о репатриации – возвращении людей домой»

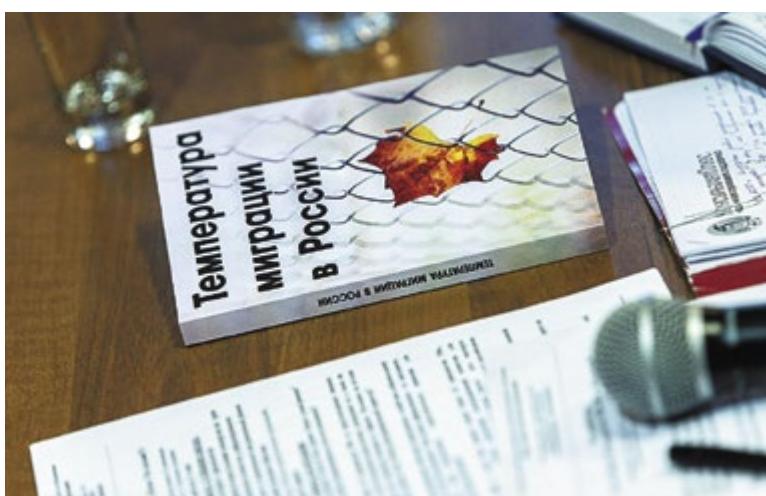
и Московскую области – в те регионы, куда активно переселяются соотечественники.

Участниками проекта «Собирание народа» будет проведено не менее 1500 консультаций для переселенцев – личных, через Интернет и по скайпу. Также разрабатывается пакет предложений практической помощи переселенцу при подготовке документов на оформление российского гражданства.

Затем на основе «полевых исследований» авторы «Собирания народа» намерены разработать критерии и механизм проведения иммиграционной амнистии для давно переселившихся соотечественников, ставших «нелегалами поневоле». Следующий этап – внесение изменений в госпрограмму «Соотечественники»: таких, которые позволят людям как ехать в предписанные программой регионы переселения, так и иметь право выбирать место жительства.

– Мы разрабатываем модельный проект программы «Соотечественники», освобождая ее от запретов и ловушек, которые тормозят активное переселение мигрантов на Дальний Восток и вообще в Россию, – говорит эксперт проекта «Собирание народа», президент Конгресса национальных объединений России Владимир Хомерики. – Пришло время работать системно, а не как «пожарники». Ведь мы долго тушили там, где горит: сначала были против переселения 25 миллионов соотечественников из стран бывшего СССР в Россию, считая их посланцами Русского мира и культуры. После событий 2014 года на Украине меняем тактику. А нам нужна стратегия – системный проект взаимоотношений с соотечественниками, каким, надеюсь, и станет «Собирание народа».

...В Лондон Наталии Ивановой ушло письмо от экспертов «Собирания народа». Они предлагают женщине консультационную и практическую помощь в организации переезда в Россию и в поисках работы для ее сына в Приморском крае. ●

Сверхзадача у «Собирания народа» две – миграционная амнистия и содействие переселению

Юрий Хармелин
открывает
IX Международный
театральный
фестиваль
«Молдфест.Рампа.ру»

ЧЕЛОВЕК В ТЕАТРЕ И ТЕАТР В ЧЕЛОВЕКЕ

БЕСЕДОВАЛА

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

ФОТО

ГЕННАДИЯ БЛАЗЕРА

В ФЕВРАЛЕ 1978 ГОДА В КИШИНЕВСКОЙ ШКОЛЕ №55 УЧАСТИКИ ДРАМКРУЖКА ПОКАЗАЛИ ПРЕМЬЕРУ СПЕКТАКЛЯ «БАРАБАНЩИЦА» ПО ПЬЕСЕ АФАНАСИЯ САЛЫНСКОГО. ОДНОКЛАССНИКИ, РОДСТВЕННИКИ И ДРУЗЬЯ АПЛОДИРОВАЛИ ЮНЫМ АКТЕРАМ И РЕЖИССЕРУ – НЕДАВНЕМУ ВЫПУСКНИКУ ПЯТИГОРСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ЮРИЮ ХАРМЕЛИНУ.

ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ, В ДЕКАБРЕ 2017 ГОДА, зрители в переполненном зале стоя руко-плескали заслуженному деятелю искусств Молдавии, заслуженному педагогу страны, художественному руководителю Государственного молодежного драматического театра «С улицы Роз», директору Городского театрального лицея, декану театрального факультета Славянского уни-

верситета Юрию Аркадьевичу Хармелину, когда президент Молдавии Игорь Додон вручал ему высшую награду государства – орден Республики. Произошло это на открытии IX Международного фестиваля камерных театров и спектаклей малых форм «Молдфест.Рампа.ру», который ежегодно проходит в Кишиневе на базе ГМДТ «С улицы Роз» при поддержке фонда «Русский мир».

Юрий Хармелин – отец-основатель «Молдфест. Рампа.ру», который с каждым годом собирает все больше поклонников, и поэтому беседу с маэстро мы начали с фестивальных впечатлений.

– Устали?

– С одной стороны, да. Все-таки неделя была очень насыщенной, по три-четыре спектакля в день, обсуждения, мастер-классы, гости, зрители, сплошная круговорть. А сейчас даже не верится, что все это было только вчера. И я уже начинаю скучать по фестивалю. Хотя расслабляться тоже некогда. Мы уже готовим заявку в фонд «Русский мир» для следующего «Молдфеста». Он будет очень ответственным. Десятым. Юбилейным.

– Обычно фестивали, когда набирают вес в течение нескольких лет, превращаются в своего рода междусобойчики, где крутятся одни и те же люди и чужим туда попасть не так просто. А что с «Молдфестом»?

– Да ничего. Конечно, за эти годы образовалось такое ядро фестивальное, у нас появились друзья среди экспертов, актеров, театров, которые приезжают сюда каждый год или почти каждый год. Но в последние годы у нас огромное количество заявок от незнакомых нам режиссеров, артистов, театров. Мы с удовольствием приглашаем их в наш круг, если они предлагают что-то интересное для нашего фестиваля, его зрителей. То есть нельзя сказать, что у нас «междусобойчик», совсем нет. Мы открыты.

– Первые два года «Молдфест» назывался просто «фестиваль», а потом превратился в «фестиваль-лабораторию». Почему?

– Потому что здесь очень много экспериментов. И на мастер-классах, и на сцене. Все-таки первые фестивали состояли в основном из участников, с которыми мы дружили до этого, к которым мы ездили на гастроли или с которыми встречались

на фестивальных площадках. Мы уже их знали, потому и звали. Сейчас мы получаем огромное количество заявок от театров, которые мы никогда не видели. Конечно, мы всегда заранее просматриваем видео потенциальных участников фестиваля, обсуждаем, допускаем мы их или не допускаем... Много сомнений вызывают экспериментальные спектакли, необычные, нетрадиционные. Наше согласие достаточно рискованно. Мы, например, хотим показать то или это, а как наш зритель это воспримет? Мы отказываем очень многим, но ведь многих и зовем!

Это и есть эксперимент. Это и есть лаборатория. Каждый спектакль обсуждается профессионалами, театральными критиками, режиссерами. Зрителями. После каждого мастер-класса идут долгие дискуссии.

Мы и сами все время что-то пробуем. В этом году решили еще, скажем так, поэкспериментировать в рамках эксперимента. Запустили несколько полноценных фестивальных спектаклей на малой сцене.

– Но ведь там зал крохотный! Для школьных спектаклей!

– Нет, зал там ненамного меньше, чем основной. На 88 зрителей. Там сцена маленькая. Но ничего, поместились, отлично сыграли. И театр «Лестница» из Тель-Авива, и «Театральная компания Академгородка» из Новосибирска... Использование этой дополнительной площадки дало нам возможность играть по четыре спектакля в день, иначе мы никак на одной сцене не успевали декорации сменить.

А еще я придумал в этом году пригласить на фестиваль бывшего главного художника нашего театра «С улицы Роз» Наташу Силину, которая много лет живет в Испании, и устроить ей выставку. Она очень талантливый, творческий человек. И замечательный сценограф. И вот каждый день, в течение всего фестиваля, организовывались экскурсии на ее выставку. Она здесь же была, в нашем здании (здание Городского театрального лицея, где «снимает угол» и ГМДТ «С улицы Роз». – Прим. авт.). Очень интересная была экспозиция. Наташа проводила мастер-классы по сценографии, истории костюма. То есть впервые в этом году мы начали работать не только с актерами, режиссерами, драматургами и критиками, но и с художниками.

Вообщем, я планирую на X фестивале – а так как я очень хочу, то это получится, я знаю – сделать экспертный совет разнообразнее по составу. При этом не увеличивать число участников, а, наоборот, немного уменьшить. Но включить туда не только критиков. Скажем, два театроведа, один драматург, один художник, один актер, один режиссер... Чтобы каждый из них мог смотреть и видеть спектакль со своей колокольни и оценивать какие-то тонкости, которые понимают только профессионалы в той или иной сфере.

Президент
Молдавии
Игорь Додон
объявляет
о награждении
Юрия Хармелина
орденом
Республики

— Смотрю фестивальную программу. Вижу театры из Израиля, Германии... Вижу Украину, Армению. В прошлые годы приезжали Румыния, Англия, Грузия, Таджикистан... А фестиваль называется «Молдфест. Рампа.ру». «Ру»-то осталось?

— Да, конечно осталось. Несмотря на то, что появляются каждый год один-два спектакля на другом языке, но все равно это «ру». Вот сейчас у нас был изумительный спектакль, я считаю, просто один из лучших — «Кетебун», что в переводе означает «Лечу», из Республики Саха (Якутия). Он игрался на якутском языке. Но это же российский театр! У нас был израильский спектакль «Два голоса», на иврите. У нас вообще-то было три израильских спектакля — два на русском, один на иврите. Но мы давали в наушники перевод на русский язык, то есть все равно зрители смотрели спектакль на русском. Приехало в этот раз много российских театров — Академический областной театр из Владимира, Академический русский театр драмы имени Константина из Йошкар-Олы, Камерный драматический театр из Вологды, московский театр «Эрмитаж»... Игрались много русской классики в этот раз. Нет, не могу сказать, что что-то изменилось с точки зрения «ру».

— Критики отмечают и зрители видят: ежегодно на фестивале вдруг всплывает какая-то тема, которая не была сформулирована в программе. Несколько лет назад вдруг в каждом втором спектакле поднимали проблемы взаимоотношений с Богом, года три-четыре назад почему-то везде была тема воды — и в сценографии, и в текстах, и в оформлении. В прошлом году главной стала тема взаимоотношений здоровых и «нор-

мальных» с бытовой точки зрения людей с людьми с особенностями. А какая тема в этом году всплыла?

— Это все получается как-то само собой, мы, формируя программу, ничего и ни в каких смыслах не пытаемся объединить. Тем более что один театр может приехать и сыграть в этот день, другой, наоборот, в этот день должен уже уезжать... Но как-то даже по дням складывается. То весь день женская судьба, то вселенское одиночество. Утренний спектакль — одиночество, дневной — одиночество, вечерний тоже о нем. Вот что любопытно. С другой стороны, когда мы просматриваем спектакли, отбираем то, что интересно, то, что волнует. Получается, в точку попадаем?

Среди гостей «Молдфеста» председатель Союза театральных деятелей Молдавии Санду Греку

«Страсти Медеи, проделки Джакомини» по пьесе Нины Мазур в постановке Нового художественного театра (Челябинск)

Да, в этом году было много спектаклей о женщинах, о женском одиночестве. Было несколько молодежных экспериментальных спектаклей по «новой драме», и поставленных неожиданно, по-новому. Были поэтические спектакли – литературно-музыкальная композиция по произведениям Пушкина, поэтический спектакль по произведениям Ахмадулиной. И зрители с удовольствием на них приходили. Не знаю, может быть, есть смысл подумать о десятом, юбилейном «Молдфесте» как о фестивале поэтическом? Хотя, честно говоря, я не очень люблю ограничивать в теме. Должно быть разнообразие тем, жанров, драматургии.

– Вы упомянули «новую драму». А что это в вашем понимании? Чем она отличается от «новой драмы» начала XX века? Драмы Чехова, Ибсена, Гауптмана?

– Честно говоря, этот термин – «новая драма» – я терпеть не могу. И его не употребляю. Его употребляют критики. Я считаю, что не существует никакой «новой драмы». Есть классика, которая уже себя зарекомендовала на все времена, и есть современная драматургия. Современная – это то, что написано нашими современниками. Никакого другого смысла я сюда не вкладываю.

«Новая драма» – это что? Какая-то заумь? Триллер и мистика? Но мне кажется, что ничего качественно нового в этом нет. Пьесы Славомира Мрежека ведь не назовешь «новой драмой», а в них тоже заумь. Того же Гоголя или Достоевского тоже не назовешь представителями «новой литературы» или «новой драмы». Но там столько философии, столько мистики, чего-то сегодняшнего и вневре-

менного. И у того же Пушкина. А у Лермонтова? Мне кажется, это просто так придумали – «новая драма».

Это как постдраматический театр. С моей точки зрения, никакого постдраматического театра нет. Есть театр, какой он есть. И он развивается. Может быть, да, если на сцене начинают ругаться матом, то это считается новой драматургией. Но это не новая драматургия, это просто ругаются матом. И в старой драматургии иногда тоже проскальзывают нецензурные слова. И у Пушкина стояли многоточия. Не знаю... Критикам, что ли, нужно обязательно что-то выдумать, но я не понимаю ни новой драматургии, ни постдраматического театра. Хотя мне иногда говорят: «У вас этот спектакль – настоящий постдраматический театр». Да какой постдраматический! Я этот спектакль сделал по тем же канонам и принципам, что и любой другой.

– Давайте лучше вернемся к традиционному драматическому театру. Вы ставите много русской и зарубежной классики, а некоторые спектакли ставите – я имею в виду заново ставите – по нескольку раз. Вот сейчас состоялась премьера «Мертвых душ». А впервые «Мертвые души» вы выпустили еще в 1991 году. Почему вы в разные годы обращаетесь к одному и тому же произведению?

– Уточняю. Не только классику я по нескольку раз ставлю. Я недавно обратил внимание, что есть какая-то закономерность. Проходит лет 18, 20, 25, и вдруг я возвращаюсь к той же пьесе, какую ужеставил однажды. Что-то мне вдруг, вне зависимости ни от чего, хочется опять ее показать, перечитать по-новому. И однажды я понял. Ведь поко-

Семейное
трио гостей.
Народный
артист РФ
Юрий Назаров,
заслуженная
артистка РФ
Людмила
Мальцева,
актриса Полина
Нечитайло

ления меняются каждые двадцать лет. Вырастает новая молодежь. И эта молодежь еще не видела «Мертвых душ», например, а должна их увидеть. Не ко всем спектаклям я периодически возвращаюсь. Есть постановки одноразовые. Не нужно их возрождать. Существуют другие пьесы на эти темы, с помощью которых можно поговорить с новым поколением. А есть спектакли, которые надо вернуть. Вот таким образом вернулся в репертуар «Автобус» Стратиева, вернулся «Тиль» по Горину, «Мертвые души», «Маскарад»... многое очень. И всегда через такой вот срок.

Самое любопытное, я не ищу специально, что там я ставил двадцать лет назад. Само как-то всплывает. И оказывается, что это нужно. Чем больше проходит времени, тем меньше молодежь, новое поколение, читает, интересуется хорошими книгами. Школа тоже дает меньше, чем раньше. Уроки литературы, по крайней мере в Молдавии, сегодня сокращены, их стало очень мало. На того же Достоевского выделяется пять-шесть часов. Все-таки когда-то мы изучали авторов серьезно, много, долго. Когда на уроках литературы изучались те же «Мертвые души», а на уроках истории изучалась эпоха, в которую они создавались, дети понимали, что происходит, как, где, в какой атмосфере, что происходило в это время в других странах... Сейчас и исто-

рию изучают в усеченном виде, и литературу. И получается, что только театр, наверное, может как-то помочь увидеть эпоху, костюм, обстановку, услышать язык.

– *Возвращение в Средневековье, да? Когда архитектура и театр – Библия для неграмотных.*

– Да, возвращение в те времена, когда театр был обязательной школой, когда в эпоху Возрождения люди могли часами стоять и смотреть спектакли.

Так и теперь. Ты не прочел, но пришел, посмотрел, что-то открыл для себя, что-то понял. Вот почему очень опасно, мне кажется, когда режиссер выпячивает себя, когда ставит, а не автора, особенно классического. Все равно первоначальна в театре драматургия. Надо об этом всегда помнить. Сначала пьеса, а потом уже спектакль, он вторичен. Можно одеть в дорогие костюмы актеров, можно сделать ультрасовременную постановку, но Спектакль, именно так, с большой буквы, не состоится. В нем не будет духа времени, пульса времени, если режиссер попытается подменить собой автора.

Современными классическими произведениями делают не современные костюмы, не сленг и не технические новинки в сценографии. Я возврату, одену сейчас в джинсы все «Мертвые души»

Сцены
из спектакля
«Мертвые души»
в постановке
ГМДТ «С улицы
Роз»

и скажу – вот вам современность! Да это никак не современно! Найти и показать, почему сегодня «Мертвые души» вдруг оченьозвучны с нашим временем, вот в этом современность классики, мне кажется.

– Это вы сказали на фестивале, что все мы – мертвые души?

– Нет, я так не говорил, хотя красиво. Мы ж пока живые. Мы хотим что-то изменить в этой жизни. Но мы какие-то неучтенные души. Про это я тоже хотел сказать в спектакле. Там лейтмотивом идет: «А сколько крестьян у вас померло? А кто их считал!» Никто их и не считал. И так же нас не считают. Неважно, мертвые мы или живые. Важно, что нас не считают. То есть с нами не считаются. Мы необязательно нужны. И без нас хорошо. Мы нужны, когда на выборы, когда еще куда-то...

– Сорок лет назад вы создали драмкружок, который взросел, пока не превратился наконец в полноценный театр. Он оброс солидным учебным заведением – театральным лицеем, театральным факультетом Славянского университета. И вы, как атланты, все это держите. Неужели за сорок лет не было желания плюнуть на все и уйти, уехать, сменить род деятельности, да на пенсию, наконец, отправиться?

– Нет. Никогда, честно. Были, конечно, трудные годы, трудные моменты, они и сейчас происходят. Были конфликтные ситуации, были моменты, когда уходили люди... Даже не от меня они уходили, они убегали от той безысходности, которая царила в стране. Почти одновременно разъехались по разным странам ведущие мои актеры – Елена Якуб, Сергей Пухляков, Гарри Кижнер, Илья Гершман, – все уехали, мои первые ученики, мои друзья, люди, без которых театра я не мыс-

лил. Это было начало 90-х. Я думал, все уже. Ничего не вернешь. Как без них? Если на них все держалось, весь репертуар.

Но, видимо, я должен был театр сохранить. Я просто хотел это сохранить, поэтому появлялись новые люди. И уходили тоже. И опять приходили – другие. И сейчас уходят и приходят. И замены в спектаклях приходится производить. Ну а что делать? Это жизнь. К сожалению, из нашей страны бегут чаще, чем из театра.

И все же разочарования в том, чем занимаюсь, у меня никогда не было. Если бы пришлось все начать сначала, я начал бы точно так же. Единственное, что я хотел бы изменить, если бы все началось сначала, – это чтобы быстрее соображали наверху власти предержащие, что наш театр живой, что его надо продвигать, ему надо помогать. Ему надо построить дом наконец! Потому что мы сорок лет живем без дома – это чересчур много. Сначала была сцена школы №55, потом – угол в Городском театральном лицее. Я ни в коем случае не сравниваю себя с Моисеем, который сорок лет вел евреев к своей стране, но, думаю, может быть, в 40 лет театр получит право на собственное здание?

– Речь о его строительстве ведется уже лет двадцать, но, к сожалению, ничего не делается. А в принципе, в Молдавии люди, власти как относятся к театральному искусству? Оно есть? За годы вашей деятельности вы чувствовали, что театральное искусство в стране развивается?

– Могу ответить только так: все эти годы я развивал в Молдавии театральное искусство. Развивается ли оно в общем – не знаю. Знаю, что люди все лучше и лучше ходят к нам на спектакли. Что у нас за два месяца уже нет билетов.

Наш театр очень востребован по миру. Мы едем в январе в Швейцарию и в Италию на гастроли. В третий раз едем на Кипр. Если мы где-то уже показывались, нас обязательно зовут туда еще и еще. Отовсюду мы привозим самые высокие награды, то есть мы прославляем нашу страну. Я считаю, что наш театр очень развивается, и люди, которые к нам приходят, развиваются. Может быть, у нас спектакли не однородны по качеству своему, но все равно они на достаточно высоком уровне. И мы стремимся, чтобы каждый следующий спектакль был еще лучше.

Но, к сожалению, сказать о том, что театральное искусство в Молдавии развивается благодаря государственной поддержке, не могу. У нас ничего для этого не делается. Для нашего театра – точно. У нас очень маленькие средства. Мы сами ездим зарабатываем себе на хлеб. Не знаю, кто бы здесь мог еще так же прожить, как живем мы. Ни один наш театр столько не ездит по миру.

– И все-таки вы счастливый человек?

– Да. Потому что всю жизнь занимаюсь тем, что мне интересно, что доставляет мне удовольствие. ☺

СОХРАНИТЬ ПРОШЛОЕ

БЕСЕДОВАЛА

ЮЛИЯ ГОРЯЧЕВА АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ФОТО

О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ САМОГО КРУПНОГО НЕЗАВИСИМОГО АРХИВА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МУЗЕЯ-АРХИВА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В САН-ФРАНЦИСКО ИВ ФРАНКЬЕН.

— И В, МУЗЕЙ-АРХИВ РУССКОЙ культуры в Сан-Франциско сегодня является самым крупным негосударственным архивом русской эмиграции. Известно, что основанный в 30-х годах российскими иммигрантами Русский центр Сан-Франциско вскоре отметит свое 80-летие. Что представляла собой русская колония в Сан-Франциско к моменту создания Музея русской культуры?

— Небольшое русское население Сан-Франциско стало быстро расти только после поражения Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Когда в 1920–1930-е годы русские стали прибывать через Китай, Японию и Филиппины, в Сан-Франциско сложился важный центр русской эмиграции с большим количеством общественных организаций. Первые из них формировались в среде бывших офицеров. Так, Кружок артиллерийских офицеров в 1924 году стал Обществом русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. В 1925 году появилось Общество бывших русских морских офицеров в Сан-Франциско, больше известное как «Кают-компания чинов бывшего Российского флота». 3 октября того же года был создан Объединенный комитет русских национальных организаций. В него вошли церковный совет Свято-Троицкого собора, Общество русских ветеранов Великой войны, «Кают-компания», Общество покровительства и просвещения русских детей, Русское национальное студенческое общество при Калифорнийском университете,

Клуб русских художников, Русское общество взаимопомощи и Общество русских инженеров и техников.

– В эти годы немало русских общественных объединений было создано и на Восточном побережье США. Среди них Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке. Возникло знаменитое Общество русской культуры им. А.С. Пушкина в Америке. А как обстояло дело с хранением архивов этих обществ?

– При многих общественных объединениях возникали свои библиотеки. Однако архивных хранилищ, отвечающих необходимым для этого требованиям, практически не существовало. Зачастую материалы о жизни русской колонии хранились на чердаках, в гаражах и часто просто исчезали. В это же время русскими эмигрантами в Европе и на Дальнем Востоке накапливался опыт создания необходимых хранилищ культурных ценностей, наряду с поддержанием уже существовавших за пределами Российской империи библиотек, музеев, архивов. Чехословацкий президент Томаш Масарик и югославский король Александр I Карагеоргиевич помогли создать крупные эмигрантские хранилища в Праге и Белграде. Однако мировой кризис конца 20-х – начала 30-х годов и рост военных амбиций Германии и Японии вызвали тревогу за судьбы эмигрантских архивов. Поднимался вопрос о необходимости создания более надежного места их хранения. А передача и вывоз в конце Второй мировой войны русских историко-культурных архивов из Чехословакии и Югославии в СССР стали особенно большими потерями для эмиграции. Инициатива создания Русского центра и Музея-архива русской культуры в Сан-Франциско вынашивалась организациями русских эмигрантов еще в довоенное время. Прежде всего лидерами и активом учрежденного в 1925 году Объединенного комитета русских национальных организаций. В 30-е годы была разработана совместная программа деятельности, а в августе 1939 года осуществлена официальная регистрация Русского центра. На пожертвования членов и сочувствующих в 1940 году было приобретено здание для Центра. Сегодня оно является общей площадкой для нескольких русских организаций. В нем расположены штаб-квартира Конгресса русских американцев, редакция газеты «Русская жизнь», которая выходит с 1922 года, библиотека, детский сад «Теремок». В 1948 году, когда появился наш Музей-архив русской культуры, было выделено помещение, а потом и выставочный зал.

– Как и когда произошло организационное оформление Музея-архива русской культуры?

– Можно сказать, что музей-архив создан в 1948 году, прежде всего в результате действий члена Русского исторического общества в Америке Петра Филаретовича Константинова. В декабре 1944 года он подготовил докладную записку «О желательности

сти объединения культурных сил вокруг Русского центра в Сан-Франциско», ставшую катализатором создания архива. Спустя три года были направлены письма всем известным русским, а также всей русской общественности Калифорнии с просьбой о поддержке этой инициативы.

– Какие задачи ставились и как они решались?

– Об этом достаточно полно изложено в исследованиях проживающего во Владивостоке российского историка Амира Хисамутдинова, поддерживающего научное сотрудничество с нашим музеем. Согласно приводимым им источникам, перед новым обществом были поставлены цели сбора и хранения культурно-исторических материалов о России, о жизни русской эмиграции в разных странах, о выдающихся деятелях и значимых моментах и событиях.

В первые пять лет существования музея пришло много ценных материалов более чем из 30 стран. И семейные архивы рядовых эмигрантов, и архивы знаменитостей.

После смерти в 1954 году Петра Константинова председателем музея-архива стал Анатолий Степанович Лукашкин. До приезда в 1941 году в США он занимался исследованиями в Маньчжурии, работал в музее Общества изучения Маньчжурского края в Харбине. При нем поступило много материалов по истории российской эмиграции в Китае, а также материалы деятелей Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.

После Второй мировой войны благодаря светлейшему князю Александру Андреевичу Ливену было обращено внимание на архивы перемещенных лиц в период их жизни в лагерях беженцев в Германии и Австрии. Они выпускали много интересной периодики. Музей поставил своей задачей сохранить память об этом времени.

С начала 1960-х годов приток ценностей стал регулярным. В музей-архив обращались известные профессора, связанные с русской историей. Музеем заинтересовались университеты и научные организации Америки. Начали поступать запросы со всех концов света.

– Что представляет собой ядро коллекции?

– Одна из самых важных и наиболее полных коллекций музея – коллекция Андрея Терентьевича Бельченко, последнего российского императорского консула в Ханькоу. А вследствии, до отъезда в США, представителя русской колонии в Ханькоу. Он, в частности, вел регистрацию русских, живших в Китае. И его уникальная коллекция состоит из дневников, записных книжек и тематических папок, которые представляют детальную картину жизни в Ханькоу в 1918–1946 годах. Сейчас мы ее оцифровали.

– А как в музее отражена тема Аляски?

– Слабо. Там представлены не архивные фонды, а коллекционные материалы. Из чисто ар-

хивного – документы отца Макария Андреевича Баранова. Он был офицером, служившим в Примурском военном округе. В Первой мировой войне сражался в Русском экспедиционном корпусе во Франции и остался в Европе после революции. Потом приехал в Америку, принял сан священника, стал миссионером на островах Прибылова, гряде севернее Алеутских островов. И он работал с алеутами, сохранившими православие, несмотря на давление американцев. Они хотели, чтобы алеуты стали протестантами. Среди материалов отца Макария Баранова есть фотографии всех храмов, в которых он служил. Им были собраны переводы на алеутский язык разной духовной литературы, печатавшиеся в 1848 и 1893 годах в синодальной типографии в Санкт-Петербурге и Москве, в 1895 году в Ситке – это бывший Ново-Архангельск, в 1896 году в Сан-Франциско и в 1898 и 1902–1903 годах в типографии «Американского Православного вестника» в Нью-Йорке.

– Архив сейчас входит в российское научное пространство, не так ли?

– Да. Мы стремимся, чтобы наши материалы стали доступными для лиц, ведущих исследования по русской истории и культуре. Работаем над организацией обмена материалами иствуем в совместных выставках, исследовательских проектах с аналогичными образовательными и культурными учреждениями. В 2016 году сканы негативов фотографий жизни русских беженцев на филиппинском острове Тубабао экспонировались в Доме русского зарубежья имени А.И. Солженицына. Туда же отправлены электронные копии материалов из фонда химика В.Н. Ипатьева для предстоящей выставки. В минувшем году предоставили электронные копии материалов о Гражданской войне для выставки, организованной Свердловским областным краеведческим музеем.

– А ваш музей за счет чего существует?

– Это не бюджетная организация. Полностью независимая, чем мы гордимся. Средства в основном люди завещают. Старая эмиграция, как правило, передает деньги. К примеру, дочь первого председателя Русского центра, генерала Александра Николаевича Вагина, бывшего в свое время помощником казачьего атамана Александра Ильича Дутова, оставила нам довольно крупную сумму денег.

– Я знаю, что вы успешно совмещаете обработку поступающих в музей новых данных с углубленным изучением материалов дальневосточной эмиграции... Ваш интерес к этой теме вызван семейными корнями?

– Да, мои предки из Владивостока. Прадед Виктор Ананьевич Панов – директор и старший преподаватель Александровских мореходных клас-

сов. Потрясающая судьба: профессиональный военный моряк, блестящий журналист, активный общественный деятель, избирался гласным городской думы и даже городским головой. В конце октября 1892 года основал первую во Владивостоке частную газету, «Дальний Восток», и почти тридцать лет был ее бессменным редактором, публикуя острые полемичные статьи.

Однажды, при очередном переезде, на дне сундука я нашел фотографии прадеда столетней давности. Захотел узнать о нем больше. Потребовалось шесть поездок во Владивосток. Они-то и подтолкнули меня углубиться в историю Дальнего Востока с XIX века по 1920-е годы XX века.

Двадцать лет работаю над книгой о прадеде. Не знаю, правда, когда удастся завершить эту монографию. Помимо работы в музее занят на основной работе в архиве Гуверовского института войны, революции и мира, политическом исследовательском центре США, входящем в систему Стэнфордского университета. Работаю под руководством куратора русских и евразийских коллекций.

– А какие теперь исследовательские приоритеты в Гуверовском институте? Появилось ли дополнительное финансирование?

– Сейчас приоритеты, само собой разумеется, больше азиатские. Много внимания уделяется Китаю. Значительные средства – а положение с этим неплохое – идут на собрание русских материалов, а также газет, которые выпускаются в Донецке и Луганске. Интересует все, что связано с Новороссией. Именно русская точка зрения. А это важно собрать именно сейчас: потом может кануть в Лету.

...Помимо государственного идет и частное финансирование: к примеру, не так давно известный американский историк Джон Стефан, бывший профессор Гавайского университета, выделил 2 миллиона долларов на развитие коллекции, связанной с Дальним Востоком.

– А как Гуверовским институтом отмечалось столетие Русской революции?

– Состоялась выставка плакатов периода Первой мировой войны и первых лет советской власти. Был выпущен сборник статей, посвященных событиям 1917 года, с иллюстрациями из фондов музея и архива. Совместно с художественным музеем Стэнфордского университета архив открыл выставку «Корона под молотом». Подзаголовок – «Россия, Романовы и Революция». Экспозиция была связана и с историей эмиграции. В частности, прослежена судьба Александра Бенуа. Выставлена очень интересная коллекция картин художника Ивана Алексеевича Владимириова, написанных им в 1917–1918 годах и позже.

– Насколько востребованы сейчас русские архивы в Америке?

— Мы постоянно получаем электронные запросы, 80 процентов — от россиян. Современные электронные ресурсы и наличие цифровых копий облегчают работу с зарубежными учеными. Возможность предоставлять им цифровые копии материалов привела к тому, что архивные документы и фотографии музея все чаще используются в научных и научно-популярных работах американских, российских, европейских и японских историков. Из Японии, к примеру, трижды приезжал профессор, интересовавшийся деятельностью русских литераторов из дальневосточной эмиграции.

Совсем недавно у нас был Вим Куденис, специалист по истории русской эмиграции в Бельгии. И я ему предоставил сканы журнала «Заря», который выходил в Брюсселе в 1941–1942 годах. У нас есть пять номеров, а в хранилищах Бельгии этого материала нет.

— Вы заговорили о Бельгии. Читала, что у вас бельгийские корни...

— Да, я родом из Брюсселя. Мой отец — бельгиец, родители познакомились во время войны. Мама с бабушкой во время войны оказались на Северном Кавказе, мама окончила юридический факультет Ленинградского университета и по распределению попала в Пятигорск. Немцами были угнаны в Германию. Так что они стали «остарбайтерами». В одном из немецких лагерей мама познакомилась с будущим мужем, бельгийцем. Его освободили на территории Польши части Красной армии, а мать и бабушку освободили на тер-

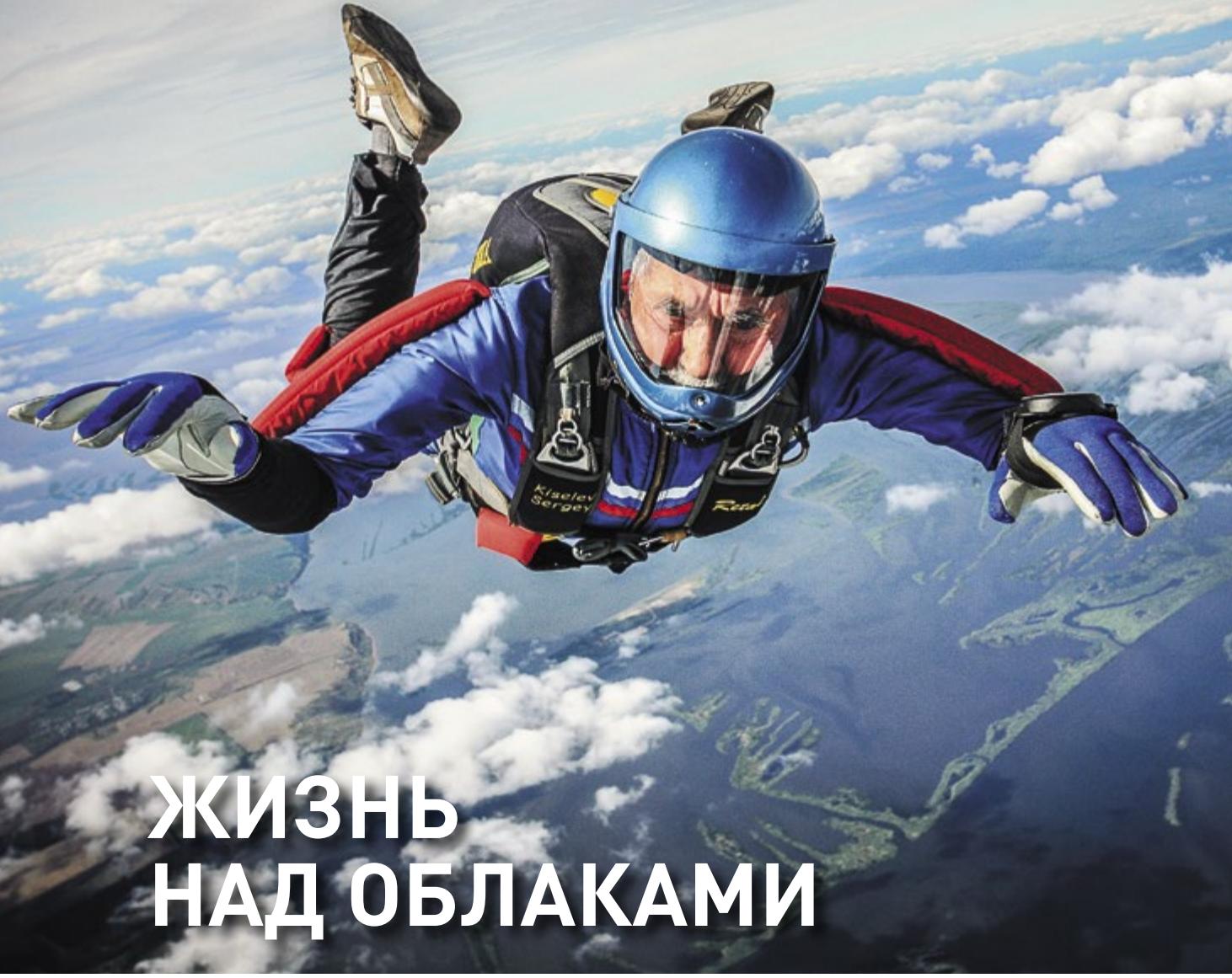
ритории Австрии французы. И, несмотря на то, что они были разлучены, они друг друга нашли после войны.

— Вы окончили Калифорнийский университет в Беркли. Вероятно, вы застали еще цвет профессуры, связанной с первой эмиграцией? Помогло ли вам, выпускнику отделения славистики, общение с ними?

— Да! У нас преподавал сам Николай Валентинович Рязановский, известный американский историк русского происхождения, член Русской академической группы в США. Он знаменит учебником по истории России, который стал ведущим в американских университетах и много раз переиздавался. Еще из харбинских эмигрантов у нас преподавал известный литературовед Семен Аркадьевич Карлинский, долгое время заведовавший нашей кафедрой. Из старых эмигрантов-профессоров я также застал известного поэта, литературного критика и переводчика Глеба Петровича Струве.

— Многие старые эмигранты не мыслят жизни в зарубежье без православия. А какова роль православной церкви в вашей жизни?

— Отец был католиком, а я принял православие в 2017 году в Лазареву субботу в храме Казанской иконы Божией Матери. Это один из немногих православных приходов в Сан-Франциско, очень красивый храм, в нем домашняя атмосфера. Служба проходит как на английском, так и на церковнославянском. ☩

ЖИЗНЬ НАД ОБЛАКАМИ

БЕСЕДОВАЛА

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

ПОДПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ БОЛЕЕ ДВАДЦАТИ ЛЕТ ЗАНИМАЛСЯ ПРОВЕДЕНИЕМ ИСПЫТАНИЙ КОСМИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ПОДГОТОВКОЙ КОСМОНАВТОВ В УСЛОВИЯХ НЕВЕСОМОСТИ В САМОЛЕТАХ-ЛАБОРАТОРИЯХ, В ГИДРОСРЕДЕ И БАРОКАМЕРАХ, РУКОВОДИЛ ИСПЫТАТЕЛЬНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ ЛЕТНОЙ СЛУЖБЫ ЦЕНТРА ПОДГОТОВКИ КОСМОНАВТОВ ИМЕНИ ЮРИЯ ГАГАРИНА. ЗАСЛУЖЕННЫЙ ИСПЫТАТЕЛЬ КОСМИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ. ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ УКРАИНСКОЙ ССР. ОБЛАДАТЕЛЬ 10 МИРОВЫХ РЕКОРДОВ, НЕОДНОКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН СССР И ПРИЗЕР ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ПАРАШЮТНОМУ СПОРТУ.

— У вас более 6300 прыжков с парашютом. Расскажите о самом первом?
— Я шесть дней подряд ездил на аэродром и никак не мог прыгнуть. Мои соседи по общежитию — я тогда учился в Свердловске, в Политехническом институте, — думали, что я труса даю. А мы прыгали с По-2, это маленький самолетик, в котором помещались лишь двое — летчик и парашютист. В день могли прыгнуть максимум 12 человек, а желающих было значительно больше, и до меня просто не доходила очередь. В этом году я отметил 65 лет своего первого прыжка с парашютом.

— Вы участвовали в нескольких чемпионатах мира по парашютному спорту. Какой из них вам запомнился больше всего?

— Чемпионат мира в американском Массачусетсе в 1962 году. Нас поселили в центре города Ориндж в школе. Во дворе ее была небольшая баскетбольная площадка, окруженная со всех сторон заборами и домами. Когда мы только приехали, американцы «пришли» к нам знакомиться, прыгнув на нее всей командой. Для нас это было сильным потрясением. В СССР подобные вещи были запрещены, даже подумать об этом было невозможно. Только через год мне впервые

в Советском Союзе позволили прыгнуть на стадион в центре Свердловска, да и то лишь ради праздничных мероприятий, посвященных юбилею Уралмашзавода.

– И чем закончился тот чемпионат мира в Америке?

– Выступали мы очень плохо, мы поехали с плохими парашютами. Нас снабдили ими за месяц до соревнований. Это была тяжелая, неуправляемая корова, а не парашют, мы проиграли на нем все, что только могли. После возвращения всю нашу сборную разогнали. Я перед поездкой предложил свой парашют, он был удобен в управлении, мог идти вперед со скоростью 4 метра в секунду, тормозить до нуля – это все было как раз то, что нужно для команды. Но его отвергли, потому что, как сейчас бы сказали, он не лицензирован.

– Почему?

– Его изобрел кустарь-одиночка. А те купола, с которыми мы поехали в Америку, изготовил специализированный НИИ парашютостроения. Его главной задачей было обеспечить десантные войска хорошей техникой, что его сотрудники и делали – конструировали отличные и надежные парашюты. А в проектировании спортивных моделей они были некомпетентны. Мы привезли из Америки несколько парашютов, провели испытания и потом на их основе со временем разработали свой, который имел хорошую скорость, управляемость и устойчивость. Но мы до сих пор

Бронзовая награда Сергея Киселева на чемпионате мира в Америке в 1962 году

отстаем технологически, у нас не производят столь легких и прочных материалов, и это, конечно, сказывается на качестве.

– Почему так относились к проектированию парашютов для спорта?

– Прыгать с парашютом – дорогое удовольствие. Мы тогда не только прыгали бесплатно, в аэроклубах нас кормили, выдавали комбинезоны, валенки, унты. Государство все финансировало, потому что рассматривало прыжки как подготовку запаса для армии из гражданских людей – будущих десантников и летчиков. Поэтому-то долгое время у нас «крест» – так мы называем оборудованное место приземления – выкладывали на твердую землю и требовали приземляться на обе ноги с плот-

Свой первый мировой рекорд в групповой акробатике Сергей Киселев установил в 1973 году

Сергей Киселев – заслуженный тренер России, двое из его учеников стали космонавтами

но сомкнутыми коленками. Ведь солдат должен уметь приземляться на любой грунт безопасно, так как ему еще воевать. Потом уже, когда парашютизм из военно-технического стал просто одним из видов спорта, у нас появились мягкие маты или песок на месте приземления. Да и приземляться сейчас надо одной ногой, иначе в цель – в шайбу диаметром 2 сантиметра – не попадешь.

– Как вы из парашютного спорта попали в Центр подготовки космонавтов?

– Благодаря кино. К нам обратились с Киевской киностудии, им нужно было для фильма снять сюжет в воздухе, в свободном падении. Многие тогда пытались это сделать, но не получалось. Держать камеру в руках было неудобно. Я попробовал закрепить ее на груди, оказалось, тоже бесполезно. Потом решил установить камеру на каске. Так я стал первым в мире оператором, который снимал профессиональной камерой «Конвас» в свободном падении. Американцы это стали делать значительно позже меня. Сейчас такие съемки распространены, потому что появились маленькие и легкие камеры, от которых фактически при раскрытии никакой нагрузки не ощущается. А у меня на каске было от 7 до 12 килограммов.

– Так ведь можно и шею сломать...

– А опасность – она всегда есть. Русские люди вообще любят рисковать. Фильм «Мы – спортсмены-

парашютисты» тогда получил ряд премий на различных кинофестивалях. Вдохновленные успехом, мы решили делать цветной широкоэкранный фильм. Начали его снимать на сборах в Ташкенте. Отсняли 35 прыжков. Отдали пленку в проявку и стали ждать, предвкушая захватывающие кадры. Вернувшись пустая пленка. Оказалось, камера была неисправна. Пришлось все начинать по новой... Потом я снимал сюжеты для разных художественных фильмов – «Саша-Сашенька», «Туманность Андromеды», к сожалению, этот кусок не вошел в окончательный вариант картины, для фильмов про Константина Циолковского и Валентина Даниловича – это был парашютист-испытатель, который погиб при катапультировании из реактивного самолета. В 1965 году мой фильм «Люди над облаками» победил на Всесоюзном фестивале документальных фильмов в Москве. Потом он получил еще 15 наград на международных фестивалях и конкурсах. Фильм крутили в кинотеатрах перед картинами. Показали в Главном штабе BBC и в Центре подготовки космонавтов (ЦПК), его видел Каманин и космонавты, Юрий Гагарин в том числе. И в 1966 году, когда начальник парашютной подготовки ЦПК ушел на повышение, меня пригласили на его место.

– С кем из космонавтов у вас связаны наиболее яркие воспоминания?

– Однажды я на прыжках сломал позвоночник, а я тогда только пришел в ЦПК. Начальник мед-

На работу в Центр подготовки космонавтов Сергея Киселева пригласил Юрий Гагарин

службы направил меня в Госпиталь Бурденко с сопроводительной запиской: «Подлежит списанию». И я знал, что так и будет, меня лечить не будут. На костылях спустился на этаж вниз, к Юре Гагарину, и рассказал ему о своей ситуации. Он спросил: «Какой-то выход есть?» «Мне надо ехать в ЦИТО, там берутся меня лечить», – ответил я. «Тогда поезжай завтра туда и ни о чем не думай, я все уляжу». Он отменил указание начальника медицинской службы Центра и отправил туда, где меня вылечили. Если бы не он, меня бы просто списали. Потом меня официально допустили к прыжкам, хотя неофициально я и не прекращал их тогда. Спустя несколько лет, когда я уже летал на невесомость, мне, в связи с повышением, надо было получить допуск к полетам как «лицу летной специальности». Наши врачи, помня о моей травме, дать его отказались. Отправили в Бурденко. Там бы меня «зарубили». Когда меня об этом спросил Герман Титов, я ему сказал: «Ситуация безвыходная». «Безвыходных ситуаций не бывает, – ответил он. – Поехали!» Приехали к высокому начальству. Герман ему говорит: «Да это же пассажирский самолет – Ту-104! Прилетел, улетел, какая разница, кому на нем-то летать?» Допуск подписали. И я после этого еще более двадцати лет отработал. Юра Гагарин и Герман Титов – два этих человека практически определили мою судьбу после тяжелейшей травмы и помогли мне восстановиться. Герман был заводной, хороший мужик. Юра был умный, в жизни много пережил. Я помню, когда умер Сталин, в Свердловске в центре собралась масса народа, почти весь город вышел. Такие же толпы были, и когда хоронили Гагарина. Люди сами шли, никто их не сгонял. Великий человек был Юра. И простой. Он был моим начальником.

– Вы ведь участвовали в его поисках...

– Мы надеялись, что летчики катапультировались. Место падения самолета нашли только к вечеру. Мы сразу же приехали, место аварии оцепили, туда никого не пускали, даже нас. Переночевали

на аэродроме в Киржаче. Утром Каманин сделал запрос: нужен специалист – парашютист. Послали меня. Я увидел такую картину – двигатель ушел в землю на 2 с половиной метра, крылья и хвост лежали на земле, фюзеляж и все вокруг него было залито кровью. Было ясно, что кто-то погиб, но понять, один пилот или оба – невозможно. Ко мне подошли два полковника из службы безопасности BBC: «У нас есть фрагменты подвесной системы, и нам надо точно определиться – один это парашют или два, то есть два человека разбились или один». Я посмотрел и сказал: «Два». Они мне говорят: «Ты, старший лейтенант, понимаешь, какую ответственность на себя берешь?» «Понимаю», – ответил я. Меня заставили писать объяснительную. А ведь еще почему надеялись, что кто-то из пилотов жив? Потому что нашли только один ранец с уложенным парашютом, а второго не было. Тогда-то и появилась надежда. Командир мог дать Гагарину команду катапультироваться... Через несколько дней второй купол тоже нашли. Его отбросило взрывом более чем за 200 метров. Тракторист ехал по полю, увидел – лежит мешок, подобрал и привез в деревню. Он же не знал, что там, за лесом, лежит самолет. Поисковые работы велись еще две недели. По срезанным верхушкам деревьев определили, что самолет выходил из крутой спирали или из штопора под углом 54 градуса. Летчикам не хватило 400–500 метров высоты.

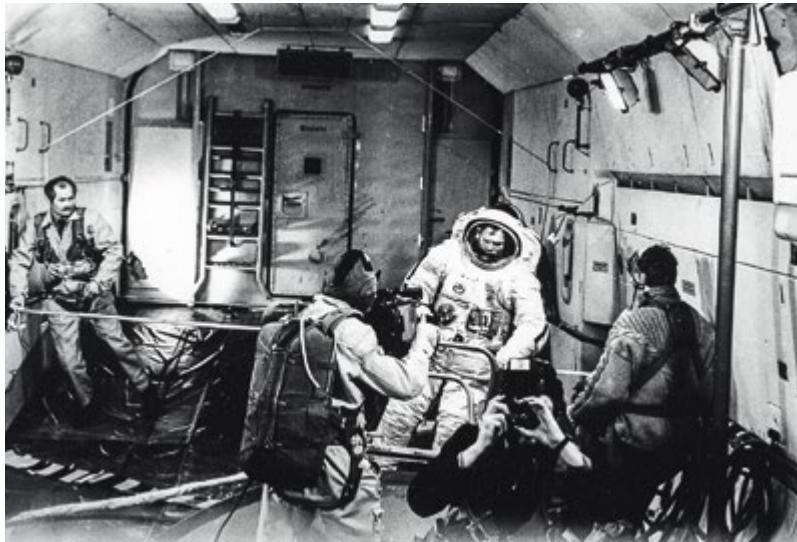
– Как вы перешли на работу в невесомости?

– Однажды мне предложили слетать на невесомость. Мне понравилось, и у меня сразу все пошло, вскоре я перешел в их группу инструктором, потом возглавил ее. Со временем группа превратилась в отделение... Так я и отработал испытателем 22 года.

– Сколько времени в общей сложности вы провели в невесомости?

– Сначала мы летали на самолете Ту-104, на нем разрешалось выполнять пять, как мы их называем, «горок». То есть за один полет, полтора часа,

За все годы работы Сергея Киселева в невесомости никто из его подчиненных не получил ни одной травмы

Во время тренировки по отработке действий космонавтов в невесомости в самолете Ил-76к

пять раз на 20–25 секунд достигалось состояние невесомости. Потом появился Ил-76к, на нем уже получалось по 10, а то и по 15 «горок», и состояние невесомости длилось 30–35 секунд. Если сложить за всю мою службу эти маленькие отрезки времени, когда находился в невесомости – по 20, 30, 40 секунд, то примерно получится около трех суток.

– Как обычно люди чувствуют себя в невесомости?

– Все очень индивидуально. Большинство людей тошнит, но это естественная реакция, поэтому у каждого на этот случай запасены специальные мешки. В принципе, это вопрос тренировки, со временем люди обычно адаптируются, правда, не все. Есть такие, кто физиологически совершенно не приспособлен для таких полетов. У некоторых возникают вестибулярные расстройства. После «горки» человеку кажется, что он летит в перевернутом самолете и вот-вот упадет на потолок, он не ориентируется в пространстве и не понимает, что будет в следующий момент.

– С чего начиналась подготовка космонавта в невесомости?

– С того, что он в полетном костюме осваивает перемещение от борта к борту. Когда он этому научится, принимается за более дальние переходы – летит от перегородки в хвосте к носу самолета. Дальше осваивают работу с полезной нагрузкой – перенос или передачу друг другу каких-нибудь грузов. В качестве них мы используем парашюты. Человек берет его, ориентирует и передает другому, тот принимает... Казалось бы, все это детские игрушки, но так космонавты овладевают серьезными навыками, необходимыми в космосе. Например, разгрузка транспортного корабля. Грузов много. Контейнеры с водой и множество других вещей они передают из рук в руки или по воздуху и складируют в другом помещении. И обязательно каждый предмет надо фиксировать к полу, к потолку, к перегородке, поставить на молнии

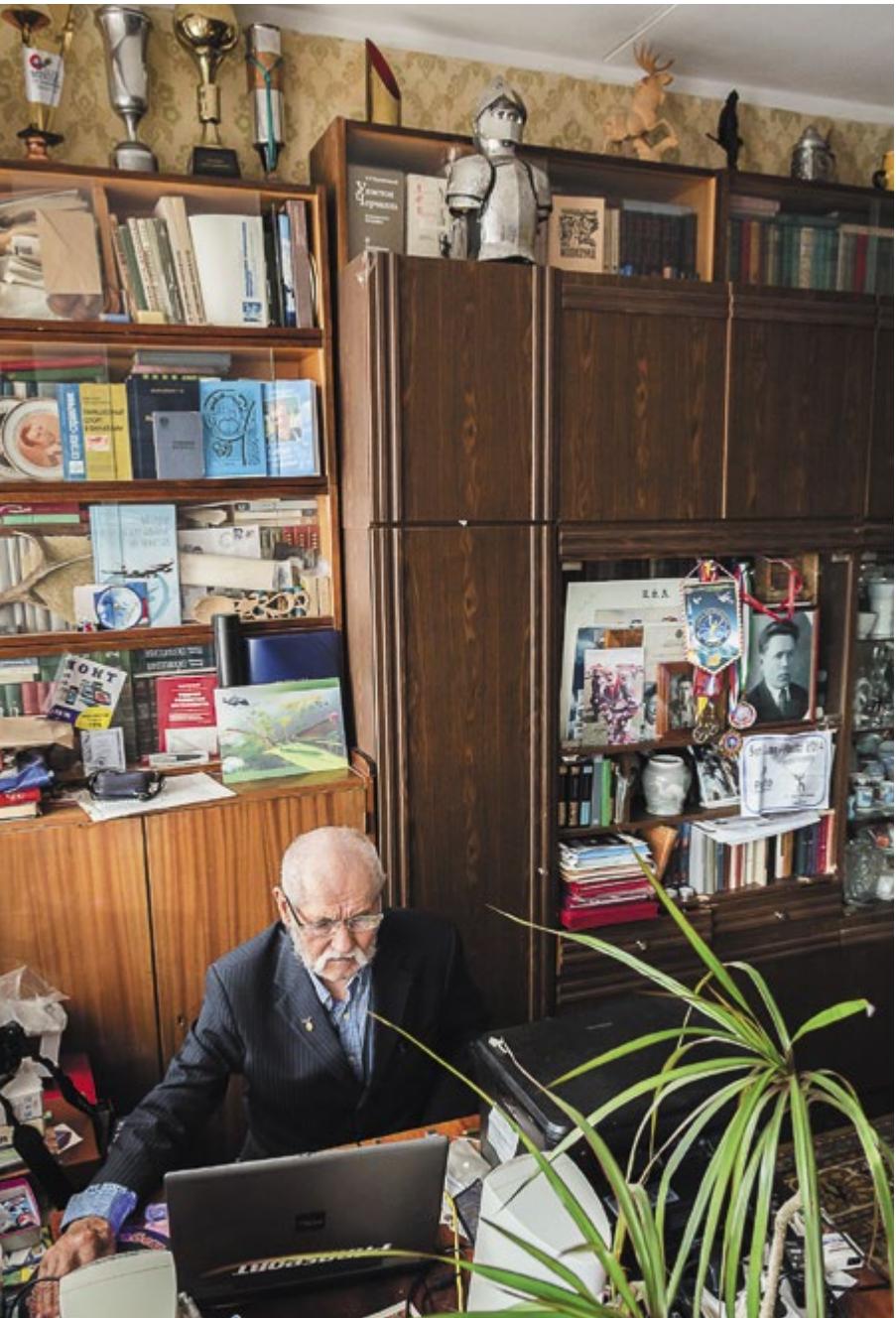
или под резинку, это должно быть отработано до автоматизма. Потом тренировались делать то же самое, но уже в скафандрах.

– А сами вы тоже осваивали скафандр?

– Конечно. Сначала на земле, потом в невесомости. В них было очень трудно работать, потому что не было специальных шарниров, позволяющих рукам свободно двигаться в нескольких плоскостях. Надо было научиться в невесомости надевать и снимать скафандр. Там же нет опоры, он болтается в руках, словно тряпка, попробуй его надеть! В космосе важно не забывать при каждом действии фиксировать ноги за какую-нибудь деталь в корабле, чтобы не порхать в воздухе. Это необходимо отрабатывать до автоматизма. Особенно это важно, когда выходишь из корабля. Раньше конструкторы не предусматривали на его корпусе приспособлений для фиксации ног, считалось, что руками держаться достаточно. А оказалось, что в космосе их надо фиксировать прежде всего. Стали делать на скафандрах «шпоры», при помощи которых фиксировались к специальным устройствам, достаточно громоздким. Кстати, и доработка самих скафандров всегда шла. Когда они обновлялись, приходилось осваивать новые. Тогда же скафандры были не такие, как сейчас, в которые входишь словно в холодильник. Теперь это отдельный, автономный, маленький космический кораблик с системами охлаждения, газового питания, поглощения углекислоты и так далее. У него даже есть двигатели, которые позволяют что-то доработать, если оторвался от корабля, сориентироваться и вернуться обратно.

– А какой тип скафандра вы осваивали первым?

– Тот, который был у ребят-«перебежчиков», мы так между собой звали Евгения Хрунова и Алексея Елисеева. В 1969 году они вышли из корабля «Союз-5» и через открытый космос перешли в «Союз-4». Это произошло впервые в мире. Полет был одним из этапов подготовки к планируемо-

Сергей Киселев
в рабочем
кабинете

му полету на Луну. Это была первая экспериментальная станция в космосе и первая моя самостоятельная работа. В самолете установили два макета уже состыкованных кораблей в натуральную величину, где все было точь-в-точь как и там. Сначала я сам приспособливался, выполняя все операции, анализировал, как это лучше и удобнее сделать в скафандре. Самым тяжелым оказалось выйти из корабля. На спине скафандра находился ранец жизнеобеспечения, он не проходил в люк, застревал. Что делать? Решили этот блок переставить на ноги. Попробовали на земле, потом – в самолете, вышел легко. Утвердили. Или еще возникла проблема. Считалось, что космонавт будет переходить из одного корабля в другой, держась за один поручень на его внешней стороне. Мы попробовали.

Передвигаться по нему, держась руками, вроде бы можно, но, когда перепечиляешь страховочный карабин, теряется ориентация, и человека заносит куда-то. Поэтому мы настояли, чтобы поставили параллельно второй поручень. Любая простая работа или действие требовали серьезного подхода. Отрабатывалась каждая мелочь. Этим занималась целая группа людей – промышленников и военных. Все решения принимали вместе с инженерами из КБ Королева. Так, по деталям, мы расписали и отработали весь выход. Затем уже все это разбирали с космонавтами и их дублерами. Сначала на земле, потом на тренажере без скафандра и, наконец, в скафандре. Мы много летали, даже на космодроме все это повторяли вновь и вновь. Отрабатывали каждую операцию, вплоть до того, как пользоваться кино- и фотокамерами.

– *Какое из заданий, которые вам приходилось выполнять, было самым тяжелым?*

– Работа с крупногабаритными и массивными грузами на «Алмазе», это станция военного назначения. На ее борту стоял фотоаппарат, который мог снимать на Земле предметы. Отснятые пленки помещались в светонепроницаемые контейнеры, их укладывали в капсулу и сбрасывали на Землю. Капсула – это фактически маленький космический аппарат, отстrelиваемый от станции. Но предварительно ее надо было поместить в пусковую камеру, а она весила 500 килограммов. Это была самая тяжелая работа. Но справились, конечно. На «Алмазе» мы еще занимались эргономикой, то есть приспособливали технику к человеку. Испытывали топливные системы для двигателей «Бурана», «Алмаза», ракет-носителей. Однажды один из баков на последней «горке» лопнул, и 200 литров топлива – 80-процентного спирта – вылилось в салон. Мы чудом не взорвались! Начали его собирать, надышались. Пришлось открыть люки и рампу и продуть самолет. На аэродроме мужики нас встречали с канистрами, собирались спирт в них сливать. Но там, конечно, уже ничего не было, все выдуло.

Потом, например, еще была идея создать универсальную платформу из сборных конструкций, к которой могли быстыковаться космические корабли и даже станции. От нее, к примеру, можно было бы стартовать на Луну или к другим планетам. Нам поставили в самолет их модели в сложенном виде, и мы эти фермы монтировали, испытывали на изгиб и прочность.

– *За что вы получили Государственную премию?*

– За разработку и испытание УРИ – универсально-го ручного инструмента космонавтов. Когда стали выходить в открытый космос, выяснилось: чтобы снимать сменное оборудование или проводить другие работы, например резать или сваривать металл, нужен какой-то инструмент. Его создавали в течение пятнадцати лет, это была серьезная работа, я участвовал в ней от начала и до конца. Во время

полетов мы в специальной барокамере отрабатывали процесс напыления, резки и сварки металлов в невесомости. Потом, когда уже инструмент был создан, проверяли, будет ли этот электронный луч, которым паяют, режут и сваривают черные и цветные металлы, работать и нормально держаться в руке, не опасно ли это для космонавта. Саму конструкцию делали инженеры, а мы испытывали и говорили – годится она или нет. Конечно, я все сначала испытывал сам, потом в невесомости учил пользоваться им Владимира Джанибекова и Светлану Савицкую. Инструмент по форме напоминал пистолет и весил полтора килограмма. К нему прилагался большой и тяжелый блок питания, который выносился наружу. Всю технологию выхода в космос Савицкой разрабатывали тоже мы.

– Была ли разница в подготовке Савицкой и космонавтов-мужчин?

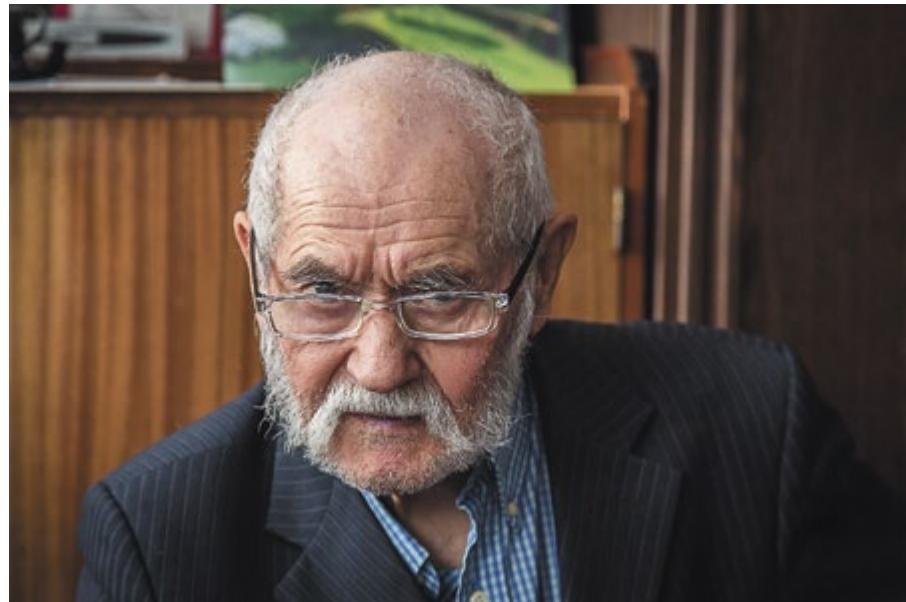
– Нет. Я Савицкую знал начиная с 16 лет. Я ее готовил еще в сборной команде Москвы по парашютному спорту. Она серьезный пилот, испытатель, у нее много парашютных и испытательных рекордов. В свое время, когда она только начинала прыгать, ее отец прилетел к нам на сборы, отозвал меня в сторонку и говорит: «Мне сказали, что Светка мастера спорта выполнила, это правда? Кто ей помогал?» «Правда. Никто не помогал, она сама», – отвечаю. «Смотри, если что с ней будет, я тебе голову сверну». – «Товарищ генерал, вы в авиации дольше меня и знаете, что всяческое бывает. Все, что от меня зависит, я гарантирую, а что не от меня – гарантировать не могу» – ответил я ему. Мы с ним после этого дружили. Когда на каких-то собраниях пересекались, он всегда говорил: «Смотрите, вот этот человек Светку сделал». Но при чем тут я? В 1965 году, когда ей было 17 или 18 лет, я ее не пустил в рекордную группу по высотным прыжкам, так она все равно туда пробилась.

– А почему вы ее не пустили?

– Жалко мне ее было, но раз прорвалась, то прорвалась, значит, быть тому. Они прыгали с самолета Ту-107 с больших высот с кислородным оборудованием, но без высотных костюмов. Вплоть до высоты 15 километров. Она же еще была несовершеннолетняя девочка, а у этой машины очень высокие скорости. У нас здоровые парни после таких прыжков порой уезжали сильно травмированными. Но с Савицкой, слава богу, все обошлось. Правда, на невесомость она летать не любила. Мы отрабатывали с ней выход в открытый космос и работу с УРИ. И она с этим хорошо справилась, впервые испытала новый инструмент в открытом космосе, отработала даже больше, чем ей было положено.

– Как вы думаете, почему у нас среди космонавтов мало женщин?

– Помимо нее в отряде космонавтов тренировались и другие женщины, правда, они потом не летали.

Мне кажется, мужик эту работу лучше сделает, потому что он физически сильнее. И если, не дай бог, погибнет женщина, будет больше горечи и шума. А мужик погиб – это обычное дело, в авиации сколько их разбивается, и все молчат об этом, конечно, кроме случаев крупных катастроф, когда падают гражданские самолеты. Я более двадцати лет летал и знал, что из любого полета мы можем не вернуться, но относился к этому обыденно, как и мои коллеги – ну, не вернемся, значит, не вернемся...

– Что во время полетов было самым опасным или страшным для вас?

– Получить команду «Приготовиться к аварийному покиданию самолета». Отработка аварийного покидания была самой страшной ситуацией даже для меня, хотя я командовал этим делом и, конечно, понимал, что тревога учебная. Во время тренировки подается специальный сигнал, услышав который все, кто на борту, должны, надев парашюты, подойти к аварийному люку и по команде покинуть самолет. Надо уложиться в расчетное время – полторы минуты. Поэтому инструкторы всегда летали с надетыми парашютами, а на космонавтах и испытателях были надеты подвесные системы. Успевали, но с большим трудом. Конечно, каждый раз никто из них не знал, реально это происходит или тревога учебная. Такие тренировки мы проводили регулярно.

– Как вы считаете, какими качествами определяется поведение человека в экстремальных условиях?

– Оно индивидуально и зависит от многих факторов – от опыта, понимания, что необходимо действовать по инструкции, хотя при некоторых обстоятельствах надо принимать решения помимо или даже вопреки ей. Я не возьму на себя смелость сказать, какие именно качества нужны. Не знаю. Но то, что мозги начинают работать в такие моменты быстрее, это точно.

– Вы и сейчас продолжаете прыгать?

– Существует Международная ветеранская организация парашютистов. Она появилась в 1966 году в Америке. Каждые два года они проводят соревнования, на которые приезжают ветераны-парашютисты со всего мира. Они подразделяются на несколько групп по возрастным категориям: POPS – люди старше 40, SOS – 60, JOS – 70 и JOE – старше 80 лет. Сейчас в российской команде 17 человек, на все соревнования мы ездим на свои деньги. Но начал я один. Поехал впервые на сборы для групп POPS и SOS в Америку в 1997 году. Мне тогда было 64 года, и они меня включили в команду POPS, я хорошо соображал в групповой акробатике. В 2008 году туда вместе со мной уже отправились восемь ребят. Потом мы ездили на соревнования в Германию и Австралию. Единственное, чем мы отличаемся от иностранцев, – у нас никогда нет денег. Мы пытаемся найти спонсоров, но пока безуспешно. Сейчас я состою в группе JOE. Нас в ней всего двое на весь мир – я, мне 84 года, и американец Пэт Мохайед, которому 86 лет. Но это те, кто участвуют в соревнованиях, а тех, кто просто прыгает для себя, в мире больше. Но в России я один.

– Так получается, что вы с ним только между собой соревнуетесь?

– Ничего подобного. Вот в этом году в Германии меня включили в группу POPS, и я с ними прыгал на точность приземления. В 80 с лишним лет выступал рядом с 40-летними. Но это по ошибке, если бы не она, я бы выступал в группе SOS, кому за 60 лет. Просто поздно ее обнаружил, уже неудобно было говорить.

– Почему вы сейчас прыгаете, что это вам дает?

– Дело в том, что в старости есть два выхода – или ложись и помирай, или действуй. Я действую. Я действующий парашютист. Мне это нравится, иногда подсказывают что-то молодежи. Надо каждому знать свои пределы и возможности. Я знаю. И мои возможности позволяют мне прыгать. Я прыгаю с 1952 года, без перерывов. Говорят, дурь старческая. Нет, это не дурь. В общем, держу марку незамиренного.

– Что это значит?

– Ну, говорят – с миром отправили на тот свет. Так вот, я еще не замиренный. ☺

У Сергея
Киселева
6388 прыжков
с парашютом

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПЕРВЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ

АВТОР

ЮЛИЯ ЭГГЕР

«ЕСТЬ ЛИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА? ДЕТИ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ПРИГЛАШЕНЫ КРАСНОЙ АРМИЕЙ НА ПРАЗДНИК В ВЕНЕ И ДРУГИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЛЯХ, ОТВЕТЯТ: «ДА, У РУССКИХ ЕСТЬ ТРАДИЦИЯ НАРЯЖАТЬ ЕЛКУ К РОЖДЕСТВУ И НОВОМУ ГОДУ» – ТАК НАЧИНАЕТСЯ ЗАМЕТКА С ЗАГОЛОВКОМ DIE JOLKA В ГАЗете КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АВСТРИИ ÖSTERREICHISCHE VOLKSSTIMME, ВЫШЕДШЕЙ 27 ДЕКАБРЯ 1945 ГОДА. ЭТО БЫЛО ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ РОЖДЕСТВО И ПЕРВЫЙ НОВЫЙ ГОД В СТРАНЕ, КОТОРЫЙ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО ВОСЕМЬ ЛЕТ – С МОМЕНТА АНШЛЮСА 1938 ГОДА.

ПЕРВУЮ ПОСЛЕВОЕННУЮ зиму в Австрии, уже разделенной между армиями стран-союзников – СССР, США, Великобритании и Франции – на четыре зоны, австрийцы вспоминают примерно одинаково: было холодно, голодно, но был мир.

Уже в декабре 1945-го союзники, как окажется потом, обосновавшиеся в Австрии на десять лет, устроили первый послевоенный новогодний праздник для австрийских детей. Рождественские – а в советском варианте «новогодние» – елки начались 23 декабря и завершились

уже после наступления Нового года – 2 января. Главный советский новогодний праздник для маленьких венцев по аналогии с «новогодней елкой» в Колонном зале Дома союзов решено было провести в лучшем «советском» здании Вены – в Доме офицеров, который с 7 ноября 1945 года до осени 1955 года располагался в бывшей зимней резиденции австрийских Габсбургов – Хоффбурге. В этом дворцовом комплексе более 2500 залов и комнат. Лучшие исторические залы, с почти не пострадавшим во время бомбардировок Вены интерьером, использовались советской армией для организации отдыха солдат и офицеров. Там проходили концерты знаменитых советских артистов и музыкантов, праздники, кинопоказы, а иногда и спор-

Новогодний праздник зимы 1945 года в «Церемониальном зале» Хоффбурга. На всех без исключения советских зимних

представлениях для австрийских детей был Дед Мороз

АРХИВ ИЦ «ПАМЯТЬ»/ЮЛИЯ ЭГЕР

тивные состязания, в том числе по футболу. В Дом офицеров приглашали и местных жителей, и представителей армий союзников, но только по особым случаям. Например, уже в 1945-м на концерты пианиста-виртуоза Льва Оборина, скрипача Давида Ойстраха, оперной дивы, любимицы Сталина Наталии Шпиллер и празднование 28-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

ПОЛИТИКА ИЛИ РАДОСТЬ?

Командование опасалось, что собрать несколько тысяч маленьких гостей на первый советский утренник будет непросто – слишком силен был страх венцев перед советской армией. Приглашение на праздник в Хоффбурге опубликовали газеты, сообщили по радио, объявили в школах, даже развесили объявления в магазинах советской зоны. На праздник звали живущих в советской зоне детей от 6 до 12 лет. И они пришли вместе с учителями и родителями.

Настоящие новогодние елки с немудреными гирляндами и самодельными игрушками красноармейцы установили в двух

Генерал-лейтенант
Никита
Федотович
Лебеденко
на новогоднем
утреннике
1945 года

АРХИВ ИЦ «ПАМЯТЬ»

АРХИВ ИЦ «ПАМЯТЬ»/ЮЛИЯ ЭГЕР

Вход в советский Дом офицеров в зимней императорской резиденции Хоффбург в центре Вены. Дом офицеров располагался в части дворцовского комплекса с 1945 по 1955 год. Сейчас в этом здании проходят заседания ОБСЕ, выставки, ярмарки и балы

залах Хоффбурга. В самом большом зале, который со дня основания и до сих пор называется «Праздничный», организовали праздник на сцене. Вместе с местными взрослыми и юными артистами маленькие гости пели любимые рождественские песни, смотрели представление кукольного театра и концерт. Там же они получили первое по тем временам царское угощение – 50 граммов колбасы. Все представления шли на немецком языке. Только советские офицеры произносили приветственные слова на рус-

ском языке. Их речи переводили на немецкий. На главной елке присутствовали венский бургомистр Теодор Кернер и советский комендант Вены генерал-лейтенант Никита Федотович Лебеденко.

«Никита Федотович никогда не был искусным оратором, но здесь он говорил на редкость хорошо, – напишет потом в своих воспоминаниях сотрудник советской комендатуры полковник Григорий Савенок. – Точно не помню его слов. Но речь шла о том, что немецкие фашисты начали жестокую войну, захватили и разграбили их родину, но Красная армия прогнала врагов, и сейчас дети могут свободно учиться и весело отдыхать».

У новогоднего праздника, безусловно, был политический оттенок. Настроения в Вене, да и по всей Австрии, были не самые радужные. Советские комендатуры помимо всего прочего занимались и налаживанием отношений между местным населением, новыми органами власти и Красной армией. Новогодние праздники стали отличным способом показать, что советская армия заботится о жителях освобожденной Австрии, признанной еще в октябре 1943 года на Московской конференции страной, ставшей «жертвой гитлеровской агрессии». Союзники устроили своеобразное соревнование: чай праздник веселее, чьи подарки лучше. Но как и в любые времена и на любой земле, малышам было не до политики, они радовались и веселились. Их лица запечатлели кино- и фотокамеры. Фотографии с праздника в Хоффбурге не могут быть постановочными – слишком много на них счастливых детских лиц. Советских малышей на утренниках 1945 года не было: только в феврале 1946 года офицерам было позволено привезти в Австрию свои семьи из СССР. Прежде исключение было сделано только для высшего советского военного руководства.

ЧТО ПОДАРИТЬ, ЕСЛИ НЕЧЕГО ПОДАРИТЬ?

Рождество в католической Австрии – праздник самый любимый. Даже в первую послевоенную зиму австрийцы не могли представить его без подарков и угощений. Ценности мирного декабря в консервативной католической Вене разительно отличались от тех, которые были годом ранее.

В декабре 1945-го в Австрии завершалась грандиозная денежная реформа: рейхсмарки прекращали свое хождение – их заменили австрийскими шиллингами. Обменять все имеющиеся деньги легальным путем было невозможно. Взрослому обладателю продуктовой карточки, на которую можно было приобрести строго ограниченное количество основных продуктов питания, разрешалось один раз в месяц взамен 150 марок получить 150 шиллингов. Отметка об обмене ставилась прямо на продовольственной карточке, которая была в то время ценнее всех других документов. Потеря листочка обрекала человека на голод.

Цены на некоторые продукты на черном рынке превышали их обычную стоимость в сотни раз. Венский межсоюзнический патруль выяснил, что почем на «Нашмаркте» – самом знаменитом рынке Вены. В конце ноября 1945 года в 188 раз дороже, чем для продажи по карточкам, была мука, а за кило сахара, который стоил 1,82 шиллинга, спекулянты просили 130 шиллингов. За шоколад, цену которому 8 шиллингов, – до 640 шиллингов. В декабре цены выросли еще больше. О традиционных рождественских подарках среднестатистические австрийцы и не мечтали.

В австрийской прессе появился обычный для СМИ всех времен и народов обзор рождественских подарков. Но, в отличие от современных публикаций о том, что хотят получить в подарок граждане, в декабре 1945-го журналисты писали о том, что еще можно найти

ЮЛИЯ ЭГЕР

«Праздничный зал» Хоффбурга. В декабре 1945 года здесь прошел первый новогодний концерт для венских детей, а теперь этот зал используют для торжественных приемов, выставок и балов

Новогодний праздник в Хоффбурге

в продаже. Многие торговцы в первые недели декабря вдруг закрыли свои магазины: вплоть до 21 декабря – последнего дня обмена денег, табличка на дверях сообщала, что все продано. Как поведут себя цены с появлением новой валюты – было понятно. Австрия ожидала ощущимого подорожания. За подарками, которые должны лежать под елкой 24 декабря, австрийцы пошли на рынок. Тех, кто мог продавать и покупать, было гораздо меньше тех, кто готов был обменять ненужное на то, что было необходимо.

По мнению многих изданий, в Рождество проще всего было порадовать женщин. Беспрогрызные варианты: посуда, живопись, акварели, гравюры, подсвечники, зеркала, шкатулки и прочие излишества. Их отдавали за бесценок, ради того, чтобы выручить несколько шиллингов. Недорогими были и украшения, сделанные умельцами из кожи и дерева. Те, кто побогаче, заказывали у ювелира нечто эксклюзивное. Правда, нужно было не только заплатить за работу мастера, но и принести взамен старое серебро или золото.

Подарки для мужчин были настоящим дефицитом. Курительные принадлежности спросом не пользовались – табак в послевоенной Австрии был «черной валютой». Книг в магазинах почти не было. Хитом стали... почтовые марки.

«Для детей выбор подарков очень ограничен: кубики, простые мозаики, примитивные игрушки из дерева или глины, для детей постарше – настольные игры. Куклы – товар невероятно дефицитный», – констатирует одно из венских изданий. При этом журналист добавляет: «К счастью, исчезли оловянные солдатики, железные танки и пушки и все остальные игрушки военной тематики». Межсоюзнические патрули строго контролировали, чтобы на рынках не продавались игрушки с нацистской символикой. Еще год назад таких игрушек, в том числе елочных шариков и гирлянд, было в избытке.

АРХИВ ИЛ «ПАМЯТЬ»

КУЛЕК СЧАСТЬЯ

Дети, пришедшие на праздники, организованные союзниками, без подарков не остались. После концерта в Хоффбурге детей пригласили во второй зал — «Церемониальный». Их там ждала елка и наши Снегурочка с Дедом Морозом, похожим на австрийского Николауса, который, правда, появляется только в начале декабря. «Русского деда» в Австрии почему-то до сих пор принято называть по-немецки «Папочка Мороз».

«Радостной гурьбой вливаются в зал ребята и замирают. Посреди зала вырисовывается силуэт огромной елки, украшенной, но пока еще темной, а рядом с ней Снегурочка и Дед Мороз, высокий, седобородый, в блестящей, словно снежинками осыпанной шубе, в ярко расшитых валенках, в красных варежках. Дед Мороз подает знак, ребята трижды скандируют: «Елка, зажгись!» И елка вспыхивает — сказочная громадная елка, от пола до потолка, вся в блестках, игрушках, огнях. Дети хороводом кружатся вокруг елки, и звенит в зале ребячья песня. Я не могу разобрать ее слов, но мелодия очень знакома, и кажется — это наши советские ребяташки танцуют у новогодней елки и поют свою традиционную песенку: «В лесу родилась елочка, в лесу она росла», — вспоминал полковник Григорий Савенок.

На входе ребяташкам вручили простые, но желанные и почти невозможные для голодающего декабря 1945-го подарки: 140 граммов кускового сахара, 140 граммов австрийской рождественской сладкой булки, 50 граммов печенья, еще 50 граммов колбасы и яблоко. Лакомства были упакованы в мешочки с изображением Деда Мороза и почти незаметной Спасской башни Кремля. «Радостные дети кричали: «Сахарные кусочки!» А потом они находили яблоко», — описывает происходящее в Хоффбурге газета Красной армии для австрийского населения *Österreichische Zeitung*.

В первый день на празднике в советском Доме офицеров «кульки

АРХИВ ИЦ «ПАМЯТЬ»

счастья» получили почти 700 венских ребяташек, во второй — около 600. В общей сложности к концу празднеств газеты сообщили о том, что Красная армия раздала венским детям более 72 тысяч вкусных подарков, фигурировало и число 100 тысяч. В любом случае, союзникам не удалось перекрыть рекорд, поскольку в советской зоне оказались самые густонаселенные районы, аходить на праздник на «чужую» территорию было невозможно — отметка о посещении праздника ставилась в продовольственной карточке, в каждой зоне они были разными.

«Когда гвардии майор Шишкин пожелал детям веселого Рождества, они с радостью хором ответили ему *Danke*. Это тронуло сердца всех взрослых», — напишет *Österreichische Zeitung* о празднике в венском районе Фаворитен.

АРХИВ ИЦ «ПАМЯТЬ»

А КАК У НИХ?

21 и 22 декабря новогодний праздник для более чем 25 тысяч детей Вены устроили в своей зоне англичане. На их представлениях пел знаменитый венский хор мальчиков — *Wiener Sängerknaben*.

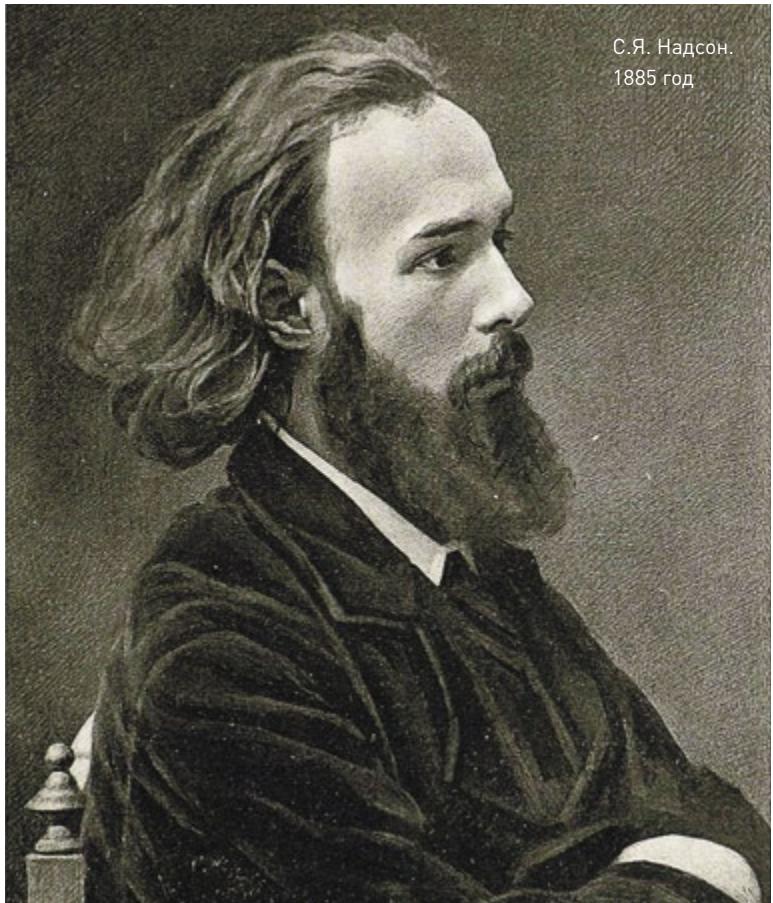
23 декабря праздник для 15 тысяч венцев от 6 до 14 лет, живущих в американской зоне, организовали представители армии США. В американских подарках тоже было нечто ценное — дети получили зубную щетку, пасту и плитку шоколада. В других федеральных землях детишкам подарили книги, одежду, игрушки и простые сладости.

Французы вручали гостинцы детишкам от года до 12 лет. Австрийские газеты писали о том, что французская армия подавала около 30 тысяч венских ребяташек. Подарком для них стали 200 граммов сладкой рождественской булки.

Самый забавный рождественский праздник зимы 1945-го, о котором вспоминали австрийцы, — представление, которое устроили американцы на аэродроме Лангендларн в Нижней Австрии: кульминацией праздника стало приземление Вайнахтсмана — немецкого Деда Мороза на американском самолете.

Рождественские сюрпризы от Красной армии, армий Великобритании, США и Франции и гуманитарных организаций получили дети, которые находились в больницах, в их числе были и малыши разных национальностей, пережившие ужасы концлагерей. Представители высшего военного командования четырех стран лично побывали в госпиталях.

Новогодние праздники для детей Австрии проходили в декабре и январе по всей Австрии вплоть до вывода войск армий союзников в 1955 году, а уже на следующий год традицию поддержало Советско-австрийское общество дружбы. Правда, праздники больше не были такими массовыми. ●

ГЛАЗАМИ МУРАВЬЯ

Отец поэта, надворный советник Яков Семенович Надсон, был родом из Киева. Дед поэта был крещен в православие; израильский исследователь Савелий Дудаков пишет, что дед был из кантонистов, то есть отдаванных в солдаты, насильственно крещенных еврейских детей. Мария Ватсон, которая несколько лет ухаживала за больным Надсоном, вспоминала, что «дядя его, принявший православие, жил в Киеве и имел там недвижимую собственность, а отец, по рассказам знавших его, весьма даровитый человек и хороший музыкант, умер еще в молодых годах от психического расстройства в приюте для душевнобольных». Сам Семен Яковлевич отца не помнил.

Мать поэта, Антонина Степановна Мамонтова (или Маманто-ва), была из дворянского рода. Отличалась редкой красотой. Когда родился Семен, ей было 20 лет. Через год семья переехала в Киев, где жили родные отца. Отец вскоре умер, оставив беременную жену с маленьким сыном. Дочь Анна родилась уже после его смерти. Молодая вдова с двумя малышами попыталась прожить собственным трудом. Надсон писал: «В Киеве я помню наше семейство слитым с семейством некоего Фурсова, у которого мать моя жила экономкой и учительницей его дочери. Когда мне было семь лет, мать моя, рассорившись с Фурсовым, уезжает в Петербург».

Судя по автобиографическому рассказу «К тихой пристани», причиной отъезда могла быть некрасивая сцена ревности, устроенная женой Фурсова. Первые воспоминания Надсона о киевской жизни – как он учится грамоте у старой няни, чтобы сделать маме сюрприз, и как играет с сестрой во дворе, готовя обед из цветков акции и травы. Вспоминал он и сад в имении Фурсова – старый, запущенный, где часами всматривался в траву, наблюдал за муравьями и пытался представить себе мир глазами муравья.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

УСТАЛЫЙ БРАТ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

НАДСОНА ОЧЕНЬ ЛЮБИЛИ ПРИ ЖИЗНИ, БОГОТВОРИЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ – И ЗАПИСАЛИ В ТРЕТЬЕСТЕПЕННЫЕ ПОЭТЫ СРАЗУ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. А РОДИЛСЯ БЫ ВЕКОМ ПОЗже – СТАЛ БЫ, НАВЕРНОЕ, СУПЕРЗВЕЗДОЙ: ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ, МУЗЫКАЛЬНОСТЬ И ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА – ИДЕАЛЬНЫЙ НАБОР, ЧТОБЫ СТАТЬ КУМИРОМ ПОДРОСТКОВ. ДА ОН ИМ И БЫЛ В ОБЩЕМ-ТО.

НАДСОН УМЕР 24-ЛЕТНИМ. Другие поэты в это время только начинают. Россия избалована юными гениями: Пушкин и Лермонтов начали рано и сразу гениально. А вот Некрасов – каким мы его знаем – с 24 лет только начинается, со стихотворения «В дороге». Умри он в этом возрасте от той же чахотки – его

бы и филологи сейчас не помнили.

Трудно судить о таланте Надсона по юношеским несовершенным вещам – но и среди его однобразных, подражательных ламентаций есть живые стихи и превосходные строчки. Каким он мог бы быть – бессмысленно рассуждать. Так что лучше о том, каким он был.

Читать он начал в 4 года. С тех пор читал всегда – запоем. В детстве обожал Пушкина, Лермонтова, Гоголя, восторгался Белинским, любил Майя Рида, Густава Эмара и Жюля Верна – типичное чтение типичного гимназиста под партой.

В гимназию он пошел в Петербурге, куда его маму вызвал ее брат, Диодор Мамонтов. Жизнь у дяди запомнилась Семену Надсону в основном тем, что в доме всегда звучала музыка: дядя играл на виолончели и в доме у него собирались музыканты.

Мать вышла замуж во второй раз. Ее избранник, человек небогатый и нервный, Николай Фомин, увез ее и детей с собой в Киев, где изводил жену тяжелыми сценами – и во время каникул на даче, как пишет Надсон, повесился в припадке умопомешательства. «Мы остаемся без всяких средств, – испытываем все ужасы нужды и всю тяжесть «помощи добрых людей», к числу которых принадлежали мать и брат моего покойного отца, жители Киева». Работать мать уже не могла из-за болезни. В начале зимы 1872 года второй брат матери, Илья Степанович, прислал ей денег, чтобы она с детьми вернулась в Петербург. Там Антонина Степановна и умерла следующей весной в возрасте 31 года. Дяди разделили детей. Анну взял к себе Диодор Степанович и определил в Николаевский сиротский институт для благородных девиц. С этих пор брат и сестра росли порознь; впрочем, любовь между ними не ослабела, и письма любимой Нюше Семен писал пространные и нежные, и в институт к ней бегал часто и охотно.

Семен оказался под опекой Ильи Степановича. Под его давлением мать еще перед смертью отдала мальчика в 2-ю военную гимназию, впоследствии кадетский корпус. Это время Надсон вспоминал с горечью: в детстве, когда он шалил, мама пугала его тем, что отдаст в корпус. Когда пришла пора уезжать в корпус, мальчика пришлось насилием отрывать от матери. На

С.Я. Надсон
во время учебы
в 2-й военной
гимназии.
1879 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

выходных сцены расставания с мамой были настолько душераздирающими, что его перестали к ней пускать – и он однажды схватил нож и пытался зарезаться. В семье дяди безо всякого сочувствия относились к подобным сценам.

Нельзя сказать, чтобы дядя и тетя вели себя как-то бесчеловечно: они растили мальчика вместе с собственными детьми, Васей и Катей, он был ухожен, накормлен, благополучен – но они, люди сдержанные и строгие, не могли дать ему материнского тепла и нежности. «Не денег проклятых мне нужно – мне нужно чувства, поддержки, доверия ко мне, уважения памяти моих покойных родных!» – это из дневника Надсона 1880 года. Память отца, собственное еврейство – это было для Надсона очень болезненной темой: русский по языку и культуре, православный по вероисповеданию, он остро ощущал свое родство с оскорбляемым и гонимым народом, о чем написал

Здание
2-го кадетского
корпуса в Санкт-
Петербурге,
до 1882 года –
2-я военная
гимназия,
в которой учился
С. Надсон

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в стихотворении «Я рос тебе чужим, отверженный народ...». С 12 лет Семен Надсон вел дневники. Записи первых лет – это хроника жизни смешливого и влюбчивого мальчишки: заметки о гимназических шалостиах, о прочитанном, об экзаменах, об игре на скрипке – и через страницу: «я влюблен!» – каждый раз в новую барышню. Будущего Надсона с его надрывом и тоской здесь почти невозможно разглядеть – разве что заметна склонность к рефлексии. Есть в дневнике и первые стихи (он начал писать в 9 лет), еще беспомощные – но уже живые.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Биограф Надсона Н. Жерве говорит, что в 1860-х в военном образовании начались реформы, вследствие которых в военные гимназии пришли образованные учителя и воспитатели с гуманным взглядом на ребенка – так что кадетская жизнь Надсона оказалась вполне сносной. Гимназисты поначалу не любили болезненного, самолюбивого Сеню – но со временем, как пишет Мария Ватсон, «мало-помалу товарищи оценили искренность и детски-рыцарское великолудие мальчика, оказывавшего им немалые услуги – например, то, что он писал большинству из них сочинения, – и научились любить его». Он никогда не хотел играть с ними в войну и однажды, когда его спросили почему, произнес перед товарищами целую речь о том, что в войне нет ничего хорошего.

Поначалу он учился очень хорошо, но к старшим классам все свои силы стал отдавать стихам, а уроки делал только «для больших окаяй». Он участвовал в концертах, где играл на скрипке, вместе с друзьями ставил в домашних театрах спектакли. В старших классах издавал рукописные журналы.

На концерте перед выпускным он прочитал свою поэму «Иуда», которая удостоилась оваций – это был первый его триумф. Друзьям написал – по пушкинскому примеру – послание, в кото-

ром говорил, что после выпуска все разбредутся и пойдут по жизненному пути, «пока шипы дороги нас не измучают сомнением и тоской» – и тогда – «мы вспомним, может быть, что все мы были братья, что все мы выросли под кровлею одной».

В предпоследнем классе Надсон влюбился в сестру своего гимназического товарища, Наталью Дешевову – он полюбил ее серьезно, глубоко и нежно. В дневнике 1878 года он подробно описывает Наташу: овальное лицо, тоненькие брови, серые глаза, длинные ресницы, нос с еле заметным горбиком, маленькие красные губы и роскошная русая коса. И особенно милая, лукавая улыбка. Надсона очень тянуло ко всей этой семье: его восхищала и мама, Софья Степановна, и Наташа, и отец ее, Михаил Михайлович. Сеня познакомил с Наташей кузена Васю – и Вася тоже полюбил Наташу; увы, скоро это соперничество стало причиной отчуждения между двумя молодыми людьми.

Дешевовы поддержали стремление молодого поэта печататься, и первое стихотворение 16-летнего Надсона, «На заре», вышло в журнале «Свет» весной 1878 года. А 3 марта 1879 года Надсон записал в дневник: «Я не умер, к несчастью, но она, наше солнышко, наша светлая звездочка, погасла... закатилась... пропала в той темноте, страшной и неразгаданной, которую мы зовем смертью. Господи, упокой ее душу». Наташа Дешевова умерла от скоротечной чахотки. Скорее умерла и ее мать, отец через некоторое время женился – от дома, где Надсону когда-то было так тепло, ничего не осталось.

С этого времени в его стихах поселяется смерть; смерти вообще очень много в лирике этого времени – куда ни кинь взгляд, сплошные пляски смерти и песни смерти. Сама эпоха носит в себе смерть, разочарование, надлом, тоску – романсовая эпоха, пустозвонная, эпигонская, с плохими рифмами и скучными сюжетами, – но с совершенно неподдельной, невыноси-

С.Я. Надсон.
1883–1884 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мой, душной, смертной тоской. И Надсону предстояло стать воплощением этой тоски и бессилия. Но, может быть, это не эпоха, это юная человеческая душа тоскует, не находя себе места в мире:

*Бывают дни,
когда я жалок сам себе:
Так я беспомощен,
так робок я, страдая,
Так мало сил во мне
в лицо моей судьбе
Взглянуть без ужаса,
очей не опуская...*

Пожалуй, веком позже музыкально одаренный Надсон мог бы стать не поэтом второго ряда, а рок-кумиром целого поколения. Американский исследователь его творчества Роберт Весслинг подметил: «Надсон стал первым русским поэтом, популярность которого по своей социальной структуре напоминала популярность современных поп-звезд».

ЮНКЕР

Больше всего Семен любил литературу и музыку, мечтал стать музыкантом. Он просился в университет, или в консерваторию, или на музыкальное отделение театрального училища, туда можно было попасть на казенный счет. Дядя, однако, был убежден, что «позорное пятно еврейства» можно смыть только военной службой. И юноша поступил в Павловское военное училище – учиться «убивать людей по правилам».

Один из соучеников, М. Рок-кий, как называет его Жерве (вероятно, М.А. Российский), запомнил Надсона худощавым юношем «с прекрасными карими глазами, необыкновенно добрыми и милыми, к сожалению, полуоткрытыми очками. Широкий юнкерский «бушлат» мешковато сидел на его узеньких плечах и впалой груди. Юнкер производил впечатление чего-то хрупкого, нежного, женственного, отнюдь не военного». Другой соученик, Леман, вспоминал, что Надсон часто проводил время в «музыкальке» – комнате, где repetировал юнкерский оркестр, – играл на скрипке. Леман рассказал Жерве, что «юнкеру Надсону часто попадало от училищных офицеров за разорванный бушлат, за неначищенные сапоги <...> причем даже незначительные наказания действовали на впечатлительного и болезненно-самолюбивого юношу крайне тягостно. В училище он был, большей частью, тих, молчалив и печален».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

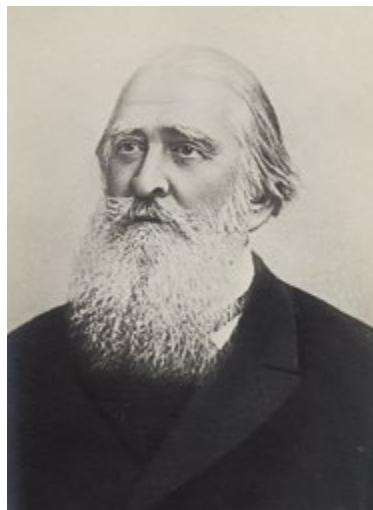
Павловское
военное
училище.
Фото конца
XIX века

Учился он хорошо по всем гуманитарным предметам и из рук вон плохо по точным наукам, но его выручали товарищи, за которых он писал сочинения. Чуть не каждую неделю он сочинял что-нибудь забавное про внутреннюю жизнь училища; Рос-кий заметил, что ни в одном из этих шуточных стихотворений не было «ни одной не то что сальной, но даже не совсем приличной строки». Надсон издал пару номеров рукописного журнала, прокрашенного по соображениям внутренней цензуры, и написал длинную эпиграмму на всех преподавателей училища. Стихи попали в руки ротного командира, который взялся допекать Надсона во время учений: «Надо делать что-нибудь одно: или стихи сочинять, или маршировать!»

Уже на первом же осеннем учении Надсон простудился на плацу и опасно заболел: Мария Ватсон упоминает «катар правого легкого», Жерве – «начало чахотки». Поэтому всю зиму, весну и лето 1880 года юноша провел в Грузии у родственников – и если сначала ему, влюбленному в Лермонтова, Кавказ показался нов и прекрасен, то летом он уже изнемогал, жаловался на невыносимую жару, от которой лошади на улицах падают, и рвался обратно.

Осенью он вернулся в училище – и снова пишет, что занят пустяками, что на учениях еле может держать ружье и является собой «плачевную карикатуру юнкера». Он в самом деле был плохим воином: маршировал плохо, верховую езду терпеть не мог, так и не научился как следует сидеть в седле; в тумбочке у него был страшный беспорядок; однажды он даже заснул в карауле. Спасало этого горе-юнкера разве что доброе отношение полуротного командира Агаркова, который освобождал его от гимнастики и строевых занятий. Тем не менее от летних военных сборов он избавлен не был – и после них у него началось кровохарканье.

Алексей
Николаевич
Плещеев
(1825–1893),
поэт,
переводчик,
критик

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Кронштадт.
Северные
казармы,
где размещался
Каспийский
полк.
Фото начала
XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОДПОРУЧИК

В это время он начал публиковаться в толстых журналах: его стихи, в том числе написанные на Кавказе, принимают «Свет», «Слово», «Мысль», «Дело», «Русская речь». Одну из его публикаций в 1881 году заметил поэт Плещеев и написал о ней доброжелательный отзыв – более того, захотел познакомиться с Надсоном. Знакомство состоялось в начале 1882 года; Плещеев привел молодого поэта в журнал «Отечественные записки», где увидели свет три стихотворения Надсона. Со временем Надсон написал о Плещееве в автобиографии: «Его я считаю своим литературным крестным отцом и бесконечно обязан его теплоте, вкусу и образованнию, воспитавшим мою музу».

Прозаик и драматург Иван Щеглов (Леонтьев), друг юности Надсона, рассказывал, что тот и сам был чрезвычайно внимателен к начинающим поэтам – так, только благодаря ему состоялся дебют Дмитрия Мережковского в «Отечественных записках».

В 1882 году Семен Надсон окончил училище, получил чин подпоручика и направление в 148-й пехотный Каспийский полк в Кронштадте, как и мечтал. Первое время его самостоятельной службы оказалось для него чуть не самым счастливым во всей его недолгой жизни: он был абсолютно независим, служба не обременяла его, впервые в жизни у него было собственное жилье. И чувствовал он себя хорошо. Один из его друзей вспоминал, что поэт жил вместе с товарищем по полку «довольно бедно и разбросанно, жизнью богемы, причем вечно у него кто-нибудь сидел, шли шумные разговоры, споры, раздавались звон гитары и звуки скрипки» – и что всюду, где бы он ни жил, «он сейчас же становился центром кружка, собирая начинающих поэтов, пробующих писателей, любителей драматического и всяких других искусств». В Кронштадте вокруг него собралось «Общество редьки»: читали стихи и горячо спорили вокруг стола, «установленного нехитрыми питиями и закусками, с редкой во главе».

Все время, пока Надсон жил в Кронштадте, он постоянно наезжал в Петербург, где часто бывал у Плещеева и принимал участие в работе Пушкинского кружка, который собирался в Знаменской гостинице. Когда он прочитал там свое новое стихотворение, «Из дневника», ему устроили овацию.

*Не называй меня безумным,
дорогая,*

*Не говори, что я солгал
перед тобой;*

*Нет, я люблю тебя,
как малчик, отдавая*

*Всю душу, все мечты,
всю жизнь – тебе одной.*

*Но отголоски гроз
недавнего ненастья,*

*Как голос совести,
твердят душе моей:*

*«Есть дни, когда так пошл
венок любви и счастья
И так прекрасен терн
страданий за людей!..»*

Он печатался в «Кронштадтском вестнике», пел в любительском хоре Морского собрания, собирая литературно-музыкальные вечера – и был почти совершен-

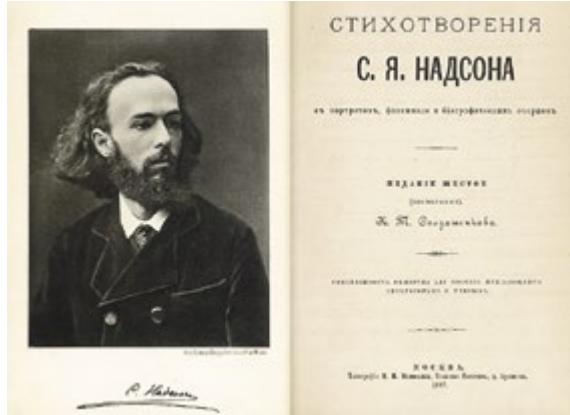
но счастлив. Но и в это счастливое время написал Плещееву: «Скелет жизни уже начинает опять сквозить сквозь цветы, которыми я его убираю».

К зиме 1882/83 года здоровье его опять ослабело, безденежье вынудило его заложить в ломбард мундир и часы – и литературные гонорары были для него единственной надеждой выбраться из нужды. В Кронштадте он заскучал, стал рваться «на волю, в свет, в Петербург». Хандрил, мечтал об отставке, но боялся ее: другой работы у него не было, на что жить – непонятно.

Летом 1883 года у него появилась на ноге туберкулезная фистула. Он лежал, мучился тем, что не может играть на скрипке – и играл на легонькой дудочке. В отставку он подал весной 1884 года, не отслужив обязательных трех лет, и спустя некоторое время был уволен по болезни. Редактор и издатель журнала «Неделя» Павел Гайдебуров предложил Надсону место секретаря в редакции. Это позволило ему поселиться в Петербурге и заняться литературным трудом.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Он начал работать в «Неделе» в июле 1884 года. Но уже в октябре чахотка обострилась так, что надо было срочно уезжать за границу от петербургской зимы. Салтыков-Щедрин списался с живущим в Швейцарии доктором и литератором Белоголовым, тот взялся лечить Надсона. Поэт взял у Литературного фонда ссуду в 500 рублей. 1800 рублей собрал благотворительный виолончельный концерт, который организовала Александра Давыдова (мать Муси Давыдовой, будущей издательницы «Мира Божьего» и первой жены Куприана. – Прим. авт.). Еще 1200 рублей дал Сергей фон Дервиз, только что получивший огромное наследство. Всю эту помощь организовала для Надсона переводчица Мария Валентиновна Ватсон. Она была из тех людей, которые находят счастье в искренней помощи другим. Свой человек в редакциях

Титульный лист и фронтиспис книги С.Я. Надсона «Стихотворения» [М., изд. К.Т. Солдатенкова, 1887]

«Санкт-Петербургских ведомостей», «Отечественных записок» и в Литературном фонде, она, как пишет Самуил Лурье, была словно создана для «благотворительно-тревожной суеты».

Отпускать тяжело больного Надсона в Европу – без денег на переводчика и сиделку – было немыслимо, и Мария Валентиновна взялась сопровождать его. Это дало почву для множества гадких пересудов, однако связывало их только общечеловеческое: доброта и жалость Ватсон, ее восхищение талантом Надсона – искренняя благодарность молодого поэта, который считал, что обязан ей жизнью.

Они поехали в Висбаден, оттуда в Ментону, где находился доктор Белоголовый. В Ментоне Надсон слег. Ногу надо было оперировать, хирурги были в Ницце. Там ему сделали операцию, через две недели – еще одну. Надсону было так плохо, что и он думал, что умирает, и врачи. В январе 1885 года он написал Марии Ватсон:

Мария
Валентиновна
Ватсон,
урожденная
де Роберти де
Кастро де ла
Серда
(1848–1932),
поэтесса,
переводчица,
автор книг
и статей
о писателях.
Благодаря
Марии Ватсон
был поставлен
памятник
Надсону
и опубликовано
его собрание
сочинений

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сон, которая вернулась в Россию к мужу и падчерице, отчаянное письмо: «Я не могу жить один, вдалеке от России и долго ждать перемены моего настоящего положения тоже не могу: я заложу или продам часы и все из вещей, что можно продать, и уеду назад. <...> Я в отчаянии! Просоветуйтесь с кем-нибудь и спасите меня, ради Бога, иначе я сам с собой кончу».

В январе ему полегчало. Он уже стал выходить на прогулки в город и писать стихи – и даже танцевал с барышней польку на карнавале. Именно здесь, в Ницце, он написал самое нежное и обаятельное свое стихотворение, «Закралась в угол мой тайком» – о девушке-проказнице, устроившей беспорядок в комнате поэта –

И ждет, склонив лукавый взгляд,
Грозы сурового ответа, –
А на груди еще дрожат
Цветы из моего букета!..

В марте вернулась Ватсон и привезла новости: на родине вышел его сборник стихов, весь тираж был раскуплен. Биограф Надсона Татьяна Солодова (Матиканская) рассказывает: «Все 600 экземпляров издания были распроданы в течение трех месяцев. На долгие годы книга стала самым читаемым сборником стихов. В 1886 году она была напечатана еще четыре раза. До 1917 года «Стихотворения» переиздавались 29 раз, а общий тираж сборника насчитывал более 210 000 экземпляров. Это был небывалый успех, равного которому «нет в истории русской поэзии», – писал С.А. Венгров».

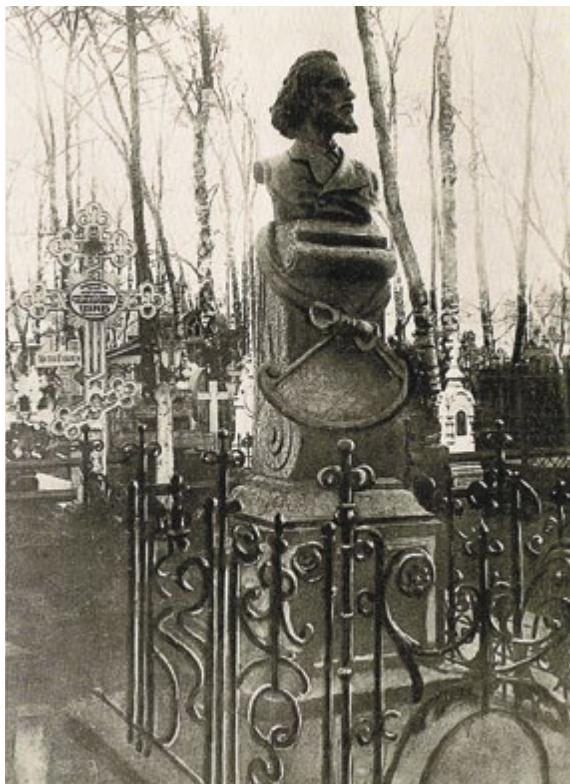
Весной на оперированной ноге снова появились нарыва, и снова возникла необходимость операции. На сей раз оперировали его в Берне, и опять не очень удачно. Надсон издержался, и ему пришлось взять у Литературного фонда еще 600 рублей. Пребывание за границей уже было лишено всякого смысла – о выздоровлении речи не шло. Надо было возвращаться на родину. Доктор Белоголовый советовал ехать в Крым. Но для этого надо было опять искать деньги.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАБОТА

Двоюродная сестра писателя Гаршина Юлия Степановна Гаршина пригласила Надсона пожить в ее имении Носковцы в Подольской губернии – учителем сына. В Носковцах он прожил осень и зиму 1885/86 года. Сестре писал оттуда: «Цельй день читаю, играю на скрипке, на рояле, ездим кататься. Кроме того, занимаюсь со старшим сыном моих хозяев, который, скажу тебе, не хвастаясь, делает большие успехи. Пишу мало, но все-таки пишу...» Тихая деревенская жизнь к весне ему наскучила. Он стал искать литературной работы, несмотря на самочувствие. Работа нашлась в Киеве: издатель газеты «Заря» Кулишер предложил ему писать по четыре фельетона в месяц, Надсон взялся писать рецензии на литературные новинки.

Он дал в Киеве вечер, на котором читал свои стихи; публика устроила ему овацию. Сборы от вечера помогли погасить очередной долг Литературному фонду. Некоторое финансовое облегчение ему принесла Пушкинская премия в размере 500 рублей, присужденная Академией наук в 1886 году.

К осени 1886 года ему стало так плохо, что пришлось переехать в Крым. Зимняя Ялта ему не понравилась. В ноябре у него отнялись нога и рука – но врачи убеждали его, что это нервное. Потом ему полегчало, он снова смог ходить и работать, но уже не тешил себя надеждами и составил завещание в пользу Литфонда – чтобы деньги, которые принесут его стихи, помогали кому-то другому. Последние месяцы его жизни были омрачены литературной дуэлью с Виктором Бурениным из газеты «Новое время». И сама газета, и издатель ее Суворин, и ведущий критик Буренин были несимпатичны Надсону – и его очень огорчало, что его первую книгу издал именно Суворин, а Буренин сказал о ней добрые слова. В одной из своих рецензий он задел Буренина, вернее, раскритиковал его литературные взгляды, высказанные под псевдонимом «граф Алексис

ПРЕДСТАВЛЕНЫ М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Жасминов». Буренин принял вызов; началась литературная перестрелка, которая очень скоро перешла на личности. Надсон, увы, сил своих не рассчитал и противника недоценил, никак не ожидал, что Буренин начнет бить по самым больным местам. Буренин то прохаживался по еврейскому происхождению Надсона, то высмеивал неких «мнимо недугующих паразитов, представляющихся больным, калекой, умирающим, чтобы жить на счет частной благотворительности»... Мария Ватсон, приехав к Надсону в Ялту, пришла в ужас от того,

Памятник
С.Я. Надсону
на Волковом
кладбище
в Санкт-
Петербурге

ПРЕДСТАВЛЕНЫ М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

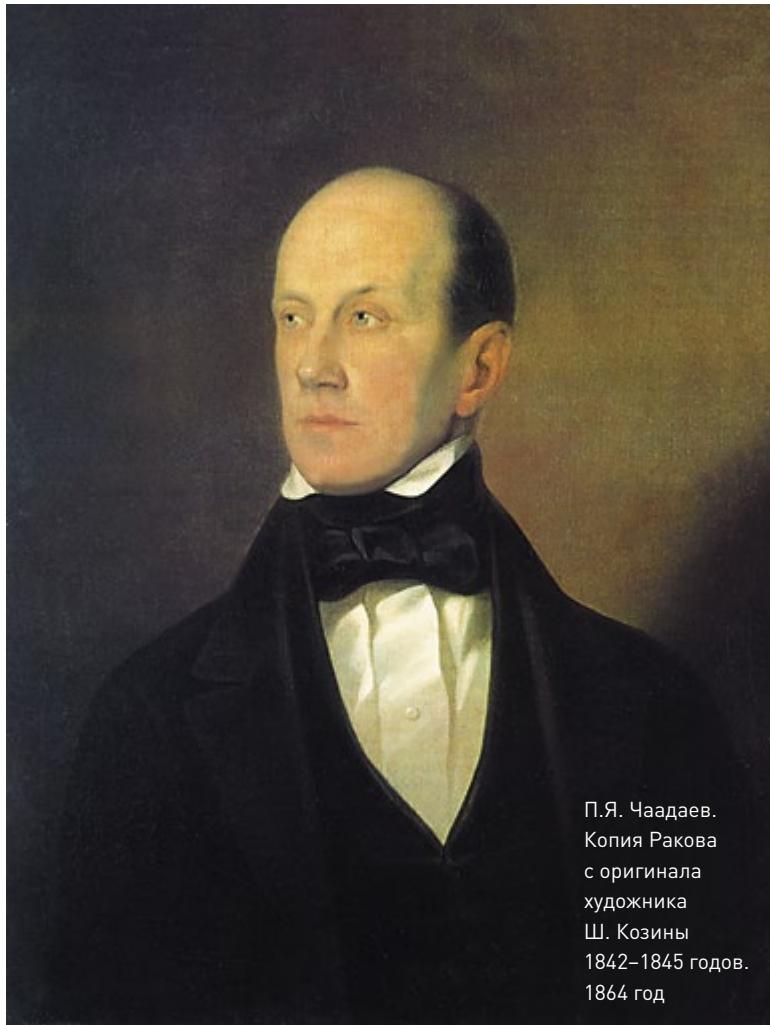
Виктор Петрович
Буренин
(1841–1926),
поэт, публицист

как он реагирует на буренинские выпады, и написала Суворину письмо с просьбой не печатать статей Буренина о Надсоне, чтобы не усугублять состояния больного. Письмо это возымело обратный эффект: теперь Буренин стал глумиться над самой Ватсон, называя ее перезрелой любвеобильной дамой, назойливой психопаткой. Надсон по прочтении нового буренинского опуса, по свидетельству лечащего врача, стал собираться в Петербург: «Это гнусно, этого так оставить нельзя». К вечеру у него поднялась температура, началось кровохарканье. Состояние ухудшалось несколько дней. В предсмертном бреду он несколько раз повторил имя Буренина. Врач заявил, что статья дубила поэта – без нее он мог прожить еще несколько месяцев. Буренин назвал врача шарлатаном. Общественное мнение, до сих пор молчавшее, стало называть Буренина убийцей.

Гроб с телом Надсона пароходом отправили в Одессу, оттуда в Петербург. Молодежь несла гроб на руках до Волкова кладбища.

Очень скоро в общественном сознании вырос целый миф о поэте, убитом клеветой: для современников была очевидна совсем не очевидная для нашего времени параллель между Надсоном и Пушкиным – параллель перестала быть очевидна уже Маяковскому, который предложил Надсону передвинуться в алфавите «куда-нибудь на ща».

Но целое поколение учило Надсона наизусть: «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат!» – он и был им братом, усталым, страдающим, но готовым протянуть руку тем, кому тяжело. Целое поколение повторяло вслед за ним: «Как мало прожито, как много пережито!» – пока это не аукнулось куда позже есенинским: «Так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок» – и при всей несходствости этих двух поэтов в их всенародной популярности есть общее: это он за меня так говорит, это я так чувствую; он все понимает про нашу нескладную жизнь, он наш, он свой, он один из нас. ●

П.Я. Чадаев.
Копия Ракова
с оригинала
художника
Ш. Козины
1842–1845 годов.
1864 год

В

СВОЕЙ ФИЛОСОФИИ истории Чадаев впервые со всей прямотой поставил вопрос об исторических судьбах России и русского народа, сделав крайний – для своего, конечно, времени – вывод о России как о своеобразной прорехе в истории европейской цивилизации: «Однокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили». Поэтому и хочется возвращать Чадаеву, не соглашаться с ним, приводя аргументы из нашей новой и новейшей истории, тем более что горькие слова Чадаева об исторической ничтожности России давно стали разменной монетой в аргументации наших нынешних «западников». Однако честнее будет беспристрастно разобрать историю вопроса, породившего одну из самых жарких полемик в русском обществе 30–40-х годов XIX века и, кажется, актуальную до сих пор.

ДРУГ ПУШКИНА

Петр Чадаев родился в Нижегородской губернии в древней дворянской семье. По смерти родителей, постигшей его в раннем детстве, он воспитывался в Москве у тетки своей – княжны Анны Щербатовой. Уже к 12 годам мальчик обнаруживал обширные для своего возраста познания, хотя занятия с

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПЕТР ЧААДАЕВ: ГОРЕ ОТ УМА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ПРО ПЕТРА ЯКОВЛЕВИЧА ЧААДАЕВА ПИСАТЬ НЕПРОСТО. ОН БЫЛ ПЕРВЫМ НАШИМ ФИЛОСОФОМ – И ПЕРВЫМ ОТРИЦАТЕЛЕМ РОССИИ. И ХОТЯ ПРИ ЖИЗНИ ЧААДАЕВ НАПЕЧАТАЛ ВСЕГО ОДНО СВОЕ СОЧИНЕНИЕ – ЗНАМЕНИТОЕ «ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО», ОПУБЛИКОВАННОЕ МОСКОВСКИМ ЖУРНАЛОМ «ТЕЛЕСКОП» В 1836 ГОДУ, – РЕЗОНАНС ОТ ЭТОЙ ПУБЛИКАЦИИ ОЩУТИМ ДО СИХ ПОР.

Герб рода Чадаевых

губернаторами, обычные для детей аристократического круга, не могли дать ему того, что он постиг самообразованием. К 17 годам он был уже широко образованным человеком. Прочувавшись несколько лет в Московском университете, он в 1811 году уехал в Петербург, где поступил в лейб-гвардии Семеновский полк, участвовал в походах 1812–1813 годов против Наполеона. Сражался при Бородине, ходил в штыки в баталии при Кульме (Пруссия), был награжден русским орденом Святой Анны и прусским Кульмским крестом.

В 1813-м он перешел в Ахтырский гусарский полк, а в 1816 году был переведен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк, расквартированный в Царском Селе. Боевой офицер, отличавшийся острым умом и безупречными манерами, Чаадаев в это время был самым выдающимся представителем столичной аристократической молодежи. Его современник писал о нем: «От остальных людей отличался необыкновенной нравственно-духовной возбудительностью... Его разговор и даже его присутствие действовали на других, как действует шпора на благородную лошадь. При нем как-то нельзя, неловко было отдавать-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ся ежедневной пошлости. При его появлении всякий как-то невольно нравственно и умственно осматривался, прибирался и охорашивался». К тому же, пишет его ранний биограф Михаил Жихарев, он «возвел искусство одеваться <...> почти на степень исторического значения».

Казармы
лейб-гвардии
Семеновского
полка в Санкт-
Петербурге
в начале XIX века

Железный Кульмский крест

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.-Л. Ругендас.
Сражение
при Кульме.
Пленение
генерала
Вандама
русскими
казаками
16 сентября
1813 года.
Около 1813 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В Царском Селе в доме литератора и историка Николая Карамзина Чаадаев познакомился с Пушкиным. Они подружились. По словам литературоведа Павла Анненкова, именно Чаадаев «поворотил» Пушкина «на мысль». В доме Чаадаева поэт познакомился с Иваном Якушкиным, декабристом, с которыми его друг был особенно близок. Впрочем, ни масонство, ни знакомство с революционными и конституционными взглядами будущих декабристов не слишком затронули Чаадаева: масонскую ложу «Соединенных братьев» он покинул еще до запрещения масонских лож в России в 1822 году и так же сам со-бою «отпал» от Северного декабристского общества. Меж тем над головою Пушкина и Чаадаева собирались тучи.

В октябре 1820-го взбунтовался 1-й батальон лейб-гвардии Семеновского полка, где Чаадаев служил ранее. Командир корпуса Илларион Васильчиков отправил Чаадаева к государю, находившемуся в Троппау, для подробного доклада. Через полтора месяца после этой поездки Чаадаев подал в отставку, не считая нравственно возможным продолжать службу после наказания друзей из восставшего полка, и 21 февраля 1821 года был уволен от службы. Блестящее начатая военная карьера Чаадаева оборвалась.

В это же время за свои вольнолюбивые стихи Пушкин попал в опалу и, безусловно, погиб бы (как известно, его хотели заточить в Соловецкий монастырь), если бы не вмешательство Чаадаева. Тот уговорил Карамзина ходатайствовать перед Александром I о прощении поэта и замене соловецкого заточения ссылкой в Новороссию. Вновь друзья увиделись лишь через шесть лет, в Москве в 1826-м, когда Чаадаев вернулся из трехлетнего путешествия по Европе, а Пушкин, отбыв ссылку на юге и в Михайловском, был освобожден велением нового царя, Николая I...

«БАСМАННЫЙ ФИЛОСОФ»

Путешествие за границу по возвращении в Москву вызвало у Чаадаева душевный кризис. Несколько лет он провел почти в полном отшельничестве, живя то в имении своей тетки в Дмитровском уезде, то в доме своих друзей Левашовых на Новой Басманной, в несохранившемся флигеле которого ему суждено было прожить до конца жизни. Европейские впечатления искали осмысления и выхода, и Чаадаев целиком отдался умственной работе, которая в 1829–1830 годах привела его к созданию серии «философических писем», написанных в форме ответов на письма его доброй знакомой Екатерины Пановой. «Они встретились нечаянно, — пишет биограф Чаадаева Михаил Лонгинов. — Чаадаев увидел существо, томившееся пустотой окружающей среды, бессознательно понимавшее, что жизнь его чем-то извращена, инстинктивно искавшее выхода из заколдованных кругов душившей его среды. ... Дом этой женщины был почти единственным привлекшим его местом, и откровенные беседы с ней проливали в сердце Чаадаева ту отраду, которая неразлучна с обществом милой женщины, искренно предающейся чувству дружбы. Между ними завязалась переписка, к которой принадлежит известное письмо Чаадаева, напечатанное через семь лет и наделавшее ему столько хлопот».

Однако поначалу ничто не предвещало грозы. Чаадаев стал снова выходить в свет, посещать Английский клуб и повсюду развивал те мысли, которые еще не были предъявлены обществу в письменной форме. «Почти все мы знали Чаадаева, — вспоминал славянофил Алексей Хомяков, — многие его любили, и, может быть, никому не был он так дорог, как тем, которые считались его противниками. Просвещенный ум, художественное чувство, благородное сердце, — таковы те качества, которые всех к нему привлекали; но в такое время, когда, по-

Петр Чаадаев
во время
военной службы.
1810-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

видимому, мысль погружалась в тяжкий и невольный сон, он особенно был дорог тем, что и сам бодрствовал, и других побуждал ... Есть эпохи, когда такая игра уже большая заслуга. ... Чем объяснить его известность? Он не был ни деятелем-литератором, ни двигателем политической жизни, ни финансовою силою, а между тем имя Чаадаева известно было и в Петербурге и в большей части губерний русских, почти всем образованным людям...».

По свидетельству литератора и дипломата Ивана Гагарина, немецкий философ Шеллинг считал Чаадаева «самым умным из известных ему умов». «Великий немец вами бредит, — сообщал Чаадаеву из Германии Александр Цуриков, — ловит везде русских и жаждно расспрашивает о вас».

Чаадаев успел пообщаться даже с Михаилом Бакунином, тогда еще философствующим гельянцем. В одном из писем Бакунин упоминал о своей «дли-

тельной беседе с г. Чаадаевым о прогрессе человеческого рода», сообщая, что тот «воображает себя руководителем и знаменосцем» сего прогресса, конечной целью которого является установление «совершенного строя на земле». Этот будущий строй сам Чаадаев называл «царством Божиим на земле» и связывал его с социальным активизмом католицизма, с которым он познакомился в Европе. Историческое призвание католической церкви, писал он в послании к княгине Софье Мещерской, состояло в том, чтобы «дать миру христианскую цивилизацию, для чего ей необходимо было сложиться в мощи и силе; ... если бы она укрылась в преувеличенном спиритуализме или узком аскетизме, если бы она не вышла из святилища, она тем самым обрекла бы себя на бесплодие».

После победы над Наполеоном высшее русское общество определенно находилось под влиянием католичества, которое тем легче проникало в умы, что в какой-то момент было символом французской образованности. Дипломат и проповедник Жозеф де Местр был очень популярен в петербургских салонах все время, пока он по долгу службы (1803–1817) находился в России. Однако общие рассуждения о католичестве были вполне безопасны, покуда Чаадаев в первом же «философическом письме» не придал им отточенную и беспощадную форму.

Здание женского Николаевского коммерческого училища, построенного в 1904 году на месте главного дома усадьбы Левашовых на Новой Басманной. В одном из флигелей усадьбы в 1833–1856 годах жил Чаадаев. Фото начала XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО»

В 1836 году издатель московского журнала «Телескоп» Николай Надеждин, желая поправить финансовые дела своего издания, решился опубликовать первое «философическое письмо» Чаадаева, написанное в 1829 году.

Причину отсталости России Чаадаев видел в том, что, обособившись от католического Запада в период церковной схизмы, «мы ошиблись насчет настоящего духа религии» – не восприняли «чисто историческую сторону», социально-преобразовательное начало как внутреннее свойство христианства и потому «не собрали всех ее плодов, хотя и подчинились ее закону», то есть плодов науки, культуры, цивилизации, благоустроенной жизни, ибо «мы стоим в стороне от общего движения, где развилаась и формулировалась социальная идея христианства». Чаадаев полагал, что мы совершили роковую ошибку, заимствовав христианство не из Рима, а из Византии. «Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой (удивительно! В 988 году, когда мы переняли православие у Византии, она была крупнейшей и культурнейшей мировой империей, в то время как в Европе царило настоящее варварство. – Прим. авт.), глубоко презираемой Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания. *<...>* В Европе *<...>* все умственное движение той эпохи было направлено на объединение человеческого мышления; *<...>* все это нас совершенно миновало. В то время, как христианский мир величественно шествовал по пути, предначертанному его божественным основателем, *<...>* а у нас ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забывшись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы. Словом, новые судьбы чело-

Николай
Иванович
Надеждин
(1804–1856),
издатель
журнала
«Телескоп»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

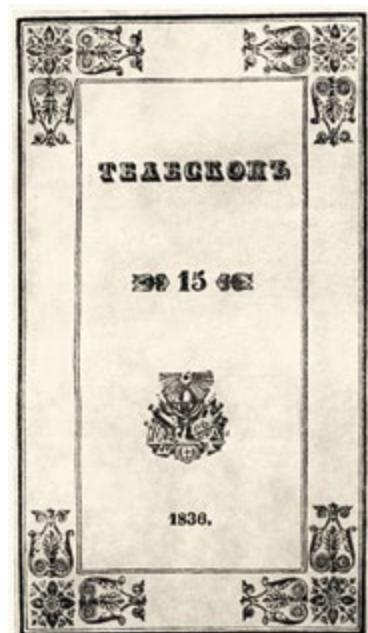
веческого рода совершались помимо нас. Хотя мы и назывались христианами, плод христианства для нас не созревал» (такие пассажи – еще более удивляют: широко образованный человек, по всей вероятности, совершиенно не знаком ни с историей Византийской империи, ни с историей арабского Востока, ни с историей Руси. – Прим. ред.). В итоге русскому обществу автор выносит неоправданно суровый и безысходный приговор: «...тусклое и мрачное существование, лишенное силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. Ни пленительных воспоминаний, ни грандиозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его пре-

дании. *<...>* Мы живем одним настоящим, в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя» (но ведь нельзя же всерьез думать, что Чаадаев ничего не знал ни об Александре Невском, ни о Дмитрии Донском, ни о Смуте, ни о других «грандиозных образах»? – Прим. ред.).

Для того чтобы выйти из «тусклого» существования и участвовать в мировом прогрессе, Чаадаев считал для России необходимым, впитав в кровь и плоть социальную идею католицизма, повторить все преемственные традиции и этапы европейской истории. Но это, конечно, чистая утопия: «повторить» ничего невозможно.

«Все народы Европы имеют общую физиономию, некоторое семейное сходство, – продолжает Чаадаев. – *<...>* еще сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве». Их объединяли «идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самых событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран.

Обложка журнала «Телескоп», в котором было опубликовано первое «философическое письмо». 1836 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка издания «философических писем» Чаадаева (Казань, 1906)

Это и составляет атмосферу Запада; это больше, нежели история, больше, чем психология: это физиология европейского человека».

Чаадаев пишет о Европе так, будто ее никогда не раздирали жестокие войны, непристойные ссоры пап с монархами, гонения на свободомыслie, инквизиция, беспримерное ограбление колоний, которое стало основой «процветания» западноевропейских стран, и откровенное делячество нарождающейся буржуазии...

«Ляля на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. <...> мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь». «Мы можем только завидовать доле народов, создавших себе в борьбе мнений, в кровавых битвах за дело истины целый мир идей, которого мы даже представить себе не можем».

В этих словах много верного и неверного одновременно: в 1829 году Россия еще не могла похвастаться ни великой литературой, которая только начала нарождаться, ни оригинальными живописью и музыкой, ни техническими прорывами,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

совершенными позже, ни уникальной ролью в исторических судьбах мира, которую мы сыграли, сломав хребет германскому фашизму. До этого надо было еще дозреть, дорости. Даже революция и строительство социализма, несомненно, ставшие тем неизвестным Чаадаеву «важным уроком», который Россия должна преподнести миру, были еще в отдаленнейшей перспективе...

П. Я. Чаадаев
в тоге. Рисунок
Э. А. Дмитриева-
Мамонова

Кабинет
Чаадаева.
30-е годы
XIX века.
Гравюра
с картины
К. П. Бодри

«СУМАСШЕДШИЙ»

Около месяца в Москве почти не было дома, в котором не говорили бы про «чаадаевскую статью». Студенты Московского университета явились к его попечителю и председателю московского цензурного комитета графу Сергею Строганову и заявили, что готовы с оружием в руках вступиться за оскорблённую Россию. Строганов, пораженный масштабами скандала, докладывал министру народного просвещения о необходимости закрыть «Телескоп».

Слухи о произошедшем в Москве быстро достигли Петербурга. Уже 19 октября состоялось заседание главного управления цензуры, после которого министр народного просвещения граф Сергей Уваров представил императору доклад. Резолюция Николая I гласила: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенногоД: это мы узнаем непременно, но не извинительны ни редактор журнала, ни цензор. Велите сейчас журнал запретить, обоих виновных отрешить от должности и выгнать сюда к ответу». В тот же день царь вызвал к себе Бенкендорфа, которому поручил немедленно составить проект отношения к московскому военному генерал-губернатору Дмитрию Голицыну. Начальнику III Отделения потребовалось мало времени, чтобы найти ключевое слово в резолюции государя, и уже через несколько часов он представил требуемый текст, на котором царь написал: «Очень хорошо». Текст этот определял весьма необычное наказание автору «дерзостной бессмыслицы», написанной в «постигшем его расстройстве ума, которое одно могло быть причиной написания подобных нелепостей. Здесь получены сведения, что чувство сострадания о несчастном положении г. Чедаева единодушно разделяется всею московскою публикою. <...> Его Величество повелевает, чтобы вы поручили лечение его

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

искусному медику, вменив сему последнему в обязанность каждое утро посещать г. Чеодаева, и чтоб сделано было распоряжение, дабы г. Чеодаев не подвергал себя вредному влиянию нынешнего сырого и холодного воздуха...». Фактически Чаадаев в течение года находился под домашним арестом, имея разрешение выходить на прогулку один раз в день.

Александр Тургенев писал Вяземскому в Петербург: «Доктор ежедневно посещает Чаадаева. Он никуда из дома не выходит. Боюсь, чтобы он и в самом деле не помешался».

А что же Пушкин? В неотправленном письме 1836 года он пишет другу: «...Нет сомнения, что схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необыкновенные про-

странства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена...»

«...Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия

Б.М. Кустодиев.
В московской
гостиной
в 1840-х годах.
1913 год.
У стола
с трубкой сидит
П.Я. Чаадаев

была достойна презрения <...> Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языщех? Евангелие от этого разве менее изумительно? <...> Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, <...> которой отличается юность всех народов? <...> Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству <...>, оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели все это не история, а лишь бледный полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая история? А Екатерина II, которая поставила Россию на порог Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве

Предписание
графа
С.С. Уварова
о запрещении
печатных
отзывов
на публикацию
первого
«философичес-
кого письма».
1836 год

не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? <...> клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал...».

Чаадаев был потрясен официальным признанием расстройства его ума. Среди тех, кто готов был восстать на него с оружием в руках, и тех, кто специально приезжал в Москву, чтобы выразить восхищение его отвагой, он выбирает узкий круг друзей, вместе с которыми пытается нащупать ошибки в своем методе рассуждения, еще недавно казавшемся ему столь стройным. Показательно, что, спровоцировав полемику между западниками и славянофилами, «первый западник» Чаадаев в это время водит дружбу именно со славянофилами – Иваном Киреевским, Константином Аксаковым, Юрием Самариным и особенно с Алексеем Хомяковым. Отношения же его с западниками – Белинским, Грановским, Герценом и другими – были, как правило, эпизодическими. Мысль Чаадаева постоянноозвращалась к «телескопскому» письму: и здесь она все чаще обнаруживает точки соприкосновения с раздумьями друзей, которые не соглашались с ним. «Если мы и не всегда были одного мнения о некоторых вещах, мы, может быть, со временем увидим, что разница в наших взглядах была не так глубока, как мы думали. Я любил мою страну по-своему, вот и все, и прослыть за ненавистника России мне тяжелее, нежели я могу вам выразить. <...> Ничто не мешает мне более отаться тому врожденному чувству любви к родине, которое я слишком долго сдерживал в своей груди...» – пишет Чаадаев.

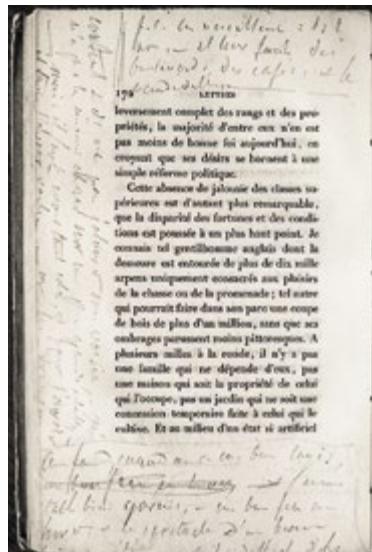
Поэтому он смиренно принимает доводы Ивана Киреевского: «Самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных стремле-

Силуэт
П.Я. Чаадаева,
выполненный
П.В. Киреевским

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ний: <...> при всем богатстве, при всей, можно сказать, громадности частных открытий и успехов в науках <...> при всем блеске, при всех удобствах наружных усовершенствований жизни, самая жизнь лишена была своего существенного смысла». Нравственная апатия, недостаток убеждений, всеобщий эгоизм, жизнь по расчету – такова оборотная сторона бурного развития буржуазного благоденствия. В череде буржуазных революций середины XIX века все яснее вырисовывалась, как выражался Чаадаев, «плачевная золотая посредственность». В критике «несказанной прелести золотой посредственности» Чаадаев предвосхитил Герцена. «Мещанство – вот последнее слово цивилизации», – скажет Герцен вслед за Чаадаевым. И плевать хотела эта посредственность на смысл и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

предназначение истории – «царство Божие на земле»!

Со временем Чаадаев изменил свой взгляд и на католичество. «Христианство, – замечал Чаадаев в своем письме 1837 года Александру Тургеневу, – предполагает жительство истины не на земле, а на небеси... Политическое христианство отжило свой век... Более нежели когда оно должно жить в области духа и оттуда озарять мир, и там искать себе окончательного выражения». Это «духовное христианство» он обнаруживает в России, в тех свойствах православия, которые воспринимались им ранее отрицательно: «...Христианство осталось в ней (России) незатронутым людскими страстями и земными интересами, ибо в ней оно, подобно своему божественному основателю, лишь молилось и смирялось, а потому мне представлялось вероятным, что ему здесь дарована будет милость последних и чудеснейших вдохновений...» Здесь Чаадаев прав. Были и вдохновения. Да и духа, необходимого, чтобы выжить и победить, России в XX веке потребовалось немало...

«Мы искони были люди смиренные и умы смиренные; так воспитала нас церковь наша, единственная наставница наша. Горе нам, если мы изменим ее мудрому учению! Ему мы обязаны всеми лучшими народными свойствами, своим величием, всем тем, что отличает нас от прочих народов и творит судьбы наши», – писал он Петру Вяземскому спустя десять лет после публикации «философического письма». В отличие от католичества плодами православия на Руси является не наука и благоустроенная жизнь, а особое душевное устройство человека – бескорыстие сердца и скромность ума, терпение и надежда, совестливость и самоотречение. Эти качества Чаадаев теперь обнаруживал там, где раньше видел только «немоту лиц» и «беспечность жизни», отсутствие «прелести» и «изящества».

«АПОЛОГИЯ СУМАСШЕДШЕГО»

Одиночка по своей природе, человек исключительно «умственный», за всю жизнь не узнавший радости разделенной любви, Чаадаев после скандала, вызванного «письмом», искал случая прояснить свою позицию и оправдаться перед публикой. В этих условиях он принимается за своего рода ответ самому себе, который был назван им «Апологией сумасшедшего». К сожалению, она была конфискована у автора в 1837 году и так и осталась незавершенной.

«Уже триста лет Россия стремится слиться с Западной Европой, заимствует оттуда все наиболее серьезные свои идеи, наиболее плодотворные свои познания и свои живейшие наслаждения, — пишет он. — Величайший из наших царей (Петр I. — Прим. ред.) <...> сам пошел в страны Запада и стал там самым малым, а к нам вернулся самым великим...». «...С тех пор мы принадлежим к Европе и Западу». Однако же что-то существенно отличает нас от них. Что? По мысли Чаадаева, «отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии».

Можно было бы сказать, что Чаадаев слишком категоричен и здесь: «свободный почин» явился всего пять лет спустя после его смерти в 1856 году, когда Россия вступила на путь Великих реформ. Но что толку? История не знает сослагательного наклонения. Да и путь реформ, начатый в 1861 году, был драматически оборван революцией 1917-го...

Однако в «Апологии сумасшедшего», ставшей своеобразным завещанием Чаадаева, он находит слова, в которых с необыкновенной силой выражена надежда на великое предназначение России: «Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия. <...> Больше того, у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

П.Я. Чаадаев.
Литография
А.М. Алофа.
1830-е годы

ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. <...> мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великим трибуналом человеческого духа и человеческого общества».

Сейчас уже непонятно, сколько мужества потребовалось Чаадаеву, чтобы, так сказать, авансом сделать это признание. Ведь Россия, в которой жил Чаадаев, была еще прежней, за реалиями которой прозреть будущую великую роль страны было не просто. Чаадаев остро переживал поражение России в Крымской войне, а отсутствие перемен в жизни страны после смерти

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Авдотья
Сергеевна
Норова
(1799–1835)

Николая I доводило его до мыслей о самоубийстве. Герцен, наблюдавший Чаадаева в поздние годы жизни, писал: «...Лета не исказили стройного стана его, он одевался очень тщательно, белое, нежное лицо его было совершенно неподвижно, когда он молчал, <...> серо-голубые глаза были печальны и вместе с тем имели что-то доброе, тонкие губы, напротив, улыбались иронически. Десять лет стоял он сложа руки где-нибудь у колонны, у дерева на бульваре, в залах и театрах, в клубе и <...> живой протестацией смотрел на вихрь лиц, бессмысленно вертевшихся около него...»

Перед смертью он завещал похоронить себя в некрополе Донского монастыря рядом с могилой Авдотьи Норовой — единственной женщины, любившей его. Фигура Чаадаева загадочна, как загадочны и порой пугающие верны его рассуждения о смысле русской жизни. В «Апологии сумасшедшего» он добирается-таки до сути, определяющей национальный характер и особенность русской истории: «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это факт географический...» Россия — огромная страна, распространяющаяся от Тихого океана до Балтики. Именно поэтому она никогда не будет такой, как Европа. Обустроить ее — задача неимоверной сложности, но именно в этом, сдается, и кроется наше предназначение. Многое, бесконечно многое уже сделано предыдущими поколениями. И нам ничего не остается, как продолжить их работу, чтобы рано или поздно собрать со своей необъятной житницы достойные плоды. ●

ДАМА В КРАСНОМ

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

О БАРОНЕССЕ ВАРВАРЕ ИКСКУЛЬ ФОН ГИЛЬДЕНБАНД ПОМИМО НАДГРОБИЯ В ПАРИЖЕ, ЗНАМЕНИТОГО РЕПИНСКОГО ПОРТРЕТА В ТРЕТЬЯКОВКЕ И ДОБРЫХ ДЕЛ ОСТАЛИСЬ ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ, СО СТРАНИЦ КОТОРЫХ ВЫСТУПАЕТ НЕОБЫКНОВЕННАЯ РУССКАЯ ЖЕНЩИНА С УДИВИТЕЛЬНОЙ СУДЬБОЙ...

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХов в шутку называл ее «баронесса Выхухоль». «Белая дьяволица» Зинаида Гиппиус писала о ней: «Такая очаровательная, что я не знаю ни одного живого существа, не отдавшего ей дань влюбленности, краткой или длительной...» Варвара Ивановна была хозяйкой одного из самых известных салонов Петербурга и объектом всевозможных сплетен. Кто-то искренне восхищался ею, кто-то – критиковал. Не замечать ее было невозможно...

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ДОЧЬ

Точный год рождения будущей баронессы Икскуль неизвестен: в источниках фигурируют разные даты – от 1846-го до 1854-го. Зато известно, что родилась она в Санкт-Петербурге в семье генерал-майора Ивана Сергеевича Лутковского, женатого на представительнице знатного сербского рода Штеричей, вдове князя Щербатова. После смерти первого мужа Мария Алексеевна блистала на столичных балах и вскружила голову не одному кавалеру. В числе пылких поклонников княгини был и Михаил Юрьевич Лермонтов, однако в итоге Мария Алексеевна вышла замуж за генерала Лутковского, который был старше своей жены на пятнадцать лет. Варвара была их единственным ребенком – обожаемым и не

зnavшим отказа ни в чем. С раннего детства она находилась под присмотром гувернантки-француженки, причем весьма примечательной. Алиса Флери была дочерью профессора Петербургского университета, в 19 лет организовала в Смоленской губернии школу для крестьян, затем окончила Высшие женские курсы, где влюбилась в преподавателя Эмиля Дюран-Гревиля и вышла за него замуж. Дюран стал переводчиком Тургенева и Островского, она – писательницей, издававшейся под мужским псевдонимом Анри Гревиль. Ее «русские» романы отличались подробным описанием как великосветской, так и крестьянской жизни и были весьма популярны.

Генеральская дочка выросла отнюдь не избалованной и пустой девицей. Напротив, ее душевную щедрость, сердечность, интеллектуальный и культурный уровень отмечали все, кому посчастливилось с ней общаться. Стойкая изящная красавица с большими черными глазами и смоляными волосами привлекала взгляды окружающих. Загадочности ей придавала седая прядь над лбом. В 16 лет завидную невесту Варвару Лутковскую родители выдали замуж за Николая Глинку-Маврина, который на двенадцать лет был старше ее. Успешный дипломат, действительный статский советник и камергер, секретарь русских миссий в Пари-

И. Репин.
Портрет
баронессы
В.И. Икскуль
фон Гильденбанд.
1889 год

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Канал
Грибоедова, 156.
Дом, где
В.И. Икскуль
содержала
литературно-
художественный
салон

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

же и Берне, а затем и генконсул во Франкфурте-на-Майне, безусловно, был «выгодной партией». Однако душевной привязанности между супружами не возникло. В браке родились двое сыновей – Григорий и Иван, но через несколько лет госпожа Глинка решила, что с нее хватит, и ушла от мужа. Дело было в Париже, слухи, разумеется, дошли до императорского двора – случился грандиозный скандал. Как-никак дочь генерала, уважаемого человека – и такие вольности... Глинка-Маврин замял скандал, и казалось, семейное счастье наконец достигнуто: у супругов даже родилась дочь Софья. Но в 1880 году Варвара Ивановна все-таки развелась с мужем...

БЛИЖНИЙ КРУГ

Варвара Ивановна пошла по стопам... мадемузель Флери – стала писать романы! В начале 80-х во французских литературных журналах под псевдонимом Rouslane (Руслана) вышли ее повести и рассказы, к некоторым предисловия написал Ги де Мопассан. Кроме того, она перевела для французов сочинения Достоевского. С 1886 года в России появились ее французские произведения, а в журнале «Северный вестник» – авторский перевод на русский ее романа «На туманном севере» о великосветской жизни в Германии. Однако успеха он не имел, что явилось поводом к самокритике: «Не могу, не умею писать по-русски...»

К этому моменту Варвара Ивановна снова была замужем. И снова за дипломатом. Действительный тайный советник, русский посол в Риме, барон Карл Петрович Икскуль фон Гильденбанд хоть и был старше матери Варвары Ивановны, но ухаживал красиво и настойчиво. И в 1884 году дочь Лутковского согласилась снова выйти замуж. Барон обожал свою молодую красавицу-жену и позволял ей делать все, что она пожелает – ведь ему сам король завидовал! Недаром при русском дворе активно обсуждали то, как король Италии Умберто I сидел в коляске русского посла в ногах баронессы, скорчившись на приставной скамеечке! Возмущенная подобным нарушением этикета, императрица Мария Федоровна при очередной встрече с баронессой не скрывала недовольства...

Карл Петрович ушел в отставку в 1891 году. Баронесса вернулась в Санкт-Петербург еще в 1889-м и поселилась в доме на Екатерининском канале (ныне – Грибоедова) у Аларчина моста (сейчас это дом №156). С возвращением Варвары Ивановны в столице появился новый литературно-художественный салон. «Все, что так или иначе выделялось, всплывало на поверхность общего, мгновенно заинтересовывало ее, будь то явление или человек. Не успокоится, пока не увидит собственными глазами, не прикоснется, как-то по-своему не разберется. Не было представителя искусства, литературы, адвокатуры, публицистики, чего угодно, который не побывал бы в ее салоне в свое время. <...> Она обладала исключительной уравновешенностью и громадным запасом здравого смысла. Всех «пыгала» и ко всем, в сущности, оставалась ровна. Но чутье к значительности – даже не человека, а его успеха – было у нее изумительное». Так отзывалась о баронессе Зинаида Гиппиус, легка ревновавшая своего мужа Дмитрия Мережковского, который «мгновенно влюбился в эту очаровательную женщину, с первого свидания, да иначе и быть не могло», и появились строки: «Не нужно мне дворцов, благоуханных роз // И чуждых берегов, и моря, и простора! // Я жажду долгого, мерцающего взора, // Простых и тихих слов, простых и теплых слез»... В своем первом сборнике поэт посвятил Варваре Ивановне 12 стихотворений.

Но тогда же Гиппиус писала критику и писателю Акиму Волынскому: «Вот скуча-то была у баронессы! Какая она неинтеллигентная, все-таки, дама! Оттого и люди, ее окружающие, так неинтеллигентны, до неприличия. Владимир Соловьев читал статью о Случевском <...> и, право, они оба друг друга стоили <...> После этого разрыва баронесса начала

читать письмо Толстого на французском языке, длинно, длинно, серо, серо, скучно и старо, все о том же, о непротивлении злу, о воинской повинности»...

Поделился впечатлением о салоне и литератор Дмитрий Мамин-Сибиряк: на втором этаже «три больших комнаты, сплошь набитых всячими редкостями – китайским фарфором, японскими лаками, старинными материями, редкой мебелью разных эпох и стилей, артистической бронзой, картинами и даже археологией, в виде старинных поставцов, укладок, братин, идолов и всяких цац и погремушек. Получается нечто среднее между музеем и галантерейным магазином, так что даже ходить по комнатам нужно с большой осторожностью, чтобы не своротить какую-нибудь подлую редкость»... Художник Михаил Несторов заметил, что имя баронессы «то фигурировало вместе с какими-нибудь филантропическими учреждениями, с женскими курсами, медицинскими, Бестужевскими, с концертами в пользу недостаточной молодежи, <...> то с какими-нибудь петербургскими сплетнями. Хорошее о ней переплеталось с «так себе»... <...> Быть может, не было и того, чтобы «повествователи» любили ее, но и при всей нелюбви их Варваре Ивановне не отказывали в уме, энергии, находчивости, в сильной воле».

Нередкая в кругу ее «друзей» злая насмешка над баронессой неприятна еще и потому, что эта «великосветская особа», фрейлина императрицы, никогда не отказывала им в помощи. Но сплетни появлялись беспрерывно, пока Варвара Ивановна наслаждалась творческой атмосферой «четвергов» с концертами и литературными чтениями. Завсегдатаем салона был Илья Репин, который часто рисовал карандашные портреты гостей – набрался не один альбом! А в своей мастерской он создал полотно «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», на котором в виде одного из казаков, стоящих за спиной писаря, изображен сын Варвары Ивановны...

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ИНТЕРЕСНАЯ МОДЕЛЬ

Экстравагантная высокая шляпка с черной вуалью в пол-лица, оттеняющей аристократическую бледность, пышный бант перехватил подбородок с ямочкой, трагическое сочетание алой блузки и черной, задрапированной кружевом юбки, золотыми цепочками обвито тонкое запястье – высокомерно, но очень внимательно смотрит на нас баронесса: «Не успокоится, пока... как-то по-своему не разберется». За этим «парадным» образом светской львицы угадывается яркий темперамент. Павел Третьяков сразу же приобрел у Репина «превосходный,adelавший много шума» портрет. Художник писал коллекционеру: «Баронесса пришла даже в восхищение от мысли, что портрет ее будет в такой знаменитой галерее. <...> Она модель интересная и позирует, как статуя». И по сей день «Женщина в красном» – в собрании Третьяковской галереи.

В 1890 году Чехов писал издателю Суворину: «Баронесса Икскуль (Выхухоль) издает для народа книжки. Каждая книжка украшена девизом «Правда»; цена правде 3–5 коп. за экземпляр. Тут и Успенский, и Королевский...»

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

10-я линия
Васильевского острова, 31–35.
Это здание было построено для
Бестужевских курсов
в 1885 году

ленко, и Потапенко, и прочие великие люди. Она спрашивала у меня, что ей издавать. На сей вопрос ответить я не сумел, но мельком рекомендовал порыться в старых журналах, в альманахах и проч. Советовал ей прощать Гребёнку. Когда она стала жаловаться, что ей трудно доставать книги, то я пообещал ей протекцию у Вас. Если будет просьба, то не откажите. Баронесса дама честная и книг не зажилит. Возвратит и при этом еще наградит Вас обворожительной улыбкой».

Издательскую деятельность она развернула по примеру толстовского издательства «Посредник», после того как побывала у графа в Ясной Поляне. Это был чисто просветительский проект, баронесса сама с воодушевлением составляла сборники, адаптировала тексты: «...я огорчалась почти пол-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Кирочная улица, 8.
В этом доме
на втором этаже
баронесса
Икскуль жила

ным отсутствием книги для народа... Мне казалось неотложной необходимостью дать хорошую и разнообразную умственную и духовную пищу тем, кто жаждал и алкал новых светлых впечатлений, новых знаний, открытых окон на свет Божий». Оформлением бесплатно занимался Репин, ведущие литераторы позволяли безвозмездно перепечатывать свои труды. В общей сложности в московской типографии Сытина в 1891–1896 годах вышли в свет 64 издания, среди авторов – Гоголь, Толстой, Достоевский, Гаршин, Чехов, Мамин-Сибиряк, Некрасов, Жорж Санд...

Но как бы ни декларировала этот проект издательница – «помимо чисто утилитарных знаний мы считали желательным расширить вообще кругозор наших будущих читателей, <...> не задавались никакими партийными или иными целями и выбирали только красоту духовных образов и таланта», – а отражал он, по сути, ее либеральные взгляды и дух народничества, столь популярные в те годы. Эта деятельность зарекомендовала Варвару Ивановну в интеллектуальной среде наилучшим образом, хотя...

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ

В рассказе Николая Лескова «Неоцененные услуги» дан весьма выразительный портрет баронессы Икскуль: «неожиданно приехала сюда по своим семейным делам та знаменитая в своем роде русская дама, которую я назвал Цибелою <...> Она проживает большую часть своей жизни в столицах Западной Европы, и думают, что она дает там тон в некоторых политических кругах. Не будем говорить – насколько это верно, но многие считают ее даже близкою помощницею русской дипломатии. В этом последнем представлении о ее роли есть, однако, значительная неточность. По правде сказать, она иногда доставляла дипломатии даже совершенно излишние хлопоты...», «она явилась к нам ряною славянофилкою...» Барон недолго наслаждалсявольной жизнью в отставке – в 1893-м его парализовало, в 1894-м баронесса овдовела, продала дом и переехала на Кирочную улицу. Недалеко, на Шпалерной, находились кавалергардские казармы, где служил ее младший сын. В бельэтаже дома №18 баронесса жила вплоть до Октябрьского переворота. На «четверги» приходили уже не только люди искусства, но и

государственные мужи, и думцы – Иван Горемыкин, Петр Дурново и другие. По словам Михаила Нестерова, «были большие связи <...> с так называемыми «нужными людьми». Ее знали обе Императрицы: вдовствующая Мария Феодоровна и царствующая Александра Феодоровна». Но баронесса была откровенной либералкой, ее салон стал оппозиционным. Революционер Владимир Бонч-Бруевич был свидетелем того, как у нее прятали архивы левых партий, скрывались «нелегалы», ведь к ней охранка прийти не посмеет. Видели у нее и Льва Троцкого, и Григория Распутина, которому какое-то время она благоволила. Она трижды выручала из тюрьмы Горького, спасала от ссылки известного народника Николая Михайловского. Граф Толстой просил ее похлопотать за духовников, которых церковь считала еретиками, и Варвара Ивановна помогала средствами и связями, чтобы те благополучно перебрались через океан в Канаду...

Разумеется, для нее все это виделось «общественно полезным» – ее благородное служение идеалам и протест против несправедливости, в том числе социальной, не были демагогией, требовали реального подтверждения.

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

В 1892-м Поволжье охватил голод. Баронесса собрала деньги, организовала бесплатные столовые, поехала в Казанскую губернию, в селе Нижняя Серда заразилась оспой, едва выжила... Тогда-то она и озабочилась состоянием медицины в Российской империи. Медицина, ее развитие, научные изыскания, квалифицированная помощь людям – самое важное направление в деятельности Варвары Ивановны. Она входила в круг этих проблем постепенно, но, разобравшись, что к чему, со свойственной ей страстью бросалась воплощать идеи в жизнь. В конце царствования Александра II закрылись женские медицинские курсы, Александр III женского образования

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА ВАРВАРА ИКСКУЛЬ

не приветствовал. Варвара Ивановна использовала все свои связи, чтобы повлиять на императора. Основным аргументом стала ее уверенность в приближении большой войны, когда Русской армии будет жизненно необходима служба медицинских сестер. Баронессе удалось убедить власти...

Дела благотворительности множились: финансирование Бестужевских курсов, членство в «Обществе попечения о бедных и больных детях», Алексеевском главном комитете по признанию детей лиц, погибших в войну с Японией, «Морском благотворительном обществе», Благотворительном обществе при городской Калинкинской больнице, «Невском обществе устройства народных развлечений»...

В 1900-м на базе Школы сиделок создана Община сестер милосердия Российского общества Красного Креста под началом генерал-адъютанта Михаила фон Кауфмана – грандиозный проект делался просто с нуля, требуя неимоверных усилий! «Дисциплина была железная, и сестры Общины, такие выдержаные, бесстрастные, преданные долгу, в накрахмаленных белых повязках и кокошниках, воротничках и нарукавничках, были послушными исполнительницами своей энергичной, не хотевшей ступиться попечительницы», – отмечал Михаил Нестеров. В 1895-м баронесса включается в создание

в Петербурге первого в Европе Женского мединститута (ныне – Государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова. – Прим. авт.), участвует в подготовке Пироговских съездов и учреждает свои стипендии. В научной библиотеке этого заведения и сегодня есть книги, подаренные баронессой Икскуль фон Гильденбанд.

Первый экзамен сестрам Общины пришлось сдавать довольно скоро – на фронтах русско-японской войны: баронесса сформировала и отправила на Дальний Восток несколько санитарных отрядов, а на Фонтанке, 148 организовала солдатский лазaret.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Она и сама освоила навыки ухода за ранеными и в 1912–1913 годах вместе с сестрами Общины отправилась на первую Балканскую войну. «Живем в палатах, землянках, глинобитных избах, – писала она приятельнице Екатерине Летковой. – Работа предстоит громадная – у нас будет помещение (в землянках) на 1500 раненых, а сколько их будет, когда начнется штурм, одному Богу известно!» Первая мировая война застала ее в Санкт-Петербурге. В 1914-м к Варваре Ивановне пришел Го-ремыкин и очень удивился: на

столе в рамочке стоял портрет... императрицы Марии Федоровны с любезной надписью. Баронесса объяснила: «Мы помирились! Теперь война и не время для мелких ссор!» Уже осенью 1914-го сестры Общины вместе с баронессой Икскуль действовали на передовой, на Юго-Западном фронте, где организовали ряд госпиталей, этапных лазаретов, санитарные поезда. В 1916-м баронесса Икскуль получила Георгиевский крест из рук генерала Каледина – за перевязку раненых под огнем неприятеля в боях под Луцком...

Набережная
Фонтанки, 148.
Больница
Общины сестер
милосердия
им. М.П. фон
Кауфмана
и Школы сиделок

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Улица Льва
Толстого, 6/8.
Мединститут,
который
В.И. Икскуль
финансирует

НЕ ДЕЛАЙ ДОБРА – НЕ ПОЛУЧИШЬ ЗЛА...

Октябрь 1917-го перечеркнул ее жизнь. Ни репутация, ни почтенный возраст, ни связи с народовольцами и большевиками не уберегли баронессу от катастрофы. Она пережила несколько арестов и обысков, экспроприацию дома на Кирочной – все ее оставшееся имущество уместилось на детские салазки. Зима 1919/20 года унесла сына Ивана, умершего от тяжелой пневмонии, осложненной голодом. Погиб от голода ее друг и соратник, талантливый хирург, профессор Военно-медицинской академии, лейб-медик Николай Александрович Вельяминов, с которым она поднимала Кауфманскую общину.

Летом 1920-го отчаявшаяся Икскуль просила помочь у Бонч-Бруевича: «Неужели я так жестоко наказана за то, что всю сознательную жизнь помогала «политическим». Я в буквальном смысле голодаю, думаю о зиме с ужасом, потому что купить дров не на что. Сын мой скончался в ужасных мучениях – я не могу оправиться от этого горя. Все рухнуло. Кроме несчастий и разочарований, ничего не осталось». В ответ – тишина. Осеню после обращения к Горькому она получила каморку в Доме искусств на углу набережной Мойки, Невского проспекта и Большой Морской (национализированный Елисеевский дворец) и зарабатывала на хлеб переводами...

Часто заходил к ней поэт Ходасевич: «Варвара Ивановна жила в бельэтаже, в огромной комнате «глаголем», с чем-то вроде алькова, с дубовой обшивкой по стенам и с тяжеловесной резной мебелью... Пахло в ней – не скажу духами, какие уж там духи, в Петербурге, в 1921 году, – но чем-то очень приятным, легким. В холода и голоде тех дней, ограбленная большевиками, пережившая больше десятка «строгих» обысков, Варвара Ивановна

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сумела остаться светскою дамой. Это хорошее тонкое барство было у нее в каждом слове, в каждом движении, в ее черном платье, в ногах, с такой умелой небрежностью покрытых пледом; в том, как она протягивала сухую, красивую руку с четырьмя обручальными кольцами на безымянном пальце; в том, как она разливала чай, как поеживалась от холода. В Петербурге, занесенном снегом зимою, заросшем травою летом, в пустынном, глухом Петербурге тех лет, когда зимою на улицах грабили,

Баронесса
В.И. Икскуль
и Александра
Филиппова,
старшая сестра
Общины сестер
милосердия
им. М.П. фон
Кауфмана.
1904–1905 годы

Невский
проспект, 15.
После революции
в этом здании
находился
Дом искусств

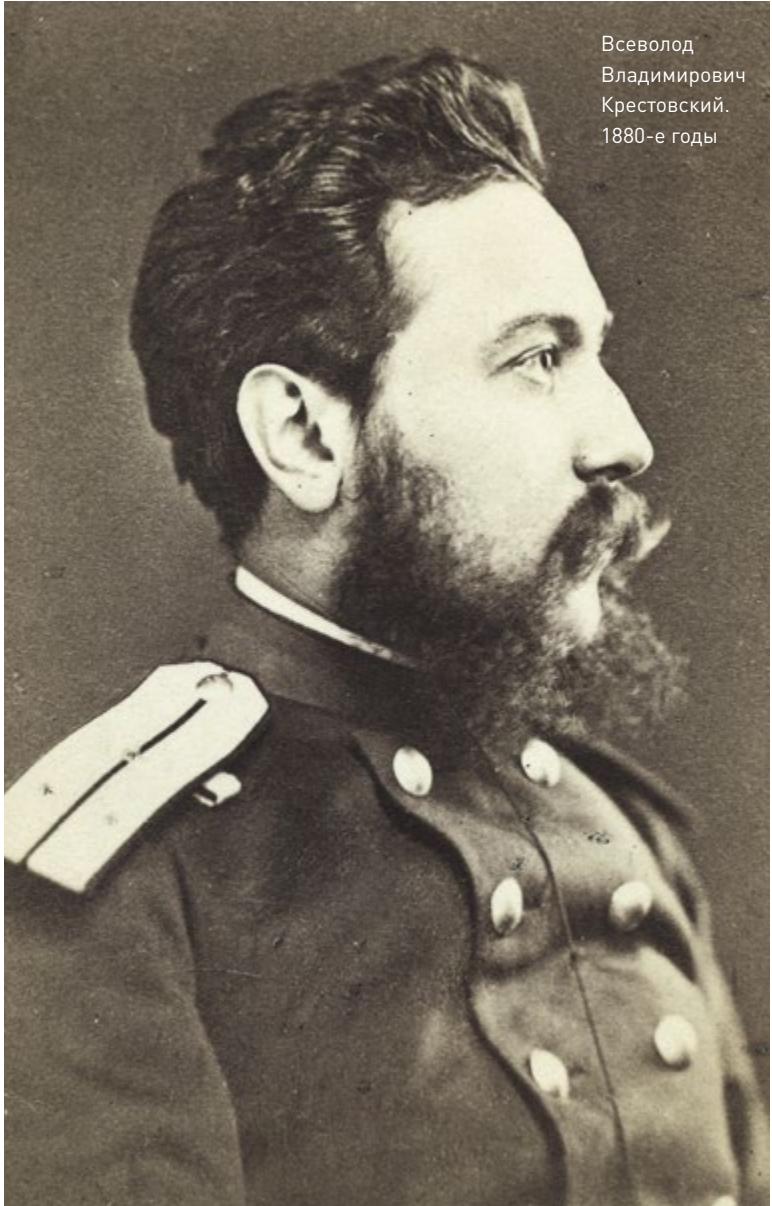
АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

а летом на Мойке пел соловей, дом Искусств был похож на затерянный во льдах корабль. Жили особенной, ни на что не похожей жизнью... И редкий вечер, хоть мимоходом, не заходил я к Варваре Ивановне, всегда радушной, доброжелательной, ровной. Горничная Варя приносila чайник. Было необычайно тихо и – опять не могу подыскать я другого слова – обаятельно. В те вечера рассказывала Варвара Ивановна о разных вещах, о людях, которых ей доводилось видеть, особенно хорошо – о Тургеневе и о Мопассане».

Она попросила власти разрешить ей выезд за границу, большевики отказали... И тогда в ней вновь вспыхнул дух протеста: по льду Финского залива под диким ветром пожилая баронесса с узелком шла за мальчиком-проводником в Финляндию. Оттуда перебралась во Францию, где воссоединилась со старшим сыном, Григорием, бывшим моряком. В 1926-м в Ницце на avenue des Fleurs с ней познакомилась Татьяна Аксакова: «Опираясь на трость, одетая во все черное, с белой камелией в петлице, Варвара Ивановна часто стучала мне в окно, приглашая пойти с ней к морю. Сидя на набережной, мы говорили о России, и я читала по ее просьбе есенинские стихи. При этом я замечала, что она с болезненным интересом слушает подробности о жизни холодного и голодного Петрограда начала 20-х годов...»

Не одна лишь ностальгия терзала ее душу, но и глубочайшее разочарование, опустошающая обида за неблагодарность прежних «друзей».

Она скончалась ранним утром 20 февраля 1928 года от воспаления легких. Упокоена баронесса Икскуль фон Гильденбанд на одном из главных мест захоронения русской эмиграции (наряду с Сен-Женевьев-де-Буа), четвертом по величине кладбище Парижа – Батиньоль...

ОФИЦЕР ИЗ ТРУЩОБ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ЭТОТ НЕСИМПАТИЧНЫЙ МИР ПРИВЛЕКАЛ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО, ВЛАДИМИРА ГИЛЯРОВСКОГО, АЛЕКСАНДРА КУПРИНА. ХРЕСТОМАТИЙНОЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ», «ХИТРОВКА», «ЯМА». А ЕЩЕ – ЧЕХОВ ИНТЕРЕСОВАЛСЯ. ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ НА ОСТРОВ САХАЛИН. ВСЕМ ИМ БЫЛО О ЧЕМ НАПИСАТЬ ПО ЭТУМУ НЕВЕСЕЛОМУ ПОВОДУ. НО ПЕРВЫМ СТАЛ ВСЕВОЛОД КРЕСТОВСКИЙ.

В

1926 ГОДУ БЫЛ ОПУБЛИКОВАН роман Владимира Обручева «Земля Санникова». В романе герой с фамилией Крестовский отсутствует. Но в замечательном одноименном фильме, созданном в 1973 году, есть персонаж – авантюрист Евгений Крестовский, офицер, бретер, выброшенный судьбой на северный край империи, где все, что ему остается – петь и пить. В ожидании серьезного приключения. Актер Олег Даль исполнил роль безукоризненно. Настоящий Крестовский был полной противоположностью персонажа, сыгранного Далем. Впрочем, скорее всего, авторы сценария ориентировались не на историческую фигуру, а попросту нашли подходящую роли фамилию. Но судьба Всеволода Крестовского вполне заслуживает того, чтобы сценаристы обратили на нее внимание. Хотя вряд ли мы найдем современника, который назвал бы Всеволода Владимира Крестовского авантюристом и бретером. Но... Такой судьбе мог бы позавидовать любой склонный к авантюризму мужчина. Студент, нищий, журналист, писатель, офицер, придворный, путешественник, чиновник, издатель – это все он, один из самых популярных подданных Российской империи последней трети XIX века.

МАЛЬЧИК

Детство и отрочество Всеволода Крестовского ничем не примечательны. Он родился в феврале 1839 года (по другим данным – 1840-го. – Прим. ред.) в имении Березянка Таращанского уезда Киевской губернии, принадлежащем его бабушке. Хотя мог бы при ином стечении обстоятельств появиться на свет в самом Петербурге. В столице служил его отец, отставной уланский обер-офицер. Но офицерского пенсиона и жалованья комиссара при Санкт-Петербургском военно-временном госпитале едва хватало на жизнь одному человеку. Это только звучит грозно – комис-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Василий
Иванович
Водовозов
(1825–1886),
русский педагог,
переводчик,
детский
писатель

сар! На деле – помощник смотрителя по хозяйственной части, то бишь завхоза. Так что о содержании супруги и ожидающего младенца в дорогущем по уровню жизни Питере и речи быть не могло. Потому и отправил бывший улан Владимир Васильевич супругу Марфу Осиповну в нужный момент в усадьбу Березянка.

Романтика сельской жизни среди красот Малороссии, в окружении дворовых одногодков и иноязычных гувернеров закончилась в тот момент, когда мальчика отправили в столицу, в 1-ю Петербургскую гимназию. Заведение, надо сказать, привилегированное. Отсюда и первая загадка: как провинциальный дворянский сын смог туда угодить? Но – угодил. Гимназисту Крестовскому повезло. Словесность в гимназии преподавал Василий Водовозов, один из самых ярких педагогов середины XIX века. Довольно сказать, что Василий Иванович свободно владел десятью языками, переводил на русский Анакреона, Горация, Байрона, Гёте, Беранже. Он и приметил в гимназисте Крестовском проблески литературного дара. Правда, один из первых рассказов Всеволода, «Вдовушка», оказался в руках у гимназического начальства и был приговорен к сожжению. Крестовскому были строго-настрого запрещены литературные эксперименты. Но поддержка учителя и твердый характер оказались сильнее запретов, исходящих от высокого начальства.

1-я Санкт-Петербургская гимназия на Ивановской улице. Фото конца XIX века

СТУДЕНТ

В 1857 году Крестовский поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. В том же году Всеволод начал активно сотрудничать с самыми известными изданиями: «Отечественными записками», «Русским словом», «Русским вестником», позже – «Временем», «Эпохой». Иными словами, его привечали такие маститые редакторы, как Андрей Краевский, открывший России гений Лермонтова, Аполлон Григорьев, Дмитрий Писарев, Михаил Катков, наконец, братья Достоевские. Публиковал стихи, рассказы, переводы. Самое время сказать, что Крестовский владел французским, немецким, латинским, древнегреческим языками в совершенстве. Со временем и по необходимости мог изъясняться на английском, польском, японском и иврите.

Довольно быстро Крестовский стал своим в петербургских литературных кругах. Его талант особо отмечали Аполлон Григорьев и Лев Мей. Но не только литературные способности привлекали внимание к юноше. Он удивлял несвойственной возрасту строгостью, молчаливостью, выверенной самооценкой. Уже тогда первоначальный смысл слова и действия для него был именно первоначальным. Честь – значит честь, раз-

врат – значит разврат, свобода – значит свобода. Он и писал так всю жизнь, без всякой потуги на то, что после получило название «авангард», когда белое превратилось в клетчатое, а небо – в паркет.

Студентом Крестовский пробыл недолго. Ушел «по нездоровью». Скучно стало. В «Русском слове» Григорьева в качестве штатного сотрудника было куда как веселее.

НИЩИЙ

Году эдак в 1860-м Крестовский познакомился с дочерью балетной примы Екатерины Гриневой – Варварой. По крайней мере, так вещает официальная биография писателя. Однако Матильда Вазем, принявшая имя Екатерины и фамилию первого мужа – Гринева, родилась в 1848 году и по всему родительницей будущей жены Крестовского быть никак не могла. К слову, среди воспитанниц Вазем–Гриневой–Насиловой была Матильда Кшесинская. Но все сие не столь существенно. Важнее то, что 22-летний литератор и его 20-летняя избранница заключили скоропостижный брак и поселились... на заброшенной даче в глубине Петровского острова на окраине Петербурга вследствие абсолютного отсутствия средств к существованию. Спали на сене, гостей,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

коих было немало, принимали сидя на полу. Собственно, благодаря гостям, среди которых числились Николай Лесков и братья Владимир и Константин Маковские, молодая чета выживала в буквальном смысле слова. Литература, как и сейчас, кормила далеко не всех. Однако довольно скоро количество публикаций превратилось в качество гонораров. И Крестовский с женой перебрались на приличную квартиру.

Но прежде будущий исследователь петербургского ада добывал хлеб насущный репетиторством. Среди учеников волею случая оказался помощник надзирателя над Сенным рынком Иван Путилин. Кто увлекается криминальными сериалами, помнит 8-серийный цикл «Сыщик Путилин» с Владимиром Ильиным в заглавной роли. Так вот, фамилия героя выбрана не произвольно. Путилин в благодарность за получаемые знания приглашал Крестовского на различные мероприятия, проводимые его ведомством в особо примечательных местечках вроде знаменитого некогда заведения «Ерши» у Аничкова моста на Фонтанке. Со временем Крестовский стал наведываться на «малины» уже без всякого прикрытия. Изучал нравы, быт, особый язык уголовного мира, известный сегодня под названием «феня». Позже Всеволод Владимирович даже составил словарь тех существительных и глаголов, на которых изъяснялись «внесословные» люди в середине XIX века. От нынешнего, надо заметить, отличается изрядно.

Одеваться в тряпье, закусывать «полугар» подсохшей горбушкой и держать наготове кулаки жителю заброшенной дачи на Петровском острове было не привыкать. Впрочем, к тому времени, когда упомянутые гонорары позволили жить безбедно и вызрела идея романа «Петербургские трущобы», маскарад и отвратительные зелья и пища превратились в производственную необходимость.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.В. Крестовский.
1860-е годы

ПИСАТЕЛЬ

Слава обрушилась на Крестовского в одночасье. Едва в 1864 году в «Отечественных записках» начали публиковать главы из романа «Петербургские трущобы». И ладно бы писатель делился с публикой только «картинками с натуры», увиденными, так сказать, изнутри. У него уже был определенный литературный и журналистский авторитет, и генерал-губернатор Санкт-Петербурга светлейший князь Александр Аркадьевич Суворов дал приказание не препятствовать Крестовскому в желании посещать тюрьмы, психлечебницы, странноприимные дома и прочие заведения, где маялась особого рода публика. Кроме того, автору «Трущоб» дозволили изучать соответствующие архивы спецслужб.

Роман публиковался в журнале в течение трех лет. А в 1867 году вышел отдельным изданием в четырех томах. Монументальный труд, надо признать. Однако, как нередко случается с популярными произведениями, после смерти писателя нашлись «исследователи»,

ставшие утверждать, что перо, написавшее «Петербургские трущобы» – это вовсе не перо Крестовского, а перо литератора Николая Помяловского. Был такой средней руки литератор на Руси, скончавшийся в 1863 году от белой горячки. Зачем и кому понадобилась эта интрига, теперь уже не узнать. Но что было, то было. Опроверг инсинуации тот же Иван Путилин, уже в качестве начальника сыскной полиции империи: «От первой до последней строчки романа принадлежит Крестовскому. Я сам сопровождал его по трущобам, вместе с ним переодеваясь в нищенское платье. <...> Наконец, я самолично давал ему для выписок дела сыскного отделения, которыми он широко пользовался, потому что почти все действующие лица его произведения – живые, существовавшие люди, известные ему так же близко, как и мне». Подтвердил авторство Крестовского и Иван Маркузе, журналист и переводчик, работавший у писателя кем-то вроде литературного секретаря.

В то время, когда первый русский роман об антиподах Онегина, Печорина и даже Базарова еще не успел поразить общество точностью и яркостью, с которыми описывались лица и нравы «дна», Крестовский ненадолго сменил ипостась. Он расстался с женой, которую никак не устраивало постепенное жизнеустройство. После нескольких месяцев в стоге сена ее требования очень быстро перескочили через категории «столбовая дворянка» и «вольная царица» и устремились к состоянию «владычица морская».

В 1863 году, после подавления очередного Польского восстания на территории Российской империи, Крестовский по поручению МВД отправился в Варшаву, изучать подземелья древнего города, где прятались в дни бунта сепаратисты. «Внутренние» генералы рассудили верно: раз в петербургских трущобах не пропал, значит, и вар-

шавские катакомбы осилит. Судя по рабочим запискам Крестовского, осилил.

А что роман? Расхожее определение ему – авантюрный. Что-то вроде современных потуг господина Акунина. Но вот Достоевский считал иначе. Федор Михайлович публично упрекал себя в том, что «упустил из «Эпохи» такое сокровище, как «Петербургские трущобы», которые привлекли массу подписчиков «Отечественным списком» Краевского». Да, стиль Крестовского несколько тяжеловесный и многословный, не чета легкому перу его современника Ивана Тургенева. Но это вовсе не беллетристика в обычном смысле слова. Это большая литература, поднявшая проблемы, которые ранее казались несуществующими.

ОФИЦЕР

В 1868 году Крестовский решил кардинально изменить привычную жизнь. Он поступил юнкером в 14-й уланский Ямбургский полк, квартировавший в Гродненской губернии. Где прекрасный Петербург, где красавица-жена, где запредельная популярность? По поводу популярности современники свидетельствовали, что ради получения в библиотеках романа Крестовского следовало записываться за месяц. По поводу жены, так отношения разладились за несколько лет до этого решения. По поводу столицы, так писатель никогда не страдал страстью к великосветской жизни. Наоборот, в гостиных Петербурга выглядел отстраненно и насупленно.

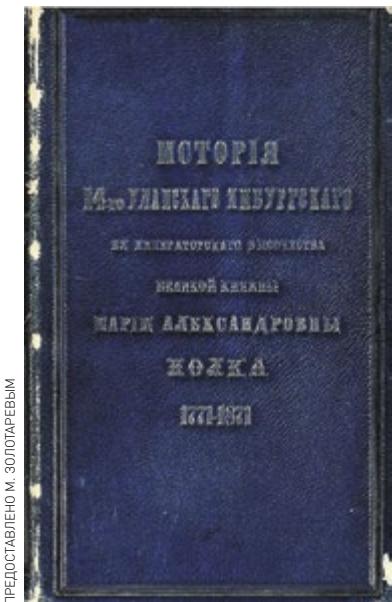
Еще одним мотивом, послужившим такому решению, стала история в Нижнем Новгороде, в которой Крестовский зарекомендовал себя принципиальным и последовательным гражданином. Оказавшись в волжской столице, он волей-неволей стал свидетелем запредельных злоупотреблений, которые позволяли себе тамошний обер-полицмейстер Лаппа-Старженецкий. Говоря современ-

ным языком, возмущенный Все-волод Владимирович развязал полноценную пиар-кампанию, целью которой провозгласил борьбу с бюрократом и хамом. Дополнительным стимулом для Крестовского был тот факт, что оба они были этническими поляками. Стало быть, полицмейстер не только власть позорил, но и нацию. В понимании писателя. Суды тянулись не одну неделю, но в итоге правда осталась за Крестовским.

Спустя два года после поступления в полк Крестовский произведен в офицеры. Заметно выделявшийся из среды коллег образованием и даром слова, он

Унтер-офицер и обер-офицеры.
1855–1857.
Из книги
«Рисунки
к Истории
лейб-гвардии
Уланского
Его Величества
полка»

Обложка книги «История 14-го уланского Ямбургского Ее Императорского Высочества великой княжны Марии Александровны полка. 1771–1874» (СПб., 1873–1874)

сразу получил особое задание: написать историю полка. Причем делать это предстояло не по месту полковой стоянки в Гродно, а в Петербурге, при Главном штабе. Задание было не простым. Не в том дело, что не о чем писать. Ямбургцы вели историю с 1806 года. Сложность заключалась в том, что поручение исходило непосредственно от шефа полка – великой княжны Марии Александровны, дочери императора Александра II. И это несмотря на то, что за Крестовским тянулся шлейф записного дуэлянта. Как-то некий присяжный поверенный Соколовский публично позволил себе некорректно высказаться в адрес офицера Крестовского. За что, естественным образом, был вызван на дуэль. От поединка юрист отказался, за что, столь же естественным образом, был наказан двумя пощечинами. Улан получил две недели гауптвахты, в формуляр проступок не занесли, но об истории знали многие. При дворе – тоже. На другой чаше весов были замечательные записки этого офицера о службе – «Очерки кавалерийской жизни».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Павел
Вильгельмович
Лаппа-
Старженецкий,
полковник,
нижегородский
полицмейстер

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

ВСЕВОЛОД КРЕСТОВСКИЙ

С поручением Крестовский спрашивался отменно, что оценила не столько великная княжна, сколько сам государь. И в 1872 году поручика Крестовского перевели в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. С точно таким же заданием – написать полковую историю теперь уже гвардейских улан – Александр II обратился к офицеру в 1875 году. И едва труд был закончен и одобрен, как публицистические таланты Крестовского оказались востребованы на русско-турецкой войне. Он отправился на дунайский театр военных действий в качестве редактора «Военно-летучего листка». А вернулся с боевыми наградами: тремя российскими и тремя иностранными орденами. И чином штабс-ротмистра. Дрался всюду, откуда приходилось писать репортажи. В том числе – под Плевной. Дошел с передовыми частями до Адрианополя. На страницах газет с очерками Крестовского император неизменно ставил пометку «Читал с особенным любопытством».

ПУТЕШЕСТВЕННИК

После войны Крестовский получил возможность вернуться к литературе. Задумал и начал писать трилогию: «Тьма Египетская», «Тамара Бендавид» и «Торжество Баала». Благо и до войны, и после имелась возможность изучать непростое положение евреев, живущих в черте оседлости. Гродно, где стоял его полк, Варшава, где находился штаб группы войск – это все те места. И mestечки. «Я считал необходимым подковаться, так сказать, на четыре ноги, ибо знаю, что первое возражение, которое может быть сделано мне из еврейско-публицистического лагеря, почти наверно будет заключаться в якобы незнании предмета. Но, благодаря примечаниям, ссылкам на источники и выдержкам из оных – надеюсь, легким порицателям придется прикусить язычок, и, таким образом, на этой дорожке им не удастся

А.Ф. Першаков.
Портрет
адмирала
Степана
Степановича
Лесовского.
Вторая половина
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мом деле в море с Крестовским случился казус: во время шторма парусные канаты изувечили ему ногу, и в японском порту он не столько служил, сколько лечился. Но тоже – не без проку. Вскоре в «Русском вестнике» начали печатать главы из его книги «В дальних водах и странах». Про Японию.

В 1882 году Крестовский сменил океан на пустыню. Его отправили старшим чиновником для особых поручений в Туркестан. Среди прочих особых поручений были и такие: приведение в порядок городской библиотеки в Ташкенте, посольский визит в Бухару и археологические раскопки в Самарканде.

ЧИНОВНИК

Впрочем, тут с формулировками есть некоторая путаница. Крестовский, как путешественник, писал очерки и зарисовки о местах, где ему довелось побывать, а как государственный человек – служил. По таким лекалам складывалась его судьба и в следующие годы. Уже не холостые. Из Туркестана он привез в Петербург жену – Евдокию Степановну. На сей раз выбор пал не на наследницу страсти Мельпомены, а на дочь слуги государева. И выбор выдался, как время показало, счастливым. Хотя несколько первых лет молодожены виделись нечасто.

Крестовский, хоть формально и служил в столице, но в течение трех лет, с 1884 по 1887 год, ин-

передернуть карты и подорвать кредит достоверности и точности излагаемого мною», – писал Всеволод Владимирович, объясняя свои старания изучить Тору и Талмуд в первоисточниках. Однако в 1880 году Крестовский получил очередное – и неожиданное – назначение: должность секретаря военно-сухопутных сношений при главном начальнике русских морских сил в Тихом океане адмирале Степане Лесовском. Это путешествие стало для писателя особенным. И до, и после он сотнями верст мерил землю – но чтобы милями? До Владивостока Крестовский добирался частным порядком вместе, к слову сказать, с адмиралом. Неаполь, Суэц, Индийский океан, Владивосток... Из «Владика» вместе с эскадрой отправился в Японию, в Нагасаки. Официальные источники сообщают, что пробыл он там полгода, якобы по службе. На са-

Номер газеты
«Варшавский
дневник»
от 4 апреля
1891 года.
С 1892 года
В.В. Крестовский
редактировал
это издание

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

спектировал земские учреждения в центральных губерниях, которые что тогда, что сейчас в сотнях верст от Петербурга. В апреле 1887 года произведен в полковники и назначен штабофицером Корпуса пограничной стражи при Департаменте таможенных сборов Министерства финансов. Универсал, однако. Пограничная стража – оно, понятно, на границе. И вот в течение пяти лет Крестовский путешествует по казенной надобности от границы с Турцией до границы с Германией.

ИЗДАТЕЛЬ

Генерал-губернатор Привислинского края и главнокомандующий Варшавским военным округом фельдмаршал Иосиф Гурко помнил Крестовского по русско-турецкой войне и дружески к нему относился. Когда освободилась вакансия главного редактора газеты «Варшавский дневник», предложил должность Крестовскому. Шел 1892 год. Всеволоду Владимировичу, уже генерал-майору, исполнилось 53. Оно вроде и немного. Но на другой чаше весов – Дунай, Дальний Восток, Туркестан, Кавказ, средняя полоса... Не довольно ли? И он принял решение осесть в Варшаве. К тому же – родина предков. Кто знал, что маститому литератору на польской земле предстоит бои непривычного характера. Куда там ворам из питерских

В.В. Крестовский.
1865 год

Мария Всеволодовна Крестовская, в замужестве Карташева (1862–1910), дочь писателя

Генерал-фельдмаршал
Иосиф
Владимирович
Гурко. 1878 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Ершей» да японским самураям, турецким янычарам да бухарским бекам...

«Варшавский дневник» был официальным СМИ, представляющим точку зрения Петербурга на все происходящее в русской Польше. А в русской Польше конца XIX века происходило разное. Всегда внутренне свободный и самолюбивый Крестовский оказался между двух огней. По нему лупили польские националисты, не щадили его и официальные власти. За три года весьма плодовитый литератор произвел на свет только один рассказ. Чем подтвердил собственные слова: «Если вам нечего сказать своего, лучше не пишите, а повремените, пока явится эта внутренняя потребность высказаться. А она явится непременно и тогда – с Богом!»

Непременно явится... Она – эта потребность – больше не явилась. Основоположник русского романа о «дне» умер в 1895 году, оставив шестерых детей, среди

которых и вполне известная писательница Мария Крестовская-Картавцева.

В «Очерках кавалерийской жизни» Крестовский писал: «В ночь перед выступлением солдат просыпается очень рано. Еще небо темно и играет яркими звездами или подернуто мглистым, холодным сумраком; еще вторые петухи только что начинают голосисто перекликаться между собою с разных концов погруженной в глубокий сон деревни, а уже солдатик, зевая и бормоча про себя: «Ох тих-тих-тих... Господи Иисусе Христе!» – протирает кулаком глаза, натягивает сапожища, набрасывает на плечи шинель и по хрусткой, заморозковой почве пробирается через двор к конюшне, где, мерно хрустя зубами и изредка пофыркивая, стоит его конь в ожидании утренней уборки. В ночь перед выступлением солдату обыкновенно плохо спится: все кажется, даже и во сне, что не успеешь убраться, что проспишь тот час, когда, идучи вдоль сонной деревни, эскадронный трубач на старой, дребезжащей трубе зычно и отчасти фальшиво пропищит в ночной тишине знакомые звуки генерал-марша». Кто-кто, а Всеволод Крестовский просыпался рано. Иначе как бы успел все, что успел?

ДЕРЕВНЯ У МЕЛЬНИЦЫ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

НА ЭКСКУРСИЮ В САРАТОВСКОЕ СЕЛО ЛОХ ПРИЕЗЖАЛИ И НЕМЦЫ, И АМЕРИКАНЦЫ. ПРИЧЕМ ОБХОДITСЯ ОНИ МОГЛИ И БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ.

Сотрудник сельской почты владеет английским, по-французски с гостями может пообщаться сын саратовского художника Бориса Давыдова, а владелец стада коз и сыровар Юрий Карамзин может рассказать туристам о селе по-испански. Гости смотрят на разрушенный храм Архистратига Михаила, разглядывают старую водяную мельницу – единственную, оставшуюся в Саратовской области. И остаются довольны.

Между прочим, в селе есть даже частная обсерватория «Звездное озеро», которую обустроил один саратовский студент. Правда, попасть туда пока невозможно: хозяин боится за оборудование и никого к себе не пускает. Да и бывает он в селе наездами. С ним знакома только Мария Кислина. Ее отец, Сергей Кислин, верит, что она и студента уговорит открыть обсерваторию для посетителей. Уговорила же она живущего здесь отшельником художника Александра Берестнева устроить в селе выставку своих картин и давать уроки рисования детям! Сергей везет нас на стареньком «жигуленке» по ухабистым переулкам и мечтает: «Представляете, сколько гостей прибавится в нашем Лохе, если обсерватория будет доступна!»

Однако есть проблема. Недавно у Марии, которая проводила в Лохе все экскурсии, родилась дочь Ульяна. Так что теперь Марию, оставшуюся в городе Энгельсе, подменяет младшая дочь Кислиных – Аня. Но она учится в одиннадцатом классе и летом отправится поступать в вуз. Хотя родители пока не представляют, как она сможет расстаться с любимым селом и как они будут управляться без нее. Аня ведет страничку в социальной сети «В контакте» под названием «Лоховская жизнь», водит экскурсии, кормит уток, кур, осла, кошек и собак. Ей приходится вставать в пять утра, выпускать живность, готовить для них еду. А после она отвозит на старенькой машине маму на работу, оставляет автомобиль у школьной ограды и бежит

на автобус до райцентра Новые Бурасы, где она учится. Такова она – лоховская жизнь.

Жена Сергея, Нина Сергеевна, завуч в местной школе, заботы почти не оставляют свободного времени. Так что придется Сергею оставить работу в Саратове и самому проводить экскурсии... Нас обгоняет любимица Ани – собака Марта. Мы держим путь к дому Юрия Карамзина. По дороге нас атакуют местные дворняжки, с которыми Марта бесстрашно выясняет отношения. Но вот наконец мы подходим к калитке, на которой висит вывеска: «Сыр из молока альпийских коз по семейным испанским рецептам», а навстречу нам уже спешит Юрий Карамзин.

– Я самый известный в мире лох! – с ходу заявляет он нам. – И нечего улыбаться! Вот дома у Сергея посмотрите старую карту Российской империи. Там «Лох» пишется как «Логъ». Вы, когда с горы съезжали, заметили, что село лежит в логу? Мой друг, профессор Виноградский, выяснил, что тридцать лет назад это слово не имело такого негативного оттенка. Метаморфоза произошла тогда, когда простые и добрые люди стали высмеиватьсь в городах.

Альпийские козы Юрия Карамзина и в снег найдут чем полакомиться

Должность хозяйки двора Аня Кислина исполняет с удовольствием

Сам Юрий в городе давно не был. Содержать стадо коз и варить сыры – дело непростое, времени да и сил остается немного. Побегайте-ка за стадом по крутым склонам двух холмов! «Лося! Лайма! Поцелуйте папу! – кричит Юрий. – Все – альпийской породы! Красавицы!» Козы блеют. Карамзин целует любимиц в нос. Юрий купил этот дом с земельным участком, когда вернулся из Испании, где пятнадцать лет трудился на сезонных работах и выбился в бригадиры. Жена его

старшего сына – испанка. Ее семья разводят коз. Она-то и прислала свекру семейные рецепты козьего сыра.

Когда в Лох приехала семья Кислиных с намерением тут поселиться, чтобы восстановить водяную мельницу, Карамзин понял, что появились родственные души. Он ведь тоже соорудил на своем огороде мельницу. От настоящего ветряка в ней, правда, только бутафорские крылья. Но гостям он доказывает, что это – настоящая мельница, как в Ла-

манче, а сам он – вылитый Дон Кихот. Туристам нравятся рассказы этого весельчака с донкихотовской бородкой о его жизни в испанской деревне Сан-Мигель, которую Карамзин называет Михайловкой. А еще больше умиляют его приключения с козами. Кустарник и траву в окрестностях села Лох еще до появления здесь альпийских коз облюбовали дикие косули и олени. Они – любимый предмет разговоров Карамзина и Ани, которая обожает животных. Карамзин ей рассказывает, что косули и олени так близко подходят к козам, что он, сидя на пенечке, может дотянуться до их носов палкой.

Сейчас Карамзин ждет, когда его младший сын продаст квартиру в городе и вместе с семьей переедет в Лох. Тогда «Дон Кихот» увеличит поголовье коз, а своего внука отдаст в техникум учиться на повара и кондитера. Будет для туристов делать выпечку...

А ведь раньше в Лох приезжали только за грибами. Но с тех пор, как приехали Кислины и занялись восстановлением старой мельницы, тут по 40 машин с туристами в субботу бывает! С мельницы заворачивают и к Карамзину. И сыры у него каждую субботу уже к обеду заканчиваются. Юрию досадно только одно: «Мне жаль мельницу. Можно было бы сделать из нее конфетку».

Сергей и Нина Кислины под портретом старшей дочери, Марии, которая и завезла их в село, названное, по одной из версий, по имени рыбы лох

РАДИ МЕЛЬНИЦЫ

Из-за мельницы Сергей Кислин с женой и двумя дочерьми и оказался в Лохе. Сергей был военнослужащим. Старшая дочь, Мария, родилась в Коломне, потом жили в Москве, Энгельсе, Иркутске, затем опять вернулись в Энгельс. Ну а потом Мария поступила на филологический факультет Сара-

товского университета. Тогда-то все и началось.

Как-то Мария поехала в студенческую экспедицию по области искать места проживания поволжских немцев. На следующее лето семья Кислиных, вдохновленная рассказами дочери, отправилась на «Жигуленке» осматривать остатки немецких кирх. Спали в палатках. Обед варили в котелке. Среди отмеченных на карте точек, где сохранились церкви, числилось и село Лох. Здесь они увидели разрушенный храм Архистратига Михаила и очаровались пейзажами. На следующий год они снова поехали в Лох, уже зная, что в селе есть старинная водяная мельница. Нашли ее и... влюбились. Но одновременно и расстроились. Мельница была в ужасном состоянии: здание заваливалось набок, полы стягивали, потолок проходился, механизмы расхищены... А ведь еще каких-то десять лет назад мельница еще работала!

Кислины задумались: что они могут сделать? И поняли, что если не привлечь внимания к последней водяной мельнице в области, то она исчезнет так же, как и другие, которых в Саратовской губернии было немало. И тогда Мария написала одному из самых известных специалистов – профессору Валерию Волшанику из Московского государственного строительного университета.

Когда-нибудь
возродится
в селе и храм
Архистратига
Михаила

Прочитав письмо из Лоха и посмотрев фотографии, профессор прислал своих студентов. Оказалось, у мельницы было два колеса, а вода в нее подавалась из пруда по каналу. Каждые выходные семья Кислиных наведывалась в Лох – убирать с мельницы мусор. Не остались в стороне и местные школьники, а также знакомые Марии. Кстати, на ее письма с просьбами о помощи все инстанции Саратовской области отвечали, что мельница культурной ценности не представляет. Нужно было искать другое решение проблемы. И тогда Кислины... сменили место жительства.

Перебраться в Лох, поближе к любимой мельнице, удалось, когда нашли дом, выставленный на продажу. Находился он не в лучшем состоянии. Хозяева, правда, обещали, что каждое утро с крыльца можно любоваться оленями на горе. Дом Кислины купили, только вот оленей долго не видели. Но однажды Сергей заметил, что осел Кузя, которого он вел домой, остановился и смотрит куда-то вверх. Сергей поднял глаза – на горе олени! После того случая Кислины постоянно видят оленей. Аня не раз насчитывала до 15 оленей и косуль: гора солнечная, животные выходят на нее погреться и полежать. Кстати, осел Кузя появился у Кислиных благодаря Ане. Девочка больше всех радовалась переезду из города в село и просила купить лошадь. Завести лошадь Кислины не решились, но както раз на глаза им попалось объявление о продаже осла из контактного зоопарка в Энгельсе. Осла загрузили в машину и привезли в Лох. Размечтались о том, как когда-нибудь починят мельницу и тогда осел будет вращать мельничный жернов... Правда, даже проехаться на Кузе – большая проблема. Осел предпочитает гоняться за собаками, пугать деревенских жителей и громко реветь. На этот-то рев во двор Кислиных явился мужчина с седой бородой, деловито уточнивший у хозяев: «Это каталонский осел?» Так состоялось знакомство Кислиных с Карамзиным.

Вообще-то осла Кузю покупали крутить мельничные жернова

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

Нина Сергеевна слепила из гипса и подарила Карамзину козу в юбке, с томным видом читающую книгу о козоводстве. Местный «Дон Кихот» расчувствовался. С тех пор они подружились. Правда, Карамзин часто критикует непрактичных, на его

взгляд, соседей. Взялась Нина Сергеевна расписывать белую дверь в доме. Карамзин заметил: надо ее «состарить». Взялась городская учительница порожек камушками выложить, а он сказал, что все камушки осыпятся, так как она раствор не в той пропорции замесила. Пиццу, которую она пекла, Карамзин назвал кулебякой. А занималась всем этим Нина Сергеевна в то время, пока без работы сидела. До переезда в Лох она работала в городской школе Энгельса учителем рисования. Ее коллеги сочли поступок Кислиных странным, ведь семья никогда не жила в деревне. «Вы там только животных не заводите, – сказала на прощание директор. – А мы вас год будем ждать». «Ну, вы знаете, пока мы там мельницу не восстановим...» – ответила Нина Сергеевна и замолчала, поскольку взгляд у директора был, мягко говоря, удивленный. В лоховской школе она тоже сначала удивляла коллег и учеников. Ну, начать с того, что она попросила школьников написать о своих мечтах. Когда она показала эти детские записки знакомому художнику Борису Давыдову, тот задумался, а потом уверенно заявил, что детям в селе Лох нужна изостудия.

Как Аня расстанется с Лохом, она и сама не представляет

Первые занятия Нина Сергеевна проводила у себя дома. На мастер-классы приглашала городских художников.

Потом выяснилось, что дети очень бы хотели увидеть в своем селе театр. Нина Сергеевна договорилась с саратовским Детским экологическим театром интермедией и миниатюр «Несмотря ни на что», и артисты несколько раз приезжали «на гастроли» в Лох. А поскольку гостиницы в селе нет, то все 26 детей-актеров ночевали в доме Кислиных. Приходилось укладывать их спать даже на полу в коридорах.

Затем Нина Сергеевна решила устроить выставку детских рисунков «Жил-был Лох» и попросила ребят изобразить на них жизнь села такой, какой они ее видят. Выставку провели в стенах мельницы. А потом Нина Сергеевна отправила рисунки на конкурс. Работы похвалили, но попросили поменять название темы. Как вы дога-

дываетесь, Нина Сергеевна решительно отказалась. Еще бы! Ведь она сама детям говорила, что они должны гордиться тем, что живут в Лохе. Ее еще раз попросили подумать и объяснили, что название «Жил-был Лох» не очень хорошо звучит. Двусмысленно, так сказать. Но она снова отказалась. «Это у вас такие ассоциации, – ответила Нина Сергеевна. – А я, если вижу на стене надпись «Лох», то мне хорошо!» Дальше – больше. Изостудию решили назвать «Лоховская артель». В 2015 году студия получила грант Фонда Тимченко в номинации «Культурная мозаика малых городов и сел». Сделали в классе ремонт, закупили новую мебель, приобрели мольберты, кисти, краски, гуашь, акварель, пастель, бумагу. Все то, о чем мечтала Нина Сергеевна еще в городской школе. Посмотреть, как дети впервые вышли на пленэр, пришли полюбоваться их родителями...

Художник
Александр
Берестнев
свою жизнь
в Лохе
сравнивает
с жизнью
Поля Гогена
на Таити

ЛЮДЕЙ ОБЪЕДИНЯЕТ ХОРОШЕЕ

Но самой большой странностью местным жителям казалась борьба Кислиных за старую мельницу. Районные власти сразу дали понять, что если хотят Кислины ее восстанавливать, то пусть сами этим и занимаются. Мельница никому не принадлежит, памятником не является.

Молодежь разбивала на мельнице окна, вставленные Кислиными, мусорила. Мария регулярно с 100-литровым мешком собирала мусор вокруг мельницы, а рядом развеселая компания с бутылками комментировала: мол, зря стараешься, девушка, мы еще накидаем. Обещание свое они выполняли. Но Мария не обижалась. И руки не опускала: сидела в архивах, пытаясь собрать по крупицам сведения о мельнице, писала и ходила по инстанциям, делала все возможное, чтобы при-

влечь внимание общественности и властей к умирающей мельнице.

Когда благодаря Кислиным в Лох потянулись автобусы с туристами, то администрация Новобурасского района почему-то решила пустить с аукциона никому не принадлежащую мельницу. И тогда Мария досчучалась до губернатора Саратовской области Валерия Радаева, рассказала об уникальном объекте и попросила сохранить мельницу, не отдавать в частные руки. Губернатор приехал в Лох. Договорились, что Мария оформит фонд «Мир тесен» для спасения мельницы. Кстати, губернатор и сделал в него первый взнос. Вскоре работы на мельнице были продолжены Министерством природных ресурсов и экологии Саратовской области. Укрепили фундамент и несущие стены, заменили склонившие элементы, установили механизмы, правда, бутафорские. А в 2016 году мельницу передали в региональную собственность.

Исторический облик мельницы, как хотелось Кислиным, конечно, не вернули. Рабочей, чтобы можно было муку на ней молоть, она тоже не стала. Но Кислины все равно довольны: мельница, которая вот-вот должна была рухнуть, простоит еще с полвека. И не беда, что теперь ключом от замка владеет назначенный смотритель и без его разрешения Кислины на мельницу пройти не могут. Позволяют им туда водить туристов – и то хорошо.

А в прошлом году Мария Кислина решила создать «Деревню у водяной мельницы» – социокультурный центр, который должен был разместиться в специально купленном доме. Конечно, в нем нужно было провести перегланировку, сделать ремонт. Кислины наняли архитекторов. Проект одобрили, деньги выделили, но местные власти решили полученные средства отдать школе. Вроде бы должно быть обидно, но Мария решила: раз школа полу-

Умелыми руками Василия Сушкива сооружены не только эти качели, но и детская площадка в селе

чила деньги – и то хорошо. На них купили ткацкие станки, швейные машинки, японский оверлок и муфельную печь для обжига изделий из глины, которые детишки будут мастерить. А еще приобрели ручные мельницы, чтобы ребята могли сами молоть муку. Правда, возник вопрос с архитекторами, которым был заказан проект, от которого пришлось отказаться. Но ребята вошли в положение и просить компенсации не стали. А дом Кислины решили своими силами переоборудо-

вать под помольную избу. Тем более что с ее обустройством помог Юрий Карамзин. Он пришел, посмотрел и в своей обычной ироничной манере заявил, что они сами будут сто лет тут возиться. Предложил своего сына подключить. Тот назвал символическую цену и вместе с отцом помог Кислиным отремонтировать избу. В выходные в этой избе от наплыва туристов яблоку негде упасть. Карамзин в фартуке и колпаке печет пиццу, а Аня смешивает для нее ингредиенты...

Велосипед – любимый транспорт лоховчан круглый год

Вообще, Кислины уверены, что Лох странным образом притягивает интересных людей. Случаев, когда люди приезжают в Лох туристами, а потом покупают тут домик и остаются жить, немало. Кислиным порою даже звонят родственники новых жителей Лоха: «Вы что там делаете с ними?» Так что теперь Кислины предлагают «расшифровывать» Лох как аббревиатуру «Людей объединяет хорошее». Разве не хороший человек бывший главный архитектор Саратова, Александр Кискин? Он купил в селе дом и теперь занимается восстановлением храма Архистратига Михаила. Разве не хороший человек Василий Сушкин? Военный пенсионер оформил опекунство над тремя родными сестрами из детского дома, регулярно выкашивает бурьян вокруг разрушенной церкви, установил пояснительные таблички на въезде в село и построил общую детскую площадку. И таких примеров здесь немало.

МЕЛЬНИЦА

...Мы гуськом идем по белому полю к мельнице, оставляя за собой на снегу цепочку следов. Вот и она: крыша спряталась под снежной шапкой, темные стены припорожены снегом. Доски настила, ведущего к двери, пружинят и поскрипывают. «Когда мы с Ниной, Машей и Аней впервые взобрались на мельницу, — вспоминает Сергей, — поразились, как все тут запущено. Перила поросли мхом. В настиле доски прогнили. Дверь

Когда-то в Лохе
сами делали
и жернова

Все-таки есть
в водяной
мельнице
какое-то
очарование!

в каких-то бурых пятнах. И крыс, и мышей здесь видели. Наверху окно было со старинной рамой, его во время ремонта вышибли. Поставили новое. Покрасили... Карамзин их ругал! Набили новых досок, а если бы догадались взять старые доски с любой развалюхи по соседству, то и вид бы сохранили старинный. А так...». Сергей качает головой: ясно, что ремонт мельницы его не радует. Но зато мельница не рухнула. Стоит! За ее малейшим отклонением следит по установленному вдоль стены отвесу смотритель мельницы Владимир Майоров. Смотритель отворяет нам скрипучую дверь. Свет падает на жернова, короба, транспортеры. Мукой, конечно, не пахнет, лежат для виду россыпи зерна... Кстати, Владимир Майоров, как выяснилось, помнит последнего мельника — Андрея Ситникова. Его портрет стоит посередине экспозиции, посвященной мельничному делу в селе Лох.

Сначала мельница была водяной, а потом работала от электродвигателя. Чтобы привлечь туристов, построили желоб, по которому подаваемая насосом вода вращает мельничное колесо. Смотритель запускает насос, чтобы продемонстрировать нам работу мельницы, но забывает прочистить желоб. Вода упирается в «плотину» из снега и листьев. «Пробьет!» — машет рукой Владимир Майоров.

«Раньше была галерея, по которой можно было подойти к колесу и помочь ему, а в желобу этом дети купались, — объясняет упавшие при реконструкции детали Сергей, вздыхает и вдруг радостно кричит: — Пошли!»

Вода с шумом обрушила снежную «плотину» и устремилась к колесу. Раздался громкий скрип, колесо дрогнуло и, разбрасывая брызги, начало крутиться. В морозном воздухе запахло речной водой и мокрым деревом. Колесо крутилось. И чем быстрее оно раскручивалось, тем радостнее становилось лицо Сергея. «Вот бы еще муку на ней молоть», — вздохнул он. Такой в своих мечтах он видит водяную мельницу села Лох. ⚡

МИХАЛЬЧ ИЗ МАРИИНСКА

АВТОР

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

КТО ИЗ ОЧАРОВАННЫХ ПРОСТРАНСТВОМ,
ПРОЕЗЖАЯ ПО БЕСКРАЙНЕЙ РОССИИ И ГЛЯДЯ
НА ПРОПЫЛЕННЫЕ И БУДТО ЗАСАЛЕННЫЕ ДОМИШКИ
ВДОЛЬ ВОЮЩЕГО ФУРАМИ ТРАКТА, НЕ ГОВАРИВАЛ
ЖЕНЕ: «КАК МОЖНО ВСЮ ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ В ТАКОМ
ВОТ ДОМЕ?»... А ТА ОТВЕЧАЛА, ПОТЯГИВАЯСЬ:
«НИКОГДА ЭТОГО НЕ ПОНИМА-А-АЛА...» А ГОЛОНОГАЯ
ДОЧУРА, ОТОРВАВШИСЬ ОТ ТЕЛЕФОНА, БРОСАЛА:
«С УМА БЫ СОШЛА В ТАКОЙ ЗАПЕНДРÉ ЖИТЬ...
У НАС ВОДА ОСТАЛАСЬ?» И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
ЕЩЕ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ОБСУЖДАЮТ УСИДЧИВОСТЬ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЖИТЕЛЯ, ОСОБЕННО
ПЕРЕЖИВАЯ ЗА ЕГО «КРУГОЗОР» И НЕСПОСОБНОСТЬ
РВАНУТЬ ТУДА, ГДЕ «ПОПЕРСПЕКТИВНЕЙ»...

МАРИИНСК – ЭТО КУЗбасс и половина длины меж Красноярском и Новосибирском. 370 сюда и 430 туда. Федеральная трасса М-52. На трассе главное, набрав лёту, не встрять в городишко, не увязнуть, не влипнуть в светофоры и пробки, в повороты по узким улочкам. Поэтому все проезжают Мариинск по объездной: по пути из Кемерова сворачиваешь на-

лево после острогообразной стелы с надписью «Мариинск». Большие красные буквы. Сам острог огромный, рубленый. На галерее пушка, а перед воротами в башню деревянная крашеная фигура: казак с пищалью и саблей на поясе.
...Есть на Руси земли, особо богатые на таланты. Рассказ наш о Кузбассе, но пойдем мы туда через Алтай, из сибирских регионов, пожалуй, первый по чис-

лу даровитых чад. Изобретатели Иван Ползунов, Михаил Калашников, космонавт Герман Титов. Актеры Пырьев, Усатова, Панкратов-Черный, Золотухин, Евдокимов. Воистину народный музыкант и собиратель Русского мира трагически погибший Василий Вялков. Поэты Владимир Башунов, Иван Жданов и Александр Еременко... Наверняка забыл кого-то... Да! Писатель Георгий Гребенщиков.

Но есть имя, особенно дорогое для русского сердца: это Василий Макарович Шукшин. Никто так не притягивает ярких и близких по духу людей, не пересекает их судьбы, связывая навсегда. Вроде бы известное дело, а жизнь нет-нет да и порадует новым подтверждением, дорожным узлом посреди бескрайней Сибири.

«Ярманка» – ансамбль народной песни, созданный Василием Вялковым. Мы и ехали на двадцатилетие «Ярманки» в Турочак, а по пути не могли не заглянуть в Сростки. Директор Шукшинского музея Лидия Александровна Чуднова доложила, что здесь только что был Юрий Михайлов из Мариинска: «Ка-ак? Вы не знаете Михайлова? Музей бересты! Он тоже в Турочак поехал. Там и встретитесь». Двинули дальше, а жена тем временем выудила из телефона и зачитала: «Юрий Михайлович Михайлов. Почетный гражданин г. Мариинска. Родился 19 мая 1951 года в Мариинске. После окончания средней школы трудился на судостроительном заводе в Красноярске, а вечерами занимался в художественной школе им. Сурикова. Он серьезно увлекся живописью и графикой. После службы в армии Ю.М. Михайлов возвратился в родной город. Он стоял у истоков открытия детской художественной школы и был в ней одним из первых преподавателей. Юрий Михайлович претворил в жизнь ряд интересных художественных проектов по оформлению городского краеведческого музея и музея им. Чивилихина. Он является авто-

Юрий
Михайлович
Михайлов
возле стелы
«Мариинск»
рядом с фигурой
казака, которого
жители
Мариинска
тоже зовут
Михалычем

ром герба г. Мариинска. В 1974 году Юрий Михайлович увлекся изготовлением берестяных туесов. Его изделия из бересты экспонировались на выставках Москвы, Санкт-Петербурга, Сочи и других городов нашей страны. Он участник фестивалей в Индии, Испании, США, Германии. Ю.М. Михайлову присвоено высокое звание «народный мастер РСФСР». Именно Юрий Михайлович является одним из основателей берестяного промысла Кузбасса. В 1998 году Ю.М. Михайлов становится «Почетным гражданином г. Мариинска». В 1987 году Ю.М. Михайлову присвоено звание «народный мастер России», в 2008 году он стал лауреатом премии Правительства Российской Федерации «Душа России». Является активным участником художественной самодеятельности. Был организатором и руководителем ансамбля «Казачий строй». Один из активнейших казаков Мариинского казачьего округа. В январе 2013 года Юрию Михайловичу присвоено звание есаул».

Почетный гражданин оказался веселым, невысокого роста мужиком, чуть прихрамывающим из-за больной коленки. Лицо характерное, знакомое, открытое. Усатое, лобастое. Повадка компанейская, с шуткой, и сразу на «ты». Энергия теплая – и разгульная, и созидательная одновременно. И мудрая: главная черта Михайлова – чувство смежности всех дел.

Бывает, забурится человек в свое ремесло. Завязнет, застянет в нем, как топор в витой листвянной чурке, и не взвидит ни мира окрестного, ни людей. Профессионал сугубейший, нет ему дела до других и говорить не может ни о чем, кроме своего. С такими поначалу интересно, восхищенно, а потом тесно. Людей мерит только собой, кто не в его лодке – черная кость. С такими неловко в компании – замкнут, наэлектризован: собственное знание томит, колет. И все стараешься уважить, спросить наконец про это «свое», чтоб не молчал, не

Михайлов
с другом
у памятника
В.М. Шукшину
в Сростках

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Татьяна и Юрий
Михайловы
на берегу Бии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ждал момента вставить слово, потянувшись на себя теплое одеяло застолья.

Теперь другая крайность. Считается, что если человек и швец, и жнец, и в дуду игрец, то это верхогляд какой-то и суэтун. Однако жизнь показывает, что способность проявиться в разных областях – как раз и есть знак Божьего дара. С детства сидит в человеке драгоценное яドрыш-

ко таланта. Оно еще не выбрало стезю применения и готово с трепетом перелиться в любую долю прекрасного – да больно жизнь коротка. Это про Михайлова. И еще: для него братья – все собиратели Русского мира, независимо от того, кто ты – писатель, промысловик, художник, музыкант. Ну а песня – как объединяющая сила. Михайлов из тех, про которых в народе говорят: «Он наш». Песенник, балаир, то и дело сыпет поговорками и побасками. Тогда в Турочаке кто-то из гостей вылез было, что старинная песня, которую они спели с женой Татьяной, похожа на какую-то современную. «Похожа... – возмутился Михалыч, – свиння на ёжа. – И добавил весело: – Кабан на быка, да шерсть не така». Посреди застолья он вдруг с жаром кому-то парировал: «Что значит трудно? Это же

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

та-ко-е счастье заниматься любимым делом!» Жена Михайлова, Татьяна, профессиональная певица. «Как познакомились с Вялковым? На Шукшинских. На Пикете на траве прямо сидит парень с гармошкой и поет ча-стушки. Я тоже запел с ним». Через полчаса они стали друзьями на всю жизнь.

Пикет – это холм в Сростках, на котором Шукшин любил сидеть и глядеть вдали. На этой горе происходит заключительная часть Шукшинского фестиваля. Там же стоит памятник Василию Макаровичу работы Вячеслава Клыкова. Босые ступни затерты людскими ладонями до золотого блеска. Сколько таких ладоней породнилось через дорогие эти стопы! Так вот и мы познакомились с Михайлами на Алтайской Шукшинской земле.

И кроме знакомства с ярким человеком порадовала давняя мечта – наконец располовинить дорогу Барнаул – Красноярск, особенно утомительную зимою: раз в снегопад попал в много-верстную пробку из четырехсот почти фур на Кемеровских лесных увалах. «Михальч, а что если я к тебе заеду по пути? С ночевой?» – «Да заезжай – какой разговор!»

ФИГУРЫ СТАРОГО ГОРОДА

Мариинск после Новокузнецка самый старый в Кузбассе город. Стоит на берегу Кии, притока Чулыма. Русское село Кийское основано в 1698 году, до этого там жили чулымские татары. Стояло на Московском тракте. Городом стало в 1856 году и было переименовано в 1857 году в Мариинск в честь императрицы Марии Александровны. Облик города создавался купеческими домами и магазинами, многие из которых, к счастью, сохранились.

Подъезжаю к Мариинску со стороны Кемерова. Вижу знакомую стелу-острог на въезде. На сторожевой башне – икона Казанской Богородицы. Отхожу в осеннее поле сделать фотографию сквозь золотые колосья, косо, ярко и густо освещенные солнцем. Перед острогом фигура казака, которого все зовут Михальчом – в честь автора города, Юрия Михайлова. Рядом шумит федеральная трасса, связывающая всю страну.

В Мариинск въезжаю в сумерках. Михальч встречает на улице в папахе, сапогах и шароварах с лампасами. У него были гости – праздник песни. Михальч весь еще полон встречей: «пошли-пошли!» Подходим

Вид стелы сквозь колосья. В 2016 году стела пострадала от урагана и была восстановлена

к дому. Здание – бывший клуб. Здоровенный. Перед дверью лафет. Тут же маленькая собачонка вся заходится от лая. Стены музея увешаны шашками, картинами, предметами быта. Здесь же гостиная. И живут здесь же. На картинах – казаки. То несущиеся на конях, то сидящие крепко в седле, то привставшие. Особенно вдохновляет Михальчу передача движения – копыта, оскаленная конская морда, казак и замах шашки – искренность могучего тела, слившегося с конем. Смотрим альбомы с эскизами. Собачонка лазет, Михальч хватает ее, она подставляет пузо, Михальч чешет, приговаривает: «Чесаки-пузыки». Потом вскакивает, хватает шашку и, прихрамывая, начинает показывать фланкировку. Рассказывает, как школьники приходят на экскурсии... Потом берет гармошку. Поет. Как-то легко, ненатужно.

Отдает гармошку Алексею, сыну Татьяны, тоже музыканту, и оба поют про кулачные бои. Песня озорная. Михальч ухитряется одновременно комментировать: изображает, как «задирается» парень. Шепотом и подмигивая, будто в скобках, говорит: «Задирается, смотри, задирается!» Когда песня кончилась, рассказывает, как зашедшая через скобки далеко битва моментально прекращается по команде старшего, бойцы-кулачники братаются... И Михальч с гордостью говорит: «Вот именно поэтому русские солдаты такие храбрые были!»

У Михальчика и мастеровой дар, и музыкальный, и педагогический, и форму чувствует – художник, скульптор и архитектор. Но и это ничего бы не значило, если бы не широкая, приветливая и веселая душа, понимающая жизнь, от прибаутки до глубины самой слезной. Михальч сидел-сидел у себя в мастерской, работал над скульптурой, а потом вдруг отложил инструмент: «Знаешь, Мишка, что-то я так вчера по матушке своей заструстил... Что аж...» И только крякнул и глаза вытер.

Ночь. Засыпаю. Шашки, самовары лучат тихий таинственный свой свет. С утра с Михалычом и Татьяной едем по купеческому двухэтажному Мариинску. Смотрим наличники.

— У нас тут программа такая, долголетняя, называется «Деревянные персонажи старого города». Отец и сын плотники, вот... сын смотрит, как отец рубит. Еще есть памятник... Картошке. Ну да — картошке.

Оказывается, в 1942 году жители Мариинска собрали 1331 центнер картофеля с гектара — это мировой рекорд. Памятник открыли в 2008 году, в год, объявленный ООН Годом картофеля. Администрацией Мариинского района был объявлен конкурс, на который прислали более полутора образцов. Победил народный умелец, берестяник, художник Михайлов. Еще скульптуры. Фигура Николая Чудотворца, покровителя города. Фонарщик. В руке спички. В ногах бутыль с керосином. Смотрит на небо — не пора зажигать? Купец, купчиха и офицер казачий. У каждого из персонажей свое выражение. Казачий офицер с явным интересом смотрит на купчиху, купчиха скромно держит собачку, а сам купчина в какой-то своей хитрой мечтательности скосил глаза совсем в другую сторону. О чем он задумался? О прибыли в своей лавке? О том, что, мол, все видят: «Думаете, не замечаю... Щ-щ-щас. И смеяться то мне, а не вам...»

Фигура городового. «А будут и пожарные, и гимназистки, и каторжники, — говорит Михалыч, — Сибирский тракт шел по городу».

Михалыч свое балагурство тоже хочет воплотить в фигурах. Рассказывал, как задумал сделать извозчика: «Бывало, зимой ждет извозчик седока, а того нет и нет... А морозяка. Бывало, стопочку примет. Потом еще одну... В общем, бывало, и напьется. И вот я придумал такую скульптуру: сидит извозчик в санях, в тулупе, только что проснулся. И две оглобли лежат: пока спал,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Мариинский
фонарщик

лошадь увела! — и добавляет: — Не все ж серьезными быть!» Вид деревянных фигур посреди асфальта, машин и суеты не то что инородный — беззащитный. За них и боязно, и гордо. Вроде бы стоять им на ярмарке или в подобном месте — душе бы спокойней было. Но для Михайлова эти фигуры — поступок. И стоят они там, где... жарко.

КАЖДЫЙ СВЕРЧОК...

Выехали на трассу: по правую руку мемориал жертв Сиблага, возведенный по решению властей Кузбасса совместно с Кемеровской епархией Русской православной церкви. Проект подготовил Юрий Михайлов — все, кроме часовни. Сигнальный рельс, узкоколейка с тачкой, расстрельная стена. Михалыч ударил по рельсу, и понесся звон... Еще здесь за сохла береза, будто не выдержавшая пережитого. Михалыч не разрешил ее валить, и она так и стоит страшной памятью, ощерившись угловатыми мелкими сучочками, как скрюченными черными пальцами. С березами у Михалыча своя старая история.

А на обратном пути зашли в музей бересты — он через дорогу на той же улице, где музей-жилье Михайлова. Береста — удивительная стихия, глыбью веков от нее веет. Материал удивительно прочный, каменный, при всей вроде бы временной гибкости и даже эластичности в сыром и особенно вываренном виде. Да и процесс изготовления туеса — целый ритуал. А уж снятие сколотня — священное действие. Многим нынче даже это слово незнакомо, и мало кто знает, как получают сколотень, то есть берестяную трубу — основу для туеса

Николай
Чудотворец —
покровитель
Мариинска

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

(см.: «Русский мир.ru» №2 за 2014 год, статья «Уголок русского мастера». – Прим. ред.). Дело происходит в начале лета, в пору окончания сокодвижения. Эх, до чего мощно дерево тянет влагу, готовясь к росту! Нам бы с такой силой и верностью питаться соками родной земли! Ищут березу с гладкой кожей, валят аккуратно, оставляя на щепе, чтобы была на весу. Выбирают кусок чистой ровной бересты, надрезают его границы ножом, справа и слева очищают от коры, обнажают два круговых поля, потом рябино-вым заточенным роженьком, как шампуром, начинают подсачивать шкуру. Загоняют шампур меж мокрой от сока древесиной и березовой шкурой. Подсачивают по всему кругу с обеих сторон – а потом, ухватив руками и прижав подбородком – срывают-проворачивают сколотень! Михалыч меня поправляет: у них чистое поле для подсочки зачищают с одной стороны, с другой – просто надрез.

Потрясают картины из старой бересты, нарощей на месте снятого пласта. Вид вроде бы неопрятный у бересты с березы, залечившей рану... Но, будучи забранной в рамку, такая береста открывается небывалым образом, таинственными очертаниями, в которых пыта-

ливое сердце откроет целые миры. Это сродни морозным рисункам на зимнем окне.

– Это ты придумал?

– Ну, нет. Вообще, это для тех, кто видит, – отвечает Михалыч. – Хотя это уже не традиция. Это современное...

– Ну а кто придумал-то?

– Художники. Это как туес белой стороной наружу. Крестьянин так не делал – пачкает белым. А художники могут.

– Как ты все успеваешь?

– А я – лентяй... Никуда не тороплюсь и все успеваю.

– Михалыч, ну... расскажи еще.

– Меня Господь сподобил познать мир через уважение к мастерам. Была последняя выставка при Союзе. 87-й год. Выставка мастеров-народников из пятнадцати республик. На ВДНХ. Монреальский павильон. А мы только-только с Валеркой (другом Михайло-

В Сростках
у тети Ксюши,
знакомой.

Спевка

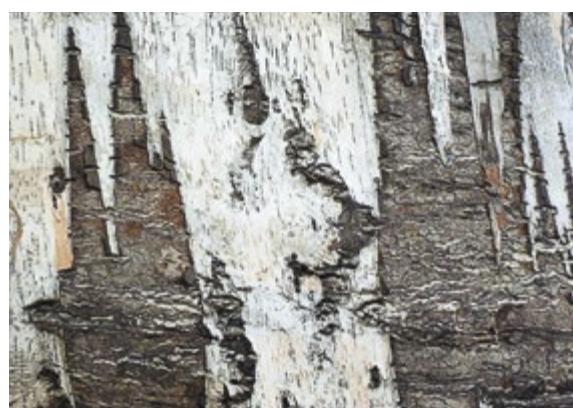
Берестяные
знаки

ва. – Прим. авт.) начали становиться звездами в бересте. Ой! Как нас Москва принимала! Одна выставка за другой. Газеты печатают, «Советская культура», «Известия»... Фотографии. Мы только начали души разворачивать, и вдруг ба – эта выставка. И мы по ней пошли... Иду по коридорам... и работы-работы-работы! Кузнецы, чеканщики. Седла, стремена, керамика, кожа, резьба по дереву... И я себя поймал на ощущении, что я не иду, до того впечатлен был народным искусством! А народное – это же самое настоящее, это от сердца. И я почувствовал, что набекрень, – показывает с силой рукой, – набекрень вот так лечу, и аж испугался... И я сказал – стоп, Юра, стоп. Не такая уж ты и звезда. Есть и посильнее. Посмотри, их сколько – им несть числа... И я вот это понял и успокоился, и меня никто не может укорить, что я такой чванливый, нос задрал. Я сел и притих.

Опять же возвращаясь к пословицам и поговоркам – их нужно преподавать в школах! – не в свои сани не садись, каждый сверчок знай свой шесток. И я свой шесток знаю. Но и отвечаю на него. И если мне искусствовед предъявит критику, мол, у вас здесь не так что-то, я смогу ему ответить – да, у меня здесь не так, а вот так, потому-то и потому-то. И я это сделал сознательно.

– Про казачье расскажи.

– Вообще, я родился в Мариинске, а работал в Красноярске... А «Тихий Дон» был настольной книгой и до сих пор моя любимая книга. Я стал рисовать казаков, стал изучать анатомию лошадей, изучать оружие, то есть научился грамотно и профессионально рисовать казаков... Если что-то изображаешь, нужно изображать честно, без вещей придуманных. Например, если казаки носили винтовку на правое плечо стволом, то это только казаки. Все остальные – охотники, кавалеристы – на левое...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Может, это и суть моя. Как в той песне про Мариинск. «В этом городе мне жить нра-а-авится» (песня, которую Михалыч сочинил. – Прим. авт.). Это суть моя, отношение к родине. Меня звали, – Михалыч махнул куда-то вдаль на запад рукой, – обещали четырехкомнатную квартиру и прочее, серьезное предложение было. Но я никуда не хочу уезжать. И меня печалит очень, когда дети называют этот город унылым болотом и хотят «хотя бы в Кемерово», а лучше в Новосибирск. А лучше в Москву или даже за границу. А мой друг, режиссер нашего театра «Желтое окошко», маленького, камерного и очень сильного... Петька... Привез из Питера Гран-при «Золотого Арлекина». Обошел Театр Олега Табакова и других. И второй раз – чпок! И его в сторонку отозвали и сказали: «Петь, ты это... давай мы тебе дадим первую премию, а то если опять Гран-при, то нас никто не поймет...» Он сказал: «Давайте». Болото – это когда у вас в сердцах болото. Тогда вам любой город – и Чикаго, и Лондон, и Москва – будет болотом. А если сердце у вас горячее и трепетное, тогда любое болото для вас будет родиной – милой, добродушной и щедрой. И я ребятишкам хочу показать, не какой я талантливый, а как можно интересно жить на свете – в маленьком городке. Можно знать о казачестве, о природе, о животных, о скульптуре, знать, как называются разные горшки-вазы... О всем знать. В одном городе жить, а весь мир в кармане. И что миров вокруг – сотни! Вы не думайте, что телевизор это ваш мир, или вот кухня с каешей. Нет. Есть мир жуков-бабочек. Мир палеонтологии, искусства, поэзии, музыки... море всего! Ты в этот мир окунайся! Ты положил лист бумаги перед собой, и все, погружайся. И они уходят с горящими глазами и удивленные, что, оказывается, можно в Мариинске так интересно жить!

И казаков всегда можно было узнать по силуэту. На фоне вечернего неба выскоцил всадник. Темно, не видно ничего, ни погонов, ни лампасов, но винтовка – на правом плече. Это казак. А корней у меня нет казацких! Мама моя из-под Смоленска, отец – сибиряк, из чалдонов...

– У нас на Енисее не говорят «чалдоны»...
– Ну, вообще, чалдонами называют русских, давно живущих в Сибири, уже потерявших корни где-то тут...
– Вроде нас, что ли?
– Навроде.

ПОРЯДОК В СЕРДЦЕ

Михалыч усмехнулся. Задумался. Потом заговорил негромко:
– Знаешь, Мишка, у меня с определенного времени появилось стойкое ощущение, что я все знаю в мире. Это не гордыня. Это ощущение, что я это все когда-то прожил... Я не перестал удивляться – рисунку ребенка. Цветку. Шмелю... Но я перестал удивляться: «Как? Этого не может быть!» Нет... Мне скажут: «Тарелка летит». А я: «Может, и летит». Стал маленько меланхолично-спокойный, со стороны гляжу: и всему дивлюсь, но и готов ко всему. Такой порядок в сердце...

Михайлов
в летней
мастерской

Мариинские
мастера –
основатели
берестяной
школы Кузбасса.
Фигуры в работе

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

тов он предлагал городу и области. Как помогал Тулеев с острогом и мемориалом, как при встрече всегда подходит, здоровается. Как спросил: «Как у вас дела?» И Михалыч ответил: «Хорошо. А у вас как?» И тот ответил: «Тоже хорошо!» И оба расхохотались, потому что у Тулеева так никто не спрашивал. И про то, как стелу-острог летом 2016 года свалило ураганом, Михалыч призвал ребят, которые ее возводили, и те за полторы недели восстановили.

А раз ехали с детьми из Красноярска и заночевали у Михайлова в музее. Утром он гармошкой детишек разбудил, и они не кинули, а, проснувшись, глядели смущенно и очарованно. В тот день мы к динозаврам поехали. В поселке Шестаково есть по-над Кией Шестаковский яр. В его основании в 1953 году геолог Александр Моссаковский нашел скелет небольшого динозавра – пситтакозавра, жившего в раннем меловом периоде. Тут куча ученых побывала, идут раскопки. Михайлов и здесь умудрился отметиться – сделал памятник динозавру.

Детишки посмотрели и памятник, и фигуру динозавра в здании музея. Потом вернулись в Мариинск. Вечером Михалыч с Татьяной пели. Бессмысленно описывать пение. Юра ведет,

и вроде бы на первом плане, а Татьяна вроде бы на втором. Вроде бы ее – школа и музыкальность, а его – вольность дара. Но как Михалыч слушает Татьяну, как буквально купается, омывается в чудном и отточенном ее голосе! С какой любовью смотрит ей в глаза... «Как я люблю с Танюшкой петь!»

РОДСТВО РЕМЕСЕЛ

Что хочется сказать? В некотором царстве, в некотором государстве по имени Сибирь жил-был человек. И я там был, мед-пиво пил... И столько узнал...

Когда человек постигает родство ремесел, открывает, что все искусства одинаково устроены, дело только в решимости и во времени, отпущенном на жизнь. Поэтому к ее концу понимание и навык совершенствуются в немыслимой какой-то

Шестаковский
динозавр работы
Михайлова

Резные туеса

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

прогрессии и обратно пропорциональны остатку дней. Конечно, отпустил бы любому Господь триста лет, мгновенно бы снизил ход, расслабился. Но только не Михалыч – он и так спокоен. Какое же все-таки чудо в постижении всего созидательного. И ведь главное – во чью славу? Если себя любимого – одно дело. А если во славу близких, земли родной да Бога – то совсем другое. Поэтому каждый решает: в одну тропу-траншею зарезаться или ровным фронтом двигаться и созидать поле, фронт памяти, не поддаваясь гордыне – знай сверчок свой шесток. И я там был. Мед-пиво пил.

Так и просится сказочный урок: и с тех пор... Что с тех пор? Не объезжаю городов по объездным?

Сколько городов и людей объезжаем мы по объездным, не подозревая, что каждый день кто-то учит наших детей быть русскими. Да пусть так и живет, сидит на месте, никуда не движется, не шелохнется, не пойдет, где ярче, веселей да интересней.

Сделают ли свое дело эти отдельные фигуры? Да делают уже. А если эти фигуры такие беззащитные и разрозненные на улице, то как долгожданно это разрозненное соединяется в единый объем в огромном доме-музее Михайлова! Этот музей – такой же, как музей старообрядческой культуры в Горном Алтае, в Уймоне, у Раисы Павловны Кучугановой. Это музеи не экспонатов, а духовных обычаев сильных людей, которые собирают вроде утюги да горшки, да не ведают, что главные – теплые, живые, трепетные экспонаты – это они сами. Бог им в помощь!

Скажут, что таких, как Михалыч, мало, что они на фоне объявившей Россию чужеродной волны – как отдельные фигуры посреди пыльного асфальта и ярких времененных вывесок. Но если даже и мало – то Шукшин то видит! И радуется. Тем более что фигура фигуре рознь, а фонарщиков никогда много и не было. ■

ТЕРРА ИНКОГНИТА В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТОГО НАРОДА ВЫДВИНУТО БОЛЕЕ ДВУХ ДЕСЯТКОВ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ. КТО СЧИТАЕТ ГАГАУЗОВ ПОТОМКАМИ МАЛОАЗИЙСКИХ ТУРОК, ПРИНЯВШИХ ПРАВОСЛАВИЕ, КТО – БОЛГАРАМИ, ПЕРЕНЯВШИМИ ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРУ В ПЕРИОД ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ.

НУ А СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ И МОЛДАВСКИЕ УЧЕНЫЕ ВСЕ ЧАЩЕ СХОДЯТСЯ В ТОМ, ЧТО ГАГАУЗЫ – ЭТО САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЭТНОС, ПРЕДКАМИ КОТОРОГО БЫЛИ ПЕЧЕНЕГИ, ПОЛОВЦЫ И УЗЫ (ГУЗЫ), ОСЕДАВШИЕ НА БАЛКАНАХ С X ВЕКА. СЕГОДНЯ В МИРЕ НАСЧИТЫВАЕТСЯ 250 ТЫСЯЧ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ ИЗ НИХ ЖИВУТ НА ЮГЕ МОЛДАВИИ, НА ТЕРРИТОРИИ ГАГАУЗСКОЙ АВТОНОМИИ – ЕДИНСТВЕННОГО В МИРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЭТОГО НАРОДА.

ЧЕМ ДАЛЬШЕ К ЮГУ от Кишинева, тем менее крутыми становятся спуски-подъемы на дороге. За городком Чимишлия начинается жаркая Буджакская степь. По-турецки «буджак» означает «угол». Первые переселенцы с Балкан осели здесь еще в XVI веке, именно тогда появилось село Чадыр, впоследствии ставшее городом Чадыр-Лунга.

Это второй по величине город современной Гагаузской автономии. Первый – ее столица, Комрат, основанный в 1789 году. Два этих города – как Москва и Петербург в местных масштабах. Между ними вечное соперничество. Комрат считается богаче, Чадыр-Лунга – интеллигентнее. После образования Гагауз-Ери (Гагаузская Земля, Гагаузия – автономное территориальное

образование на юге Молдавии. – Прим. ред.) в 1994 году Чадыр-Лунга даже претендовала на звание столицы. Но на референдуме жители региона проголосовали все-таки за Комрат. Третий город автономии – Вулканешты. Он знаменит тем, что 21 июля 1770 года недалеко от него произошло одно из самых известных сражений в истории Российской армии – битва на реке Кагул. Русская армия под командованием графа Петра Румянцева, насчитывавшая немногим более 30 тысяч бойцов, разгромила и обратила в бегство 150-тысячную армию великого визиря Халил-паши и 80-тысячное войско крымских татар. В битве при Кагуле отличились будущий герой Отечественной войны 1812 года Михаил Кутузов и граф Семен Воронцов, отец будущего новороссийского и бессарабского генерал-губернатора Михаила Воронцова (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2015 год, статья «Полу-государь». – Прим. ред.). Между прочим, именно Михаил Семенович Воронцов предложил установить памятник в честь победы Русской армии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

После жаркого летнего дня можно выпить стакан домашнего вина из прохладного подвала

на реке Кагул. И в 1849 году в выцветшее от зноя небо над Буджакской степью воткнулась 22-метровая стела, увенчанная чугунным крестом и полумесечьем. Ее изображение стало основным элементом герба города Вулканешты, над которым, кстати, в день торжественного открытия монумента, 13 сентября 1849 года, прогремел первый в здешних местах салют. По Бухарестскому мирному договору 1812 года пока еще село Вулканешты вошло в Российскую империю в составе Бессарабии. Тогда же стали российскими Комрат и Чадыр-Лунга. И для гагаузов началась совсем другая история, стартовавшая с массовым их переездом в Буджакскую степь.

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РОССИЯ!»

От Кишинева до Комрата всего час езды. Но, несмотря на похожесть домиков в пригородных селах, одинаковые ряды виноградников вдоль дорог, близняшек-овечек, пощипыва-

ющих травку в долинах, различа есть: вот тут еще не Гагаузия, а здесь уже она – чувствуется сразу. Молдавские названия сел сменяются тюркскими – Чок-Майдан, Дезгиняка, Буджак. У обочины мирно пасется пара осликов, а на придорожных магазинах появляются вывески на русском языке, что сегодня редкость даже в Кишиневе. В отличие от остальной Молдавии в Гагауз-Ери аж три официальных языка – гагаузский, русский и молдавский.

К России в Гагаузии отношение особое. Доктор истории Иван Грек связывает это с тем, что именно в период Российской империи гагаузы ощутили свою национальную идентичность, получили возможность компактного проживания, развития традиций, культуры и языка, что на исходе XX века привело к созданию автономии. Теперь здесь есть свой президент (башкан), свой парламент (Народное собрание), своя конституция («Уложение») и законодательство. «Важно еще то, – говорит Иван Грек, – что в свое время Россия спасла православных гагаузов от преследования турками на Балканах, а в советский период у гагаузов появилась письменность». В 1957 году указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР был утвержден гагаузский алфавит на основе кириллицы. Было в нем 37 букв. В 1996 году гагаузы перешли на латиницу. На основе этой графики язык изучают в школах, издают газеты и книги. Правда, русский здесь используют чаще и больше. Из 30 лицеев автономии только в двух ведется преподавание на молдавском языке и ни в одном – на гагаузском. Свое отношение к России гагаузы высказали и на консультативном референдуме в феврале 2014 года. Тогда свыше 96 процентов граждан проголосовали за восточный вектор развития Молдавии и ее вступление в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана.

БЕШАЛМА – ПЯТЬ ЯБЛОНЬ

Делюсь секретом: дверь в тюркский мир открывается одной фразой. Звучит она так: «Ким бурда чорба-джи?», что означает дословно: «Кто варит чорбу?» или «Кто в доме хозяин?» Скажете вы ее турку, казаху, азербайджанцу, киргизу – и вас сразу признают за «своего» и зауважают. Сама неоднократно провевряла. А научили меня этой фразе в самом гагаузском из всех сел автономии (не столько по составу жителей, сколько по духу) – Бешалме. Древняя легенда гласит, что гагаузы, добравшись до этих мест, остановились отдохнуть в тени пяти растущих рядом яблонь, которые, вероятно, остались от прежних владельцев земли. И так гагаузам здесь понравилось, что они решили никуда дальше не идти. Построенное здесь село они так и назвали «Пять яблонь» – «Беш алма».

Село знаменито своей деревянной мельницей, которая стоит здесь полтора века и до сих пор находится в рабочем состоянии. Но самое главное, здесь есть первый в мире музей гагаузского народа. Создал его первый профессиональный гагаузский писатель, выпускник Литературного института имени М. Горького Дмитрий Карабобан. Он был талантливым поэтом, художником и кинематографистом. Гагаузия была его родиной, его музой, его страстью. Он родился и практически всю жизнь прожил в Бешалме. Он был одержим идеей «застолбить» духовное наследие своего народа, создать музей истории гагаузов. Ездил по селам, собирая артефакты, записывал фольклорные песни, снимал на фото и видеокамеру гагаузские обряды, на свои деньги создавал документальные фильмы. Его дети – сын Афанасий и дочь Людмила – рассказывали, что семья жила скромно, ведь все отцовские гонорары за книги и публикации в журналах уходили на пополнение музейной коллекции. Долгое время все ее экспонаты хранились у Карабобана дома.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Старая мельница в селе Бешалма

Чиновники и партийные деятели учудали в идее создания музея истории народа душок национализма и ни в какую не хотели наделить коллекцию официальным статусом. Но они просчитались. Бывшие сотрудники старого, советского еще Министерства культуры республики помнят, как еженедельно в Кишинев приезжал из Бешалмы Дмитрий Карабобан с двумя большими баулами. Он доставал оттуда новые экспонаты коллекции и раскладывал в фoyе министерства. А потом ловил за рукав каждого проходящего мимо сотрудника ведомства или посетителя и начинал показывать свои сокровища и рассказывать о необходимости музея. В конце концов он победил чиновничье «как-бы-

чего-не-вышло». Музей открылся в Бешалме в 1966 году, и в течение двух десятков лет Карабобан выполнял в нем функции директора, фотографа, оператора, скульптора, художника, научного и музейного работника.

В 1986 году в семье Карабобан случилось горе: скоропостижно скончалась супруга Дмитрия Николаевича Зинаида. На следующий день он приехал в Кишинев, пришел на железнодорожный вокзал и бросился под поезд.

После смерти отца музейной работой занялся Афанасий Карабобан, а когда он уехал в Турцию преподавать в Стамбульском университете, эстафету приняла дочь Дмитрия Николаевича Людмила Марин.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Артисты гагаузского ансамбля песни и танца «Дюз ава» пожелали сфотографироваться с флагом автономии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПИСЬМА ИЗ БРАЗИЛИИ

Много лет назад друг юности, кишиневский фотохудожник и литератор Иван Таукчи, показал мне старую семейную фотографию. Женщина средних лет в крестьянской гагаузской одежде, с монистами на шее, ее муж и дети напряженно смотрят в фотокамеру. Над их головами безоблачное небо и высокие пальмы. «Это бабушка и дедушка в Бразилии, – пояснил Ваня, – на строительстве дороги». Помню, как я была поражена и фотографией, и пояснением к ней.

Подобных снимков в бешалминском музее множество. А еще есть письма земляков из Бразилии, Аргентины. На пожелавших от времени страницах выцветшими чернилами рассыпаны вопросы о здоровье и урожае, имена родственников и знакомых, которым нужно передать приветы, короткие рассказы о себе и снова вопросы, приветы, пожелания. Страницы ветхие, края потрепанные. Видно, что письма читали и перечитывали несчетное количество раз, передавали из рук в руки. Эти письма писали гагаузы, отправивши-

еся в 1920–1930-е годы прошлого века на заработки в Аргентину и Бразилию. Почему именно туда? Да потому, что тогда в Румынии (а с 1918 до 1940 года Молдавия вместе с Гагаузией находилась в ее составе. – Прим. авт.) приезжали десятки агентов, заманивавших местных жителей, уставших от нищеты и разрухи, на работу в эти страны. Многие гагаузы так там и остались. Самая большая их диаспора проживает сегодня в Сан-Паулу.

Среди тех, кто остался в Бразилии, и родственники доктора биологии Ивана Кыссы. В Бразилию уехали его бабушка с дедушкой. Не выдержав рабского труда на кофейных плантациях, бабушка вместе с родственниками решила вернуться. А дедушкина родня не хотела. И тогда, рассказывает Иван Кысса, дедушка отправил жену на родину, пообещав приехать через год. Все это время он копил деньги на обратный билет, купил его у каких-то аферистов, но когда приехал в порт, парохода там не оказалось. Потерявший все свои сбережения дед начал зарабатывать на новый билет. Но не успел:

Памятники
Ленину
сохранились
во всех городах
автономии.
Центр Комраты

в 1940-м, когда Молдавия вошла в состав СССР, границы закрыли, потом война... Через тридцать лет бабушке передали документы о разводе.

Несколько лет назад Иван Кысса вместе с писателем и журналистом Степаном Булгаром снял фильм о земляках, оставшихся за океаном, и их потомках.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

Однажды, возвращаясь из командировки, мы остановились перекусить в небольшом кафе на окраине Комраты. В это время там спрашивали чей-то день рождения. Новых посетителей немедленно пригласили за общий стол, перезнакомили со всеми родственниками, начали угождать традиционными гагаузскими блюдами – каурмой (блюдо из баранины), кывырмой (пирог с творогом наподобие болгарской баницы), гёзельме (закрытый пирог из тонкого теста с начинкой) и прочими вкусностями. Подливали вино – душистое, терпкое, темно-красное, оставляющее на дне бокала багровый след. Танцевали до упаду молдавскую хору и гагаузскую кадынжу. В какой-то момент я плюхнулась на стул, чтобы перевести дух. Ко мне тут же подскочила девушка лет восемнадцати, поцеловала мне руку и убежала в танцевальный круг, оставив меня в полном недоумении. Только потом друзья мне объяснили, что таким образом она выказала мне уважение. В Гагаузии принято целовать руку уважаемым людям, старшим по возрасту, вне зависимости от того, мужчина это или женщина.

Гагаузские обычаи патриархальны. Старших здесь уважают и почитают. Но если на узком мостике встретятся восьмилетний мальчик и старенькая бабушка, то уступает дорогу именно она, причем останавливается заранее, едва увидев встречного пешехода, рассказывает уроженец города Чадыр-Лунга писатель Сергей Узун.

Главный человек в доме – отец, продолжает Узун. Он остается главой семьи, даже если его взрослый ребенок уже женат и

молодые живут с родителями. До тех пор, пока сын не принесет домой первую зарплату. Вот тогда в воздухе что-то меняется. Нет, с отцом все по-прежнему разговаривают уважительно и стараются выполнять его желания, но ответственность за принятие решения и за всю семью ложится уже на сына. Даже отец начинает его слушаться.

Конечно, в последние годы, когда весь мир стремительно меняется, Гагаузия не отстает. Многие патриархальные традиции остаются в прошлом. Показательный пример: в 2015 году автономию впервые возглавила женщина – Ирина Влах. В период избирательной кампании конкуренцию ей составляли одни мужчины. И у многих были сомнения, что женщина их победит – ну не погагаузски это как-то. Но скептики ошиблись. А Ирина Влах, заняв кресло башкана, старается помимо прочего возродить старые гагаузские обряды.

ПРО ШАМАНОВ И ВОЛКОВ

В прежние времена чуть ли не любое действие и не каждый день гагаузов были связаны с обрядами. Сегодня все упростились, однако дань традиции все же отдается. Ну, например, в Бешалме невеста подметает пол на собственной свадьбе, демонстрируя свою чистоплотность и готовность к ведению домашнего хозяйства. А в селе Авдарма роженицу одаривают немыслимым количеством шоколадных конфет, чтобы жизнь ребеночка была сладкой. На Касым (это большой праздник, связанный с завершением сельскохозяйственного сезона) обязательно готовят каурму, а в первый день нового года крестники приходят в гости к крёстным. В Рождество колядуют, совсем как в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», а вот на второй день Рождества в некоторых селах традиционно едят жаркое из воробьев – чтобы «приобрести быстроту и легкость, как у этих птичек». В ноябре несколько дней нельзя заниматься рукоделием, вообще использовать острые и

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Софы, низенький столик для еды, есть во многих гагаузских домах

колющие предметы. Это Волчьи дни. В древности волк был тотемным животным гагаузов, а сегодня он изображен на флаге автономии. Обычай его почитать уходит корнями в далекое прошлое. Существует поверье, что человек, который носит одежду, изготовленную в Волчьи дни, рано или поздно станет жертвой серых хищников. Правда, откупиться от них можно. В любом селе вам расскажут о земляке, который, встретившись в степи с волками, не растерялся, быстро скинул с себя жилет-рубаху-кафтан, бросил его в стаю и убежал. Еще в некоторых селах проводят языческий обряд вызывания дождя – Пипируду. Для этого женщины делают из глины куклу по имени Герги. Кладут ее в деревянный гробик, украшают цветами и лентами и выбирают для «покойника» «невесту» из числа местных девочек-подростков. Это и есть Пипируда. В ее задачу входит всенощное бдение с оплакиванием «жениха». Помогают ей женщины села. Наутро они с песнями и причитаниями обходят все дома в округе, и хозяева выносят им что-то съестное – те же гёзельме, кызырму или каурму, жареную рыбу, мамалыгу, соленья, сдобу, вино – словом, кто что может. Эта еда пойдет на общий поминальный стол. Но бу-

дет он накрыт в доме или во дворе родителей Пипируды после «похорон» ее «жениха», Герги. Гробик с куклой опустят она в ручей. И под слезы и причитания жителей села (к женщинам присоединяются и мужчины) поплынет он в дальние дали. А народ, проводив «покойного», садится, в ожидании дождя, его «поминать».

«БЕНТЛИ» РУЧНОЙ РАБОТЫ»

Повитуха в старину и акушерка в наши дни – профессия среди гагаузов и проживающих в Молдавии болгар почтаемая. Именно этот человек помогает ребенку появиться на свет. И хотя сегодня мало кто рожает дома с помощью акушерки, Бабин (или Бабий) день отмечают во многих местах. Это женский праздник, второе Восьмое марта, если хотите, только празднуют его 21 января. В этот день женщины гагаузского села идут с подарками в гости к акушерке. Здесь их уже ждет накрытый стол. Поев, выпив и поговорив, женщины усаживают акушерку в сани, укутывают ее теплыми одеялами и катают по селу. Если встречается мужчина, он должен либо впрячься в сани, либо откупиться, и не какой-нибудь ерундой. Так продолжается час-другой, после чего все расходятся по домам.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Бабин день не является государственным праздником у гагаузов, а вот Хедерлез – да! Старинный праздник отмечается в Гагаузии перед началом полевых работ 6 мая, в День святого Георгия. В автономии это официальный выходной. Хедерлез набирает все большую популярность, потому что одно из основных его событий – скачки на приз башкана. Проводятся они на импровизированном ипподроме – большом лугу рядом с Чадыр-Лунгским конным заводом. И хотя здесь нет тотализатора, загадочных дам в шляпках, шампанского, а большинству зрителей приходится несколько часов стоять под южным горячим солнцем или сидеть на траве, прикрыв голову газетой, накал страсти здесь нешуточный. Пока соревнуются пастухи в щелканье кнутом – а это сложно, длина кожаного кнутовища около 3 метров, – пока гарцают

всадники на выездке, пока бегут по кругу кобылы с жеребятами, которых впервые выпустили на волю, еще куда ни шло. Но когда на дорожке появляются взрослые жеребцы, запряженные в легкие повозки, эмоции у публики начинают зашкаливать. Кажется, невозмутимым остается только один человек – организатор и распорядитель скачек, директор Чадыр-Лунгского конного завода Константин Келеш. Это уникальный руководитель уникальной для Молдавии фермы. Конезавод «АТ-Пролин» – единственное в республике предприятие, специализирующееся на выращивании орловских рысаков. О них Келеш может говорить часами. Гордость Келеша – племенной жеребец Буджак, правнук по прямой линии знаменитого орловского рысака Квадрата, которому в Москве установлены аж два памятника. Первый – перед вхо-

Скачки на приз башкана

дом в павильон «Коневодство» на ВДНХ, а второй – в месте его рождения, на территории Московского конного завода №1. На территории Чадыр-Лунгского завода тоже есть памятник коню. Он установлен на месте захоронения первого жеребца конефермы – Прополиса. По правилам, старых лошадей нужно сдавать на мясокомбинат, но в случае с Прополисом Келеш правила обошел – очень он любил этого коня. Он вообще всех своих лошадей любит, хотя на самом деле они принадлежат не ему, а государству. Конезавод – бюджетное предприятие, и зарплаты там тоже очень-очень бюджетные. «Проблема в том, – объясняет Константин, – что продать лошадь на нашем внутреннем рынке дороже, чем за тысячу евро, мы не можем, у людей просто нет денег. А выйти на рынок Евросоюза, как нам советуют, тоже нет возможности, потому что Молдавия не подписала с ЕС соответствующее соглашение». В самые тяжелые для фермы 90-е годы Келеш продавал свои картины и все вырученные деньги пускал на корм животным. Он редкий художник – рисует лошадей с детства. В России выпустили его альбом карандашных рисунков, в Италии – настенный календарь. Сейчас Келеш пишет многофигурные композиции, но в центре у него всегда орловский рысак. «Если американский рысак – это серийный «феррари», то орловский – это «бентли» ручной сборки», – любит повторять гагаузский конезаводчик.

...Проверено неоднократно: кто хоть раз побывал в Гагаузии, остается очарованным этой землей, в которой вроде ничего такого милого сердцу туриста нет. Ни зачаровывающих пейзажей, ни архитектурных изысков, ни живописных озер, ни быстрых рек. А вот поди ж ты, любое путешествие в этот край незабываемо. Гагаузия вроде открыта, как на ладони, и в то же время полна тайн и загадок. Терра инкогнита, куда всегда интересно возвращаться. ☺

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Традиционные гагаузские сувениры из выдолбленной тыквы

ПРЕДЕЛ ЗАБВЕНИЯ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

СТАРИЦА – ДРЕВНИЙ УЮТНЫЙ ГОРОДОК, ЖИВОПИСНО РАСКИНУВШИЙСЯ НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ МЕЖДУ РЖЕВОМ И ТВЕРЬЮ. ВЕРНЕЕ, ЖИВОПИСНЫМ И УЮТНЫМ КАЖЕТСЯ ОН СО СТОРОНЫ ШОССЕ. НО СТОИТ ТОЛЬКО ПОКИНУТЬ САЛОН АВТОМОБИЛЯ, КАК МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНИЯ БОЛЕЗНЕННО КАСАЕТСЯ СЕРДЦА. И В СОВЕТСКОЕ-ТО ВРЕМЯ ГОРОД НЕ ПРОЦВЕТАЛ, А СЕЙЧАС – ТАК И ВООБЩЕ НАХОДИТСЯ В ГЛУБОКОМ ВНЕШНEM И ВНУТРЕННEM ЗАБЫТИИ. НЕТ ТАКОГО ГОРОДА В МЕНТАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ. ВЕРНЕЕ, В ПАМЯТИ ПРИНИМАЮЩИХ РЕШЕНИЯ – НЕТ.

PУИНЫ БЫЛОЙ ВЕЛИЧЕСТВЕННОЙ СТАРИНЫ РА-НЯТ ДУШУ. Город дожи-ВАЕТ СВОЙ НЕЛЕГКИЙ ВЕК ГДЕ-ТО НА ОБОЧИНЕ ОБЛАСТНОГО БЮДЖЕТА. Лишь несколько неравнодушных краеведов еще пишут книжки о былом месте Старицы в истории России. Так и живет город: памятью о старине, о событиях и драмах, достойных пера отечественного Шекспира...

КРОВАВЫЕ ПИСЬМЕНА ИСТОРИИ

Старицкий городок на Волге был заложен князем Михаилом Тверским в 1297 году как крепость на порубежье с новгородскими и владимиро-сузdalьскими землями. Но освоение края началось гораздо раньше. Еще в 1110 году из Киево-Печерского монастыря пришли сюда два инока, Трифон

и Никандр, построили на правом берегу Волги келью и часовню, проповедовали слово Божье среди финно-угорского и славянского населения. Монастырь разросся. В 1165 году при иноке Феодорите здесь была заложена каменная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, освященная епископом Новгородским Георгием в присутствии, как повествует летопись, великого князя Суздальского Андрея Боголюбского, владения которого находились неподалеку. Так монастырь и получил название Успенского. Когда в 1292 году обитель была сожжена татарами, приведенными сыном Александра Невского Андреем, который надеялся с помощью ордынцев оспорить ярлык на великое княжение Владимирское у своего брата Дмитрия, в нем было уже 124 инока. Все они были убиты и брошены в реку. Когда же спустя пять лет князь Михаил Тверской приехал в эти места, чтобы выстроить тут

крепость, якобы навстречу ему вышла одна-единственная женщина, прятавшаяся в старицких пещерах: ветхая старица, опирающаяся на клюку. К этой легенде восходит название города и изображение старицы с клюкой на его гербе. Хотя краеведы название города связывают с топонимом – волжским притоком Старицей (Верхняя Старица, Старчонка).

История у города нелегкая. В XIV веке Старица была ареной междуусобных войн между Тверью и Москвой. Она не раз переходила из рук в руки, в 1375-м ее даже взял приступом московский князь Дмитрий (еще в ту пору не Донской). Только в 1485 году она в составе Великого княжества Тверского была присоединена к Москве. Династия великих князей Тверских перестала существовать и представлять опасность для престолонаследования. Очень скоро, уже в XVI веке, подобный сюжет повторится в судьбе князей Старицких.

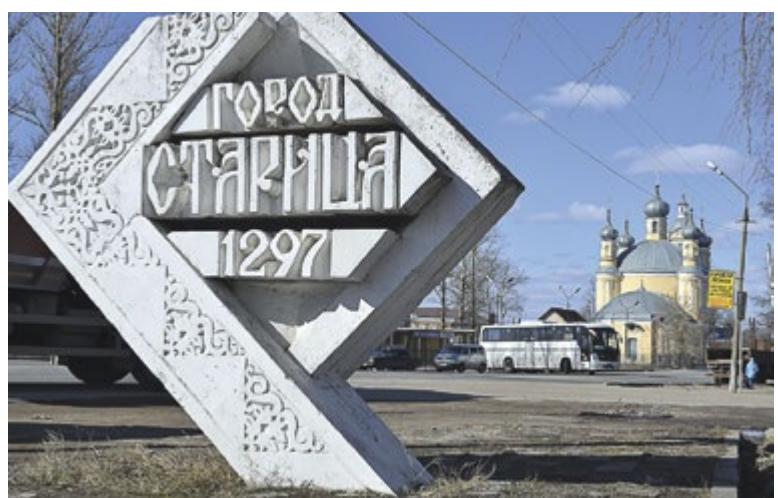
Старица
во всей красе,
с панорамой
Волги и Свято-
Успенского
монастыря

РЕГЕНТША И КНЯЗЬ

У государя всяя Руси Ивана III и жены его Софии Палеолог в живых осталось 9 детей. Среди них старший, Василий – будущий царь, и младший, Андрей. Чтобы младшие братья не предъявляли Василию претензий на престол, им всем были выделены уделы. Андрей получил Старицкий. Он начинает активное переустройство своей столицы: возводит новый кремль, воз-

рождает и переносит ближе к Волге Свято-Успенский монастырь, в котором закладывает новый Успенский собор. Окружает монастырь каменной крепостной стеной, чтобы вместе с кремлем на противоположном берегу они составили единую линию обороны.

В начале декабря 1533 года внезапно скончался государь Василий III. Елена Глинская осталась регентшей с двумя младенцами

на руках: Иваном (будущим Грозным) и Юрием (от рождения слабоумным). По последней воле Василия III ей в помощь был дан боярский совет, куда входил и Андрей Старицкий: все-таки он был дядей будущего царя Ивана. Но Глинская разогнала совет в том же декабре 1533 года и провозгласила себя единственной правительницей России.

Выждав после похорон брата 40 дней, Андрей Старицкий обратился к Елене Глинской с просьбой разрешить увеличить свои

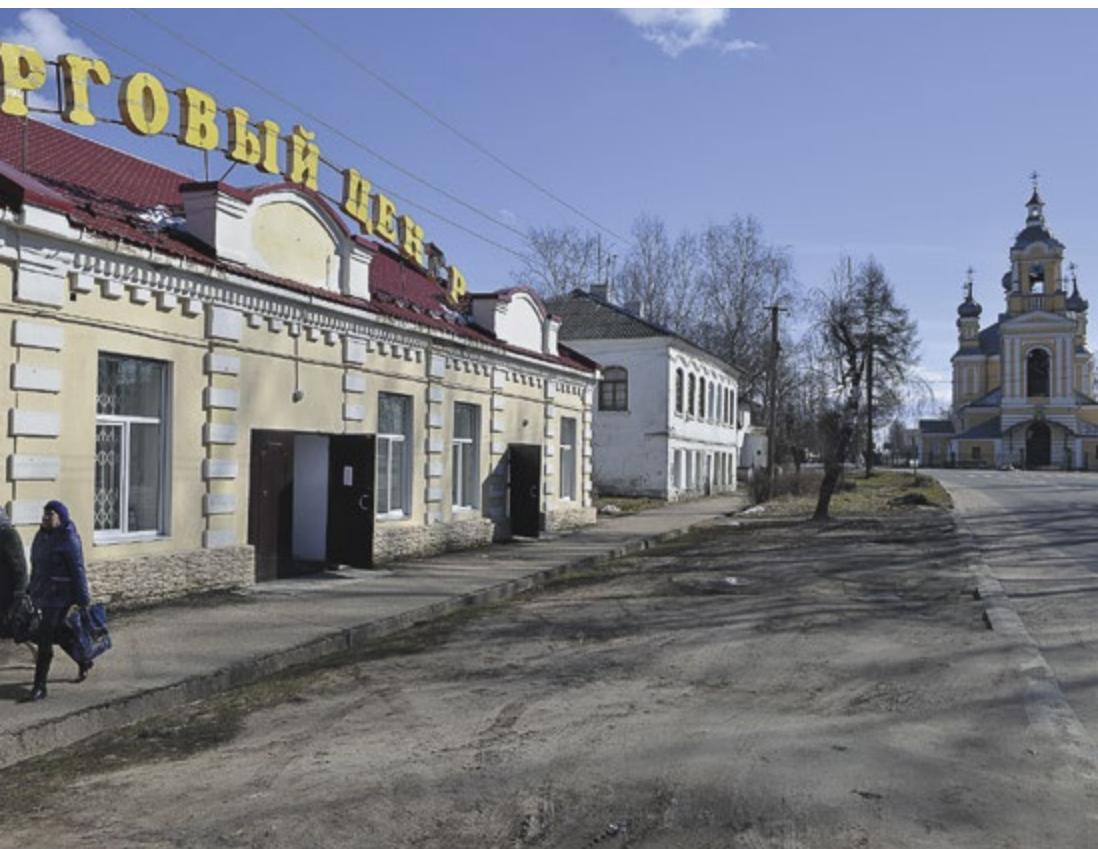
владения. Правительница отказалась. В марте 1534 года князь Андрей возвращается в Старицу, где вокруг него постепенно начинают собираться недовольные правлением клана Глинских. Весной 1536 года Старицкий получает известие о гибели своего старшего брата, Юрия Дмитровского, которого Глинская заключила в темницу сразу после смерти Василия III. Юрий Дмитровский вполне мог претендовать на московский престол, и Глинская, опаясь за судьбу своих сыновей,

И, однако же, город существует далеко на обочине областного бюджета

решила сыграть на опережение. Объясняясь по этому поводу в Старицу приезжал боярин Василий Немой Шуйский. Князь Андрей, в свою очередь, отправился в Москву, встретился с Глинской. Ничего, кроме формальных изъявлений вежливости, встречи не принесла, и Андрей, вернувшись в Старицу, решил в столицу больше не ездить.

Но Москва его не забыла. Он был приглашен на какое-то совещание, но не поехал, сказавшись больным. Когда он отговорился болезнью второй раз, к нему послали людей, чтобы выяснить, чем именно он болен. Те верно угадали, что ничем. В Москве поползли слухи о желании Старицкого бежать в Литву. Наконец Андрей Иванович получил известие, что будто бы уже едут схватить его. Князь вскочил на коня и с дружиными поскакал прочь. Шел 1537 год. Правда, путь его был недалек: он остановился в селе Берново, что на границе между тверскими и новгородскими землями. Отсюда князь стал рассыпать всем недовольным правлением

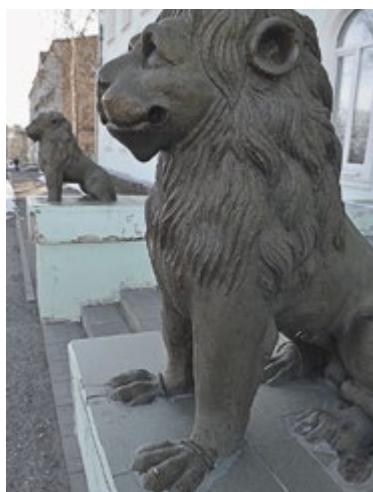
Глинских грамоты, чтобы присоединялись к нему. Довольно быстро составился большой отряд, с которым Андрей двинулся к Новгороду, вероятно, надеясь взбунтовать город.

В Москве все это было расценено как мятеж. Для усмирения князя был отправлен фаворит Глинской, воевода Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. Навстречу Старицкому из Новгорода вышел отряд верного Москве воеводы Бутурлина, да и Оболенский с войском уже был на подходе. Но до битвы дело не дошло. Оболенский пообещал, что если князь Андрей повинится перед Глинской, то будет прощен. Мятежники сдались в плен. Но это их не спасло. В Москве Глинская первым делом спросила у Овчины, какое он имел право объявлять мятежникам милость. И в наказание подвергла его кратковременной опале. Ближайшие сторонники князя Андрея были повешены. Сам же он был брошен в темницу: «посадиша его в заточенье на смерть, и умориша его под шляпою железною»...

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ ЦАРЯ

Князю Владимиру Андреевичу Старицкому рано пришлось узнать, что такое близость к царской власти: с 3 до 6 лет он вместе с матерью, княгиней Ефросиньей Старицкой, провел в заточении из-за мятежа отца своего – князя Андрея. Только в 1541-м, спустя три года после смерти Елены Глинской, он был освобожден по ходатайству бояр Шуйских. Юный царь Иван IV, который был лишь на три года старше князя, прибли-

Торговые ряды с набережной перебрались в центр города...

...А львы – из городского парка поближе к солидному фасаду

зил Владимира, дал ему двор в Москве, охотно представляя его как «двоюродного брата» и любимого родственника. Тогда же, в 1541 году, Владимиру Андреевичу был возвращен Старицкий удел. Но князь Владимир, в отличие от отца, не спешил уезжать из Москвы. Напротив – он, почти совсем еще мальчишка, в гуще дел государственных. Именно ему, 16-летнему, доверяет 19-летний Иван IV управлять Москвой во время второго своего похода на Казань. Во время третьего похода, в 1552 году, Владимир уже сопровождает царя, командует царским полком при последнем штурме города, одним из первых врывается в пролом в крепостной стене и первым поздравляет брата-царя с победой.

Из похода он возвращается настоящим героем: царь неоднократно «честил» (чествовал) его на пирах, одаривал драгоценной посудой, мехами, деньгами...

В истории царствования Ивана Васильевича необычайно много «если». А что случилось бы, если бы что-то произошло иначе? Если бы царь не заболел вскоре после возвращения из победоносного похода, жизнь Владимира Андреевича могла бы, наверное, сложиться иначе. Но царь заболел. Горячкой, которая признавалась врачами неизлечимой. До его смерти считали дни. И предстояло решить вопрос о власти: у Ивана IV был тогда единственный сын от Анастасии Романовны – трехмесячный царевич Дмитрий, который умер в 1553 году. А Владимир Андреевич? В нем тоже текла кровь Рюриковичей, он был хоть и двоюродный, но брат царю. У кого родилась мысль занять московский престол? Сие доподлинно неизвестно. Но сложились две боярские партии: одна стояла за цесаревича, а другая, распаляемая женой погубленного князя Андрея Старицкого Ефросиньей, – за Владимира Андреевича. В конце концов победила партия цесаревича, но это уже было неважно:

царь выздоровел. И ему все стало известно. Он знает имена всех, составлявших «партии». Он может карать – но не карает. Он налагает, правда, на Владимира Андреевича краткую опалу, и князь уезжает к себе в Старицу. Но менее чем через год, по случаю рождения сына Ивана, царь в 1554 году вновь приглашает его в Москву и назначает опекуном и регентом при царевиче...

Все меняется в 1560 году. Любимая жена царя Анастасия Романовна умирает, и с Иваном Васильевичем начинают происходить необъяснимые превращения. Он отдаляет любимого советника воеводу Адашева, душеприказчика Сильвестра, затем отстраняет Адашева от воеводства и заключает в тюрьму, где тот умирает... Начинаются казни.

В это время князь Владимир Андреевич жил в Старице, где успел заложить в кремле Борисоглебский собор – одну из самых грандиозных и необычных каменных построек XVI века, увенчанную резьбой по камню и чудесными изразцами. Предполагают, что в их изготовлении принимал участие итальянский мастер.

В 1563 году Старицкий по приказу царя возглавляет поход русских войск на Полоцк. Пока дружины осаждали город, Ивану Грозному был подан донос о том, что Владимир Андреевич и его мать Ефросинья плели заговор против государя. Грозный призвал на совет митрополита Макария и епископов: мол, дело давнее, стоит ли огород городить? И церковные иерархи отговорили царя: он согласился не трогать Старицких. Только заменил в Старице их собственную прислугу своей. После этого мать князя Владимира Андреевича постриглась в монахини под именем Евдокия в Горицком Воскресенском монастыре. Грозный царь дал на это согласие.

Владимир Андреевич был талантливым военачальником: мы видим его то на Ливонской войне,

Первый Патриарх
Московский
и всея Руси
Иов был родом
из Старицы.
Жители
города об этом
не забывают

Последние годы
жизни, изгнанный
Лжедмитрием I
из Москвы,
патриарх Иов
провел в Старице.
Здесь же, в Свято-
Успенском
монастыре, был
погребен. Через
сорок лет моши
его перенесли
в Успенский собор
Московского
Кремля;
но место первого
захоронения
первого
российского
патриарха до сих
пор почитается
особо

то воеводой по охране южных русских рубежей. На протяжении пятнадцати лет он возглавлял вместе с Хворостининым русские войска, стоявшие против крымского хана Девлета Гирея. Историк В.В. Каргалов подсчитал, что за эти пятнадцать лет ими было отбито 24 набега крымских татар. К счастью для себя, Владимир Андреевич, живя в военных походах, не узнал кровавого цирка опричнины. Масса подробностей жизни страны и царя, может быть,

и беспокоили его, хотя лично не должны были затронуть.
Но затронули.

В 1569 году Владимир Андреевич был назначен командующим войсками, отправленными защищать Астрахань, на которую нацеливался не только крымский хан Девлет Гирей, но и турецкий паша. Их сводное войско потом погибло в Манычских степях от зноя и жажды, почти без всякого военного вмешательства. Хуже пришлось Владимиру Андреевичу Старицкому. Дело в том, что он сумел понравиться. Народу. В Коломне боярство и народ устроили ему настоящий триумф, тепло встретили и в Нижнем, где князь некоторое время стоял, дожидаясь судов на Астрахань. Коломенский триумф Владимира Андреевича не ускользнул от ока Грозного. Всплыли старые подозрения... Короче, вслед отряду Владимира Андреевича послан был «за белорыбицей» царский повар из Александровской слободы. И тот, вернувшись, донес, что Владимир Андреевич уговаривал его отра-

вить царя, показывал данный ему яд и деньги...

Владимира Андреевича истребовали назад – к царю в Александровскую слободу. В начале октября 1569 года, ничего не подозревая, Владимир Андреевич прибыл на ямскую станцию Богану под слободой и разбил там свой лагерь. На следующий день несколько сот опричников окружили Богану. На двор к старицкому князю явились опричные судьи Василий Грязной и Малютка Скуратов. Они объявили, что царь «считает его не братом, но врагом». Началось «дознание». Грозный не мог обойтись без судилища, где в качестве последнего доказательства предъявлен был и повар, и яд, и деньги. После этого, пишет Карамзин, царь сказал: «Вы хотели умертвить меня ядом: пейте его сами!» Князь Владимир замешкался, тогда супруга его Евдокия с твердостью сказала мужу: «Не мы себя, но мучитель отравляет нас: лучше принять смерть от царя, нежели от палача». Владимир прощился с супругою, благословил

детей и выпил яд: за ним Евдокия и сыновья». Одновременно Грозный жестоко расправился с матерью удельного князя, Ефросиньей Старицкой, находившейся в заточении на Белоозере: ее утопили в Шексне. Так род удельных князей Старицких прекратил свое существование. Утверждают, что второй собор Успенского монастыря, Введенский, специально был выстроен Грозным в память об убиенном брате Владимире Старицком...

Там, где патриарх Иов провел свои последние дни, отказавшись свидетельствовать «подлинность» царя Лжедмитрия I и отправленный за это в изгнание... Впрочем, какое изгнание для него Старица? Это и его родной дом, и начало его подвижнического пути...

Икона над воротами Свято-Успенского монастыря изображает патриарха Иова иноком монастыря. В это время он познакомился с молодым царем Иваном Грозным. И жизнь его круто изменилась

ДНИ БЛАГОДЕНСТВИЯ

Вместе с Александром Шитковым, местным историком и страстным краеведом, стоим на высоком левом берегу Волги. Когда-то здесь тверской князь Михаил Ярославич заложил первую Старицкую крепость, здесь укрепляли и украшали кремль своей маленькой столицы князья Старицкие. Сейчас от всего этого ничего не осталось: лишь высокий вал, очерчивающий контуры древнего городища. Борисоглебский собор – чудо каменного зодчества – начали разбирать еще при патриархе Никоне, в 1658 году, а камень свозили на строительство Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой. И хотя в том же году разрушение собора было прекращено, вред ему был нанесен непоправимый: уже к середине XVIII века собор так обветшал, что в нем опасно было проводить богослужения. Так что в 1804 году остатки его «за ветхостью» были разобраны. Сейчас на высоком правом берегу сохранилось лишь несколько

бездействующих памятников: шесть каменных кузниц у обрыва реки и заново отстроенный в 1828 году новый Борисоглебский собор. Поначалу кажется, что руку к нему приложил сам архитектор Николай Львов – мастер удивительных форм и архитектурных сочленений. Собор представляет собой массив, увенчанный пятью куполами, из которых центральный – световой. Через него проникает свет внутрь храма. Оказалось, что собор и колокольня и вправду были построены страстным почитателем Львова – местным архитектором Матвеем Чернятиным. Все это и сейчас еще находится в приличном состоянии. Как редкий памятник церковного зодчества, собор «охраняет-ся государством». Но... Пройдет десять, от силы двадцать лет – и весь памятник обратится в руины...

Спускаемся к самому берегу, где стоит наполовину уже развалившийся, поврежденный пожаром огромный двухэтажный дом.

Бесхозный
Борисоглебский
собор
(первая четверть
XIX века) –
уникальный
памятник
русского
зодчества школы
Николая Львова.
Архитектор –
Матвей Чернятин

– Это дом знаменитого хлеботорговца Филиппова, – поясняет Александр Шитков. – Между прочим, в ночь с 20 на 21 августа 1824 года здесь останавливался император Александр I. А с ним только повозок было почти 150 штук, запряженных тройкой или шестеркой. То есть свыше 500 лошадей. Это сена сколько надо! Плюс Его Императорского Величества окружение, плюс рота гвардейцев охраны. И всех их Старица смогла не только где-то разместить, но и,

самое-то главное, прокормить. Представляете?

Шутим по поводу того, где бы сегодня остановился в Старице президент России, случись ему приехать сюда: единственная в городе гостиница «Волга» вряд ли приглянулась бы президенту. А дома... Домов ныне таких нет. Были. Совсем недавно. По всему городу преследуют нас великолепные белокаменные коробки с провалившимися крышами и выставленными окнами – остатки былой роскоши.

А это –
современный
вид флигеля
дома, в котором
останавливался
когда-то
император
Александр I

В отличие от богатейших торговых поволжских городов – Ярославля или Рыбинска – Старица никогда не выделялась особым богатством. Ее основным промыслом была добыча белого камня в штолнях (или «заломках») вдоль Волги. Здесь река пробила глубокий каньон между двух берегов и обнажила слои известняка, залегавшие когда-то на дне древнего девонского моря, занимавшего по площади чуть ли не всю Восточно-Европейскую равнину. Мячковский горизонт известняка относится к тому же слою: только камень там хуже. Более молодой («всего» 300 миллионов лет), хрупкий, колкий, желтый. Старицкие известняки старше на 100 миллионов лет – поэтому и камень здесь белый, плотный, в переходном состоянии от известняка к мрамору: он «искрист», если поглядеть на него при свете солнца. В старину белый старицкий камень так и называли – «старицкий мрамор». И именно этот камень шел на строительство крепостных стен и соборов.

Подмосковные каменоломни поставляли камень похоже: он не использовался в облицовочных работах, в лучшем случае им забутовывали (заваливали и утрамбовывали) пространство внутри стен; применяли для заливки фундаментов, в строительстве подвалов, погребов и т.д. Можно себе представить, каков был спрос на «старицкий мрамор» в разгар белокаменного строительства – с XVI по XIX век! Именно этим и жил город. Он никогда не был большим и

Мы в древней выработке («заломке») «старицкого мрамора». Несколько столетий назад некие неизвестные нам каменотесы оставили этот столб, поддерживающий потолок. И он служит до сих пор

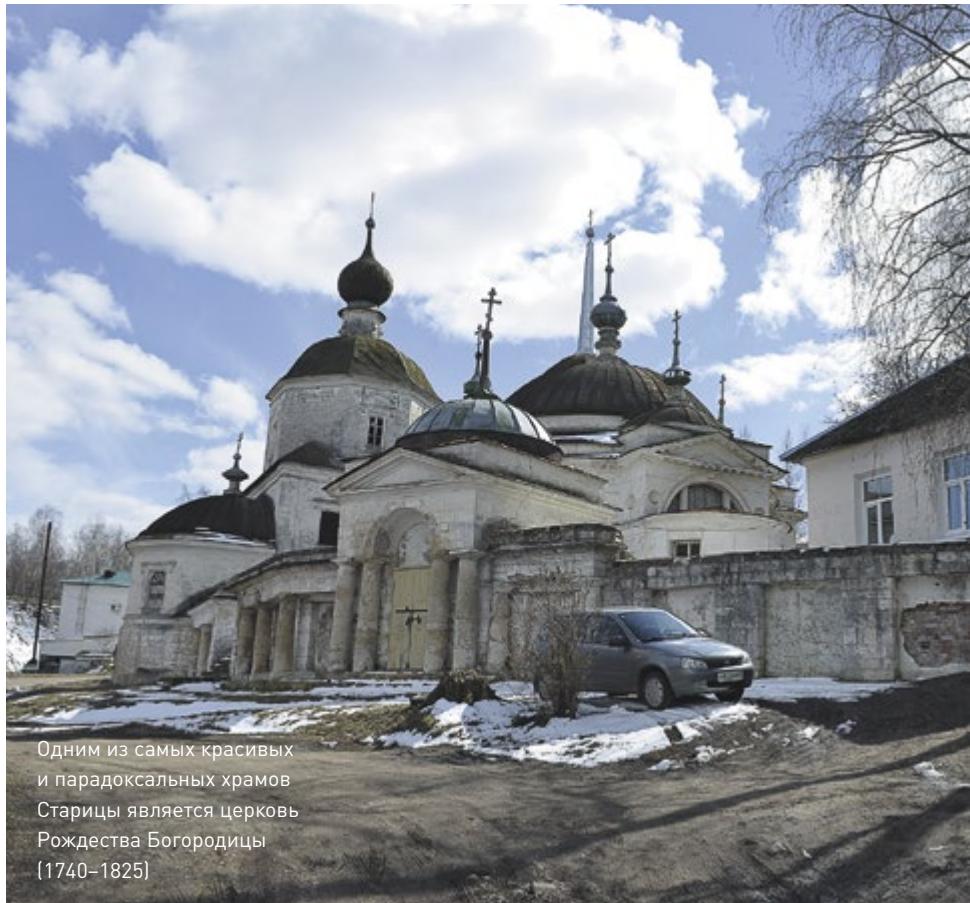
В трещинах известняка в изобилии водятся небольшие летучие мыши

никогда не был бедным. В городе с 5-тысячным населением только купцов высшей, первой гильдии жило 5 человек; второй – 10. Ну а низшей, третьей гильдии – 130. Они-то и оставили старицкие церкви и белокаменные дома, которые до сих пор, несмотря на всю их изношенность, поражают своей красотой.

Зимой купцы нанимали артели каменотесов, которые на протяжении трех-четырех месяцев ломали старицкий белый камень в береговых откосах Волги. Одну из таких «зalomок» мы посетили с краеведом Андреем Морозовым. Это колоссальная выработка, разветвляющаяся на параллельные галереи и боковые ходы, как настоящий лабиринт. Обычно толщина слоя известняка колеблется от 1 до 4 метров: именно так, следуя по известняковому горизонту, и пробивали себе дорогу ломщики камня. Каждая артель имела свои секреты добычи камня, которые тщательно хранились. Главное было – угадать слабое место, по которому можно расколоть монолитный слой известняка и затем очень аккуратно, при помощи кайла, зубила и обычных шестов вырубить из стены блок побольше. Потом, пока он влажный, прямо в пещере этот блок обпиливали двуручными пилами, а уж затем на катках или, если позволяла высота проходов, с помощью лошади, вывозили к выходу.

Опасной и трудной была профессия ломщика камня. Никогда не забуду чувство тайного ужаса в огромном по высоте зале, «потолок» которого удерживали мощные белокаменные колонны, оставленные здесь каменотесами минувших веков...

Правда, и зарабатывали артельные люди хорошо – за три месяца от 35 до 40 рублей. А в то время за 6 рублей можно было купить корову. Именно поэтому промысел «старицкого мрамора» продолжался до 1928–1929 годов, когда крестьян стали

Одним из самых красивых и парадоксальных храмов Старицы является церковь Рождества Богородицы (1740–1825)

стонять в колхозы и артельные промыслы были запрещены. Второй опорой старицкого благополучия было кузнечное ремесло, напрямую связанное с добычей камня: пилы, топоры, рубила, кайла, зубила – все это помимо прочей утвари составляло заботу кузнецов. Инструмента требовалось много: ведь одних «заломок» до революции возле Старицы насчитывали 120. Из них сейчас открытыми осталось только 28.

Когда же при социализме промысел камня был запрещен, кузнечное дело в Старице тоже пришло в упадок. Пока был каменный промысел, артели, кузнечные мастерские – народ богател. И город вместе с ним. Как только частная инициатива перешла в руки государства – и народ обеднел, и город превратился в скопище строений. Камень-то под Старицей добывают и сегодня. Причем в громадных, непредставимых прежде объемах – карьерным способом...

ПОПЫТКА ХЕППИ-ЭНДА

Как сказал кто-то из китайских лидеров еще на пороге «китайского экономического чуда»: «Дайте народу мелкий бизнес – и мы перевернем мир». У нас немало любителей поговорить за мелкий бизнес. Только вот бизнеса этого почти нет. Не мне доискиваться, по каким причинам. Только вот поэтому и жизни нет – по край-

А это наш проводник по старицким пещерам – Андрей Морозов

ней мере, для таких городов, как Старица.

Впрочем, есть и в Старице одно место, которое по праву можно назвать сердцем города – это Свято-Успенский монастырь, в свежерасписанной трапезной которого мы как-то раз отобедали. Выглядит он так, будто построен вчера, а не во времена Ивана Грозного. Выбеленные стены, золотые купола, цветники, настоятельский корпус, два величественных собора – красотища! А ведь монастырю досталось в свое время: и колокола были сброшены, и фрески сбиты, и даже часть стены монастырской была разобрана: что-то из этого кирпича пошло на городскую баню, что-то – на водонапорную башню водоканала в Твери. Остатками стен своих монастырь укрыл в разное время множество организаций: краеведческий музей, общежитие на 19 семей, училище механизации и школу искусств... Потом монастырь был передан церкви со всем своим порушенным наследством. Денег на его реставрацию не было. И вот в 2001 году бывший тогда заместителем председателя правительства Виктор Христенко создает Фонд возрождения Свято-Успенского монастыря, который финансирует работы по реставрации монастыря. И теперь в самом сердце Старицы блестает монастырь. Он настолько прекрасен, что выламывается из общего унылого городского пейзажа. Это действительно подарок городу. Стариchanе рассказывают, что вместе с монастырем в город вернулись праздники: Рождество, Дни славянской письменности, Пасха... Эти праздники очень любят дети. А монастырь поощряет особо одаренных. Вот такой важный для города результат: праздники вернулись... Должно быть, все было не так просто. Все было гораздо сложнее. Но сказанное есть в некотором смысле лишь алтекарская ложка оптимизма, завершающая разговор о Старице. ●

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

**Корпоративная подписька
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru